

Учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Факультет культурологии и социально-культурной деятельности
Кафедра культурологии

УТВЕРЖДЕНО
Заведующий кафедрой
культурологии

_____ А.И. Смолик
_____ 20__ г.

УТВЕРЖДЕНО
Декан факультета
культурологии и
социально-культурной
деятельности

_____ Н.Е. Шелупенко
_____ 20__ г.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

**МИФОЛОГИЯ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ:
ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ**

для специальности 1-21 04 01 Культурология

(по направлениям), 1-21 04 02

Искусствоведение (по направлениям),

*1-23 0114 Социально-культурная
деятельность*

Составитель:

Смолик А.И., заведующий кафедрой культурологии учреждения образования, доктор культурологии, профессор

Рассмотрено и утверждено
на заседании Совета университета 19.04.2022г.
протокол №10

Составитель:

А.И. Смолик, заведующий кафедрой культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», доктор культурологии, профессор

Рецензенты:

М.М. Соколовская, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусская государственная академия музыки», кандидат культурологии, доцент;

Ю.А. Косик, доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат культурологии.

Рассмотрен и рекомендован к утверждению:

Кафедрой культурологии

(протокол от 23.03.2022 № 9);

Советом факультета культурологии и социально-культурной деятельности

(протокол от _____ № _____)

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.....	4
2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	7
2.1 Конспект лекций.....	7
3. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	106
3.1 Тематика семинарских занятий.....	106
4. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ.....	107
4.1 Перечень вопросов по темам семинарских занятий.....	107
4.2 Вопросы к зачету.....	109
5. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ.....	110
5.1 Учебная программа.....	110

1. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Курс по выбору «Мифология Китая и Беларуси: общее и специфическое» входит в систему гуманитарных дисциплин и предназначен для реализации первой ступени высшего образования. Структура и содержание отвечают требованиям Образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Данный курс концептуально связан с рядом культурологических дисциплин (теория и история культуры, культурология, культурная антропология, аксиология, семиология культуры, динамика мировой культуры, социология культуры, лингвокультурология и др.). Он является метадисциплиной по отношению к ним. Его предметное содержание – экспликация культурологических методов и методик, а также реалий традиционных культур Беларуси и Китая. Курс систематизирует знания о культурологических подходах и методах изучения такой ранней формы духовной культуры, как мифология, представляющую собой особый тип дискурса в контексте гуманитарного знания; формирует специальные знания и компетенции, необходимые студентам для осуществления профессиональной научно-педагогической и научно-исследовательской деятельности.

В структуру учебного курса «Мифология Китая и Беларуси: общее и специфическое» входят знания теоретико-методологического и прикладного характера, которые являются основой культурологического исследования текстов культуры.

Целью учебного курса по выбору является углубленная профессиональная подготовка студентов в области теории и методологии культурной антропологии, что подразумевает изучение артефактов традиционной культуры, в частности мифологического миропонимания белорусов и китайцев на заре цивилизаций.

Задачи дисциплины:

- дать представление о мифологии как научной дисциплине, базирующейся на системе практических знаний, трудового опыта и образного мышления;
- охарактеризовать структуру и предметное содержание мифологии;
- познакомить студентов с ключевыми терминами, категориями и дефинициями, составляющими теоретическую основу методов проведения культурантропологического исследования мифов белорусов и китайцев;
- сформировать у студентов академические компетенции, необходимые для выполнения научно-исследовательской работы в области народной мифологии, социальной мифологии;

- способствовать обретению практических навыков исследования мифологических текстов;
- содействовать формированию научного креативного и инновативного мышления, основанного на духовных ценностях и образах мифологии;
- развивать навыки самостоятельной работы с фрагментами мифов как Беларуси, так и Китая.

В результате изучения курса студенты должны *знать*:

- генезис мифологии как эволюционирующей системы;
- комплекс научных дисциплин, связанных с изучением мифологии;
- общенаучные, частнонаучные, дисциплинарные и междисциплинарные методы исследования мифологического наследия белорусов и китайцев;
- ключевые подходы, методы и методики культурантропологического исследования мифологии;
- актуальную тематику и проблематику мифологического дискурса;
- инвариантную структуру научного метода.

В результате изучения курса по выбору студент должен *уметь*:

- охарактеризовать методологические парадигмы Нового и Новейшего времени, обеспечивающие изучение мифологии;
- владеть категориальным аппаратом философии, методологии науки и культурной антропологии;
- проводить анализ структуры мифологического знания и соответствующей ему методологии;
- анализировать актуальные теоретические и методологические проблемы исследования мифологии и бытования мифов в современной субъектов белорусской и китайской культур;
- применять методы, методики и технологии анализа мифологических текстов.

Предназначение учебно-методического комплекса «Мифология Китая и Беларуси: общее и специфическое» – в ориентации студентов на использование в образовательном процессе системы интерактивных методов, развивающих критически-творческое мышление, укрепляющих инновационный потенциал лекций и семинарских занятий, самостоятельной учебно-познавательной деятельности. Эта система включает совокупность компонентов: тренинг по каждому разделу учебного курса; тестирование по темам; диалог с мыслителями прошлого и современными учеными; самостоятельный исследовательский поиск – выполнение микроисследований к семинарам; овладение навыками публичного выступления и политического лидерства; решение ситуационных задач;

углубленное изучение дисциплины с использованием классических произведений, политических документов, научных периодических изданий. Эти методы привлекают внимание студентов, побуждают их к заинтересованному усвоению фундаментально-прикладных основ общественно-политических наук.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1 Конспект лекций

Тема 1 Мифология как одна из важнейших форм, смысложизненных поисков человечества (2 часа)

1.1 Миф и современность

Мировое сообщество, начиная с Нового времени, достигло грандиозных успехов в развитии науки и техники, которые радикально изменили жизнь человека в окружающей его среде, совершили отрыв человека от природных основ. Глубинные и поразительные по своим последствиям научно-технические открытия послужили основой формирования научного мировоззрения, сменившего мифологическое миропонимание человека минувших тысячелетий. Такое стремительное развитие научно-технического прогресса как детерминанта социальных изменений актуализировало широкий спектр мировоззренческих процессов. Современное человечество хотело бы знать есть ли пределы воздействия науки и техники на ее бытие, несут ли они благо или роковые последствия для нынешней и грядущей цивилизации? Ряд культурологов, философов и социологов, высказывали пессимистические взгляды на роль науки и техники в будущей судьбе земной цивилизации. Под воздействием научно-технических достижений, утверждал К. Ясперс, поверхность земного шара превращается в машинный ландшафт. Человек становится придатком техники, сущностью его жизни становится подчинение машине. Для того чтобы обрести место у машины человек лишается этнокультурных корней, теряет родину, ценности и идеалы своей культуры. По мысли М. Хайдеггера, сам человек превращается в своеобразный вид сырья, подлежащий целенаправленной идеологической обработке. Пессимистических взглядов в отношении место техники в жизни современного общества придерживался и Ж.-П. Сартр.

Иные оценки научных открытий и их внедрения в различные сферы деятельности людей у апологетов науки и техники. Отрицая их демонические последствия, они видят смысл научно-технического прогресса в освобождении человека от подчинения природе с ее бедствиями и угрозами. Так, Д. Белл считал, что современная волна научно-технических инноваций устранит внутренние противоречия и коллизии научно-технического прогресса, обеспечат гармонию человека с миром. Отстаивая идею прогрессивно-поступательного развития цивилизации, он выдвигал при этом необходимость возрождения утраченных прежних форм социального

устроения, создания таких условий, при которых станет возможным всестороннее творчество личности.

На фоне таких полярных представлений о будущем земной цивилизации в массовом сознании субъектов современной культуры начали быстро проявляться некоторые сохранившиеся черты мифологического мышления. Основоположник постструктурализма Р. Барт утверждал, что современность является привилегированной сферой мифических значений. Причина этого, по мнению французского философа, «кроется в том, что миф, безусловно, является наиболее удобным средством той идеологической инверсии, которая характерна для нашего общества; на всех уровнях человеческой коммуникации осуществляется превращение антифазиса в псевдофазис». Мифологизм наиболее быстро проникает в современное искусство, в котором сочетается постмодернизм с фольклорно-мифологическими традициями. Белорусский литературовед В. А. Коваленко считает, что «обращение к мифологии необходимо писателю для того, чтобы, возвысить образы над жизненной эмпирикой, практическими потребностями человека, чтобы опозитизировать жизнь, придать ей духовный смысл». Мифологические параллели служат для писателей, художников и музыкантов фоном и способом характеристики героев, их действия сравниваются с деяниями мифологических героев. Особенность современной литературы, как полагает Т. И. Шамякина, заключается «в восстановлении глубинных мифосинкретических структур мышления, реконструкции мифологического сознания, что связано, на наш взгляд, с возвращением к космологическому мировосприятию, к необходимости выработки единого языка, который смог бы описать мир, ибо разрозненные науки сделать этого не могут».

Мифологические структуры образов и поведения в целях воздействия на общество активно используют в настоящее время средства массовой информации. Так, персонажи многих телевизионных сериалов являются современной версией мифологических героев, воплощающих идеал значительной части реципиентов. А если учесть, что средства массовой коммуникации имеют возможность легче, чем когда бы, то не было, манипулировать сознанием обывателя и делать всякую иллюзию всеобщим достоянием, то становится понятным, почему одержимость создателей современных мифов, умноженная на духовную инертность масс, способна превратить миф в мощную социальную силу. С помощью масс-медиа осуществляется мифологизация реальных личностей современности, их превращение в образ, являющийся примером для подражания.

Мифология повлияла на возникновение и развитие некоторых рекламных жанров, обогатила рекламу художественно-изобразительными средствами и приемами. Исследования последних лет свидетельствуют о непосредственной связи мифологических процессов с рекламным творчеством. Опираясь на мифологические истоки, беря оттуда не только формы, изображения, все то, что составляет ее традиционность, реклама адаптируется к современным условиям и требованиям, находит место в

новых видах рыночных отношениях. Она является не просто одной из форм информационной деятельности, обеспечивая связь между производством и потреблением, но и влияет на формирование мнения и поведения людей, общественного сознания.

Миф сегодня также эффективно применяется в политических идеологических системах. Из способа архаического образного мышления он превратился в средство политического манипулирования. С помощью мифа политические круги, находящиеся у власти стремятся убедить массы в том, что именно они являются единственными выразителями интересов народа. Известный китайский мифолог Лэн Дэ Си 冷德熙 в книге «Мифология. Исследование политической составляющей в мифологии» пишет, что «политический миф» – это неизбежная часть древней китайской мифологии. Поэтому изучение «политической мифологии» является неотъемлемой частью изучения древней китайской мифологии, ибо она отражает китайскую нацию, основной дух китайской культуры. Так, господствующим социальным мифом XX в. являлся миф об исключительных, пророческих способностях руководящей личности, которая может быстро привести народ к счастливой жизни. Мифологизированы были образы В. И. Ленина, И. В. Сталина, Мао Цзедун, Ф. Кастро и других политических деятелей XX в. Социолог А. Гулыга считает, что «социальный миф сегодня – это результат не столько полной необразованности, сколько недостаточного образования, приспособившаяся к потребностям времени, он может принять наукообразную форму, но за квазинаучной фразеологией всегда прячется его внутренняя пустота».

На наш взгляд, было бы ошибочным недооценивать роль мифа в жизни современных поколений. В настоящее время мифология служит эффективным средством формирования духовного мира людей. Именно современные условия духовной жизни человека содействуют тому, что он все сильнее тянется душой к натуральности, к первозданной красоте природы, глубоко человеческой красоте народного творчества. Об этом образно сказал А. Тэнэсе в своем фундаментальном труде «Культура и религия». Он подчеркивал огромную воспитательную функцию мифа, отмечая, что миф является одной «из форм культуры, которая берет свое начало в мифологическом потенциале примитивных синкретических культур и которая является постоянным вдохновляющим и стимулирующим фактором в последующих культурах, вплоть до наших дней». Хы Ман Цзы 何满子 в произведении «Китайская мифология и её результат» также полагал, что миф сам по себе приносит огромное влияние на последующую культуру, особенно художественную литературу.

Таким образом, в настоящее время наблюдается своеобразный процесс актуализации мифологии. Миф притягивает внимание современного субъекта культуры своей загадочностью и тайной, сконцентрированной в ней мудростью и опытом развития человечества, своей сложностью и

значительностью, смысловой наполненностью, ибо в мифе заложены ответы на многочисленные проблемы существования Вселенной и человека в ней. Наука не смогла, как предполагали позитивисты в XIX в., полностью вытеснить мифологию, потому что она до сегодняшнего дня не в состоянии дать исчерпывающие ответы на ряд общих метафизических вопросов. Человека интересуют проблемы происхождения и смерти, смысла жизни, сущности души, добра, зла, совести и красоты. В то время как мифология по-своему стремится объяснить эти трудноразрешимые наукой проблемы через понятные и доступные массам дефиниции, формы и способы. Ремифологизация, по мнению Е. М. Мелетинского, происходит вследствие «вечного символического выражения основ человеческого бытия и человеческой психики независимо от исторических обстоятельств и конкретных характеров».

Такое повсеместное обращение к мифу, безусловно, не могло не актуализировать научно-исследовательскую деятельность в сфере мифологии. В XX веке основательное изучение различных аспектов мифа начинается практически во всех странах мира. Ученые мира помимо исследования общих проблем мифа уделяют большое внимание выявлению особенностей содержания национальных мифологий. У каждого из древних этносов, бесспорно, сложились свои специфические особенности мифологического миропонимания, что нашло отражение в бытовом общении, в отношениях к природе и окружающей среде.

За пяти тысячелетнюю историю существования китайского сообщества его этносами также создана богатая мифология, отражающая явления природы и социальной жизни в широких художественных обобщениях. Известный китайский мифолог Юань Кэ 袁珂 отмечал, что «мифы, созданные в глубокой древности народом, основывались не на отвлеченных идеях, а на конкретных потребностях и стремлениях, возникающих в трудовой деятельности». Мифы послужили истоком китайской духовной и материальной культуры, научных знаний во всех областях естествознания и обществоведения. Переосмысленные мифы легли в основу течений философской мысли Китая: даосизма, конфуцианства, буддизма, исторических знаний. Высоко оценивая значения мифа в историческом прошлом и современной истории Поднебесной, ученые Китая на протяжении многих десятилетий всесторонне занимаются исследованием национальной мифологии.

В тоже время следует констатировать, что богатые и самобытные белорусская и китайская мифологии, в отличие от античной, скандинавской и других, не так широко представлены в мировой культуре. Мифы белорусов и китайцев в основном известны лишь немногим специалистам. Так, мифология белорусов не представлена в ряде научных трудов и справочно-информационной литературе. Например, в фундаментальное издание «Мифология: Иллюстрированный энциклопедический словарь» и двухтомник «Мифы народов мира» не включены белорусские мифы, среди

многочисленных авторов, участвовавших в создании этих трудов, нет имени ни одного белорусского мифолога.

Среди многочисленной научной литературы, посвященной разнообразным аспектам мифологии разных народов мира, белорусской и китайской мифологии, отсутствуют комплексные исследования такой категории мифов, как мифы о героях, созданных этносами различных исторических типов культуры. Поэтому, на наш взгляд, сравнительно-типологический анализ мифологических сюжетов, образов, тематики, структуры мифов белорусского и китайского народов является весьма актуальным, продуктивным и научно значимым. Тем более, что между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь в настоящее время сформировался высший уровень взаимоотношений в сфере политики, экономики и культуры. Дальнейшее развитие межкультурных коммуникаций, на наш взгляд, возможно только на основе глубокого погружения в культуры белорусского и китайского народов, выявления общих и специфических культурных ценностей и норм, имеющих мифологические истоки.

1.2 Белорусская и китайская мифология: общее и особенное

Исторический генезис культуры всех исчезнувших и ныне существующих земных цивилизаций начинался с такой первоначальной формы духовной культуры, как *мифология, представляющая систему взглядов, основанную на иррациональном способе восприятия и отражения мира*. Данный специфический тип сознания человека, характерный преимущественно для архаической стадии развития истории, когда освоение мира первопредками носило иррациональный, метафоричный и мистический характер. Миф являлся отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях. В основе мифа лежала реальная жизнь, а отнюдь не вымыслы, возникшие в головах людей. «В первобытном обществе, отмечал Е.М. Мелетинский, мифология представляла основной способ понимания мира, а миф выражал мироощущение и миропонимание эпохи его создания». В гуманитарных науках нет однозначного определения понятия «миф». Мифологи утверждают, что в социально-гуманитарных дисциплинах насчитывается более 500 определений мифа. Впервые категорию *mythos* ввели древнегреческие философы в VI в. до н. э. Данное слово в их понимании означало предание, повествование о богах, духах, героях, первопредках, существовавших в архаические времена и участвовавших в творении космоса. Продолжительное время слово «миф» истолковывалось как вымысел, иллюзия, сакральная традиция, первородное откровение. В настоящее время понятие «миф» интерпретируется несколько иначе. М. Элиаде рассматривает его «как сакральное повествование и, следовательно, как событие, действительно произошедшее, так как оно всегда имеет

отношение к определенным реальностям». Румынский философ А. Тэнасе употребляет образное определение мифа: – «это сырая руда, в которой сверкают золотые крупинки интеллектуальных, этических и эстетических ценностей». Белорусский мифолог Т. И. Шамякина определяет миф как синтетическое явление, в котором соединяются знания о природе, художественные образы, моральные нормы и религиозные представления. Миф – это синтез философии, религии и искусства». А. М. Ненадовец, интерпретируя миф как повествование, в то же время подчеркивает, что миф – это не языковой жанр, а определенное представление о мире, которое довольно часто принимает форму сказания. Китайский мифолог Чень Цзяньсянь 陈健贤 в произведении «Трактование мифологии» считает, что в китайской мифологии показывается жизненная реальность, действительность, моральное состояние народа. Миф характеризуется сосредоточенностью на светской моральной функции просветления».

На наш взгляд, невозможно дать универсальное определение, которое бы охватило все мифы народов мира, все его структуры и функции. Миф представляет собой чрезвычайно сложную реальность первоначальной формы духовной культуры. Однако в нашем случае, думается, больше соответствует определение мифа, данное Е. М. Мелетинским. Российский ученый считает, что *миф есть описание «макро- и микрокосмоса в форме повествования о происхождении составляющих их элементов, в виде событий, имевших место в некие ранние времена»*. Из этого следует, что специфической особенностью мифа является совпадение в нем мировоззрения и повествования, фантастического представления об окружающем мире и рассказ о богах и культурных героях. В основе этих древнейших форм мифических представлений белорусов и китайцев лежит свойственная первобытному человеку нерасчлененность восприятия живой и неживой природы, человеческого и природного мира, представление о тождестве вещей и людей. Вещи, животные, растения, явления природы наделялись волей, сознанием, способностью к целесообразной деятельности. Основоположник научной теории социализма К. Маркс отмечал, что первобытные люди вступали в культуру «еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности».

Следовательно, субъекты культуры архаического общества были убеждены, что все формы на земле обладают одними и теми же качествами и свойствами. Человек мыслил себя находящимся в одном ряду со всеми объектами этого природного мира; он мог вступать в отношения со всеми объектами природы, воздействовать на них. Природные объекты, в свою очередь, могли оказывать влияние на человека, покровительствовать ему или вредить. Мифы, созданные белорусским и китайскими этносами представляли природу и архаические общественные формы, в переработанной народной фантазией художественных образах. На природу

переносились свойства, присущие человеку, ее объекты наделялись разумностью, человеческими чувствами, мифологическим персонажам нередко присваивались качества растительных и животных явлений. В мифах белорусов и китайцев отождествлялся генезис и сущность, причинно-следственные связи заменялись прецедентом. А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа», имея в виду это, пришел к выводу, что миф обладает амбивалентной природой. С одной стороны, по его мнению, миф предстает «ощущаемой и творимой вещественной реальностью, с другой – эта же реальность является отрешенной от обычного хода явлений». Следовательно, идеальная и вещественная сфера бытия мифа предстает в нерасчлененном виде. «Миф, по мнению М. Элиаде, определяет себя своей собственной формой существования. Он может быть воспринят как миф лишь настолько, насколько в нем отражается описание чего-то ясно очерченного, и описание это в одно и то же время «созидательное», «иллюстративное», так как является основанием структуры реальности, а также формой человеческого поведения». Миф раскрывает структуру реальности и показывает множественные модальности бытия в мире.

Мифологическим сознанием белорусского и китайского этносов создано огромное количество мифов, с помощью которых они осуществляли поиски цельного и непротиворечивого понимания бытия. В их мифологии, как и в мифологии всех народов мира, имеются мифы, объясняющие происхождение мира и его частей, звезд и планет, животных и растений, а также человека. Особую группу преданий составляют мифы об уничтожении мира в результате хаотизации космоса, природных катаклизмов. Все это разнообразие мифов сложилось в целый комплекс преданий и обрядов, упорядочивающих миропредставление на иррациональных началах. Исследование сюжетов, структуры, функций белорусских и китайских мифов показывает, что мифы несмотря на то, что они относятся к различным, далеко отстоящим друг от друга культурам, имеют много общих черт. Мифологическое сознание творцов белорусских и китайских мифов характеризовалось *холистичностью и синкретизмом*. У носителей иррационального способа восприятия и отражения мира отсутствовало представление о причинно-следственной детерминации событий и явлений, преобладало хаотическое соединенность в восприятии сакрального и профанного, человеческого и природного, реального и вымышленного, неизбежного и случайного. Бытие ими не дифференцировалось на функциональные и структурные сегменты, на прошлое, настоящее и будущее, на объекты и означающий его знак или слово, на практическое действие и символизирующий его обряд. Основу белорусских и китайских мифов и мифологических сюжетов составляли *обряды, ритуалы и природные циклы*.

Для мифологии белорусского и китайского этносов присуще *динамичность отражения пространственного мира*. Структура мироздания в мифах предстает как еще незаконченная, образующаяся и вращающаяся

вокруг сакральной оси мира. В сакрализованной форме в них повествуется о происхождении и развитии космоса в целом и его частей, связанных в единой системе. Космогония, или процесс творения космоса, мира в белорусских и китайских мифах, предстает как ряд поступательных актов. Сначала смешенные в хаосе стихии – вода, воздух, земля, огонь, – являющиеся первичным материалом для создания космоса, разъединяются. Потом происходит наполнение пространства элементами-стихиями, конкретными объектами: ландшафт, животные, растения, человек и т. д. Так, в книге «Хуайнаньцзы (II в. до н. э.) повествуется: «В глубокой древности, когда еще не было ни неба, ни земли, мир представлял собой лишь мрачный, бесформенный хаос. И в этом мраке постепенно родились два больших духа – Инь и Ян, которые с огромным усилием начали упорядочивать мир». В белорусском мифе о Бае также отмечается, что «Напачатку нічога не было – адна толькі вада. Пасярод вады тырчаў камень. Аднаго разу Пярун пачаў біць у гэты камень і выбіў тры яскаркі: белую, жоўтую і чырвоную. Як упалі гэтыя яскаркі на ваду, усё ў свеце скаламуцілася, а як зноў прасвятлела, то аказалася, што вада і зямля адасобілася».

В мифологической сюжетной схеме движение осуществляется от прошлого к настоящему, от божественного к человеческому, от космического и природного к социальному и культурному. В соответствии с мифами, созданному космосу присущи целостность, упорядоченность, организованность, гармония, разделение пространства и времени.

В мифологической архаической культуре белорусов и китайцев пространство имеет прерывистый характер, оно существует только как определенные отрезки. Мифологическое пространство не воспринимается как всеобщая среда, предшествующая вещам, а, напротив, определяется ими. В нем действенное сущностное начало доминирует над протяженностью вещей и их размещением в окружающей человека среде. Вследствие этого культурные герои способны в короткое время преодолевать грандиозные пространственные территории. Например, Всеслав Чародей, согласно преданию, от Киева за сутки мог добраться до Белгорода и Новгорода и завоевать их. В древнекитайской мифологии имеются сведения о божестве ветра Пэн, спина которого простирается на несколько тысяч ли (ли – 0,5 км), крылья его напоминают нависшие тучи. Одним махом оно может пролететь 90 тыс. ли

Анализ текстов белорусских и китайских мифов позволяет утверждать о *цикличности восприятия времени* субъектами архаической культуры. У них отсутствовало представление о линейном времени. Перемены трактовались в мифах как закономерная циркуляция или спиралевидный поворот событий в жизни людей, действий культурных героев. Для мифа, отмечал К. Хюбнер, время не существует «само по себе» – типа непрерывной временной среды, – «но всегда существуют только определенные временные гештальты. Тем самым временное целое делится определенными тактовыми штрихами». Мифологическое время способно сжиматься, расширяться, уплотняться,

замедляться и ускоряться. Оно имеет спиралевидный и циклический характер, время приходит из будущего в настоящее, а затем вновь уходит в прошлое. М. Элиаде, имея в виду факт обратимости времени, писал: «Этот «трансцендентный» мир Богов, Героев и мифических Предков доступен, поскольку человек архаического общества не признает Необратимости Времени... Бунт против необратимости времени помогает человеку «конструировать реальность», а, с другой стороны, освобождает его от груза потерянного времени, давая ему уверенность, что он способен отменить прошлое, начать заново свою жизнь и воссоздать свой мир». Следовательно, для субъектов традиционного общества время, протекшее между зарождением и настоящим моментом, «незначимо» (за исключением, конечно, моментов, когда реактуализируется первоначальное время) – и поэтому им пренебрегают или стараются его отменить. Время соотносится с космическими ритмами, с исчезновением и возвращением материальных объектов. Например, солнце, луна, созвездия воспринимаются в связи с уходящим и возвращающим временем. Постоянная их периодичность обращения в рамках мифа рассматривается как главный момент существования всех материальных и духовных объектов.

Исследование текстов белорусских и китайских мифов о героях свидетельствует, что миропредставление культурных героев характеризовалось *универсальностью*. Они не выделяли себя из природы, не относились к окружающему их миру как к объекту познания и преобразования, а к самим себе как субъектам познания. Они стремились к преимущественно магическим, чувственным формам взаимодействия с миром и его процессами.

Белорусские и китайские мифы о героях наполнены *символизмом*, который является результатом невыразительного разделения в мифологическом сознании культурных героев предмета и знака, слова и вещи, существа и его имени, предмета и его атрибутов, единого и разнообразного, внешними, чувственными качествами предметов. На основе подобия этих качеств, два предмета могут восприниматься как тождественные, т. е. абсолютно одинаковые. Конкретные предметы могут становиться символической заменой, знаком других предметов и явлений. Для мифологического мышления героев постижение одного предмета происходит через характеристику другого. пространственных и временных соотношений. Их мифологическое мышление оперирует конкретными,

Анализ тематики, содержания, семантики мифологических персонажей белорусской и китайской мифологии позволяет высказать мнение о том, что мифы ее составляющие подразделяются на антропогонические, астральные, близнечные, космогонические, календарные, солярные и лунарные, тотемические, эсхатологические и этиологические мифы.

В иерархии мифов значительная роль и место отведено *героическим* мифам, повествующим о творческой деятельности культурных героев, наделенных сверхъестественными качествами. Героический миф, по мнению

М. Элиаде, есть сказание «абсолютно истинное (так как оно относится к реальному миру) и сакральное (ибо является результатом творческой деятельности сверхъестественных существ)». Мифы о героях конденсируют положительный человеческий опыт, в своеобразной форме идеализируют творческую деятельность далеких предков. Существующий миропорядок подается как результат их деятельности.

Проблема культурного героя до настоящего времени окончательно не разрешена в гуманитарных науках. Так, Э. Дюркгейм отождествлял культурного героя с идеализированным предком. Р. Барт к героям относил творца-демиурга и частично первопредков. Р. Вейман также считал, что демиург-творец может постепенно трансформироваться в культурного героя. А. Голан утверждал, что в древней мифологии герой совпадает с первопредком, в мифологии матриархата он соответствует лунарным героям, в мифологии патриархата культурный герой является арбитром между людьми и богом. В. Вундт полагал, что образ мифического героя эволюционизировал от полузооморфных духов-предков к антропоморфным небесным богам. Е. М. Мелетинский относил к категории культурных героев «мифические персонажи, которые добывают или впервые создают для людей различные предметы культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учат их охотничьим приемам, возделыванию земли, ремеслам, искусствам, вводят социальные и религиозные установления, ритуалы и праздники, брачные правила и т. п.». К данной группе мифических героев он причислял также демиургов, изготавливавших культурные и природные объекты.

На наш взгляд, вполне правомерно в развитых мифологиях, к которым мы относим белорусскую и китайскую, *культурным героем можно считать идеализированного первопредка рода, отдельных духов, божества, богатырей, мифических правителей государства.*

Архаическим образом героя в белорусских и китайских мифах являются также *тотемные предки*, которые порождали определенные группы людей, животных и природные объекты. Они сами появлялись, согласно мифам, в результате трансформации тотемных животных, как отделение от других существ, растений и даже неорганических предметов (гор, камней и т. д.). Деятельность тотемных предков относится в мифах к архаическим временам.

Обобщенным образом тотемных предков является культурный *герой-демиург*, который силой мысли или словом создает мир. В научный обиход понятие «демиург» ввел античный философ Платон в V в. до н. э. Философ рассматривал демиурга как Ум, созидающий космос посредством упорядочивания хаотически движущейся материи. Демиург, на взгляд Платона, не является всемогущим, он в основном стремится, как можно больше уподобить мир его идее. Однако это у него не всегда получается, ибо пассивное сопротивление материи мешает демиургу воплотить задуманное. Аристотель под демиургом понимал такой персонаж, как ремесленник, мастер. В мифологии ряда народов мира демиург также трактуется как

ремесленник (гончар, кузнец, ткач и т. д.). В мифологии белорусов и китайцев демиург шире ремесленных функций. Он отождествляется с абстрактным образом небесного бога-создателя всего сущего. У белорусов таким демиургом является *Сварог* («Отец Неба»), который в соответствии с мифом, научил людей выплавлять медь и железо, изготавливать из них орудия труда и обрабатывать ими землю. В китайской мифологии такой высшей божественной силой, создателем пяти движущих начал (металла, дерева, огня, воды и земли), людей было *Тянь* («Небо»). С развитием человеческого общества мифический герой приобретает уже антропоморфные черты. Он может выступать в образе человека, рожденного от бога и земной женщины, помощника верховного божества.

Мифологами еще выделяется один тип культурных героев мифологии – это *первые правители древних государств* (цари, императоры, князья). В китайской мифологии, например, к пяти мифическим государям относятся *Хуан-ди* 黃帝 («*владыка Центра*») (Приложение Д, с. 227), *Тай-хао* 太昊 («*повелитель Востока*»), *Янь-ди* 炎帝 («*повелитель Юга*»), *Шао-хао* 少昊 («*владыка Запада*»), *Чжуань-сюй* 顓頊 («*владыка Севера*») Эта иерархическая система способствовала эвгемеризации культурных героев. Генеалогические мифы стали использоваться для доказательства древности отдельных родов. В белорусской мифологии в качестве древнейших правителей выступают *Бай, Род, Рогволод, Тур*. По преданию, ими созданы первые государства-княжества на землях современной Беларуси. В исторической науке до настоящего времени идут дискуссии об их происхождении. Преобладает точка зрения о том, что Рогволод и Тур были скандинавами. Сюжеты о них реконструированы по Ипатьевской, Лаврентьевской летописях, а также по «Повести временных лет», где сказано, что они «пришли из заморья».

Таким образом, мифотворчество занимало важное место в истории культуры белорусского и китайского народов. На ранних стадиях общественного развития сохранялось всеобщее господство мифа в процессах познания мира. Мифологические знания были наполнены определенным смыслом, являлись своеобразным образом-символом. В мифах отображались коллективный и практический опыт многих поколений, соединявший прошлое и настоящее. По мнению белорусского мифолога Т. И. Шамякиной, «в мифах сохраняются в зашифрованном виде многие знания о Космосе, жизни человека, – знания, которые еще предстоит постичь, разгадать» Племена, проживающие на белорусских землях, создали свою самобытную и интересную мифологию. Богами и культурными героями у белорусов когда-то была наполнена вся окружающая их природа – от земных недр до недостижимого Космоса. Фантастические персонажи заполняли небеса, земное пространство и подземный мир. Они жили вместе с людьми в их жилых и хозяйственных помещениях, они участвовали во всех производственных процессах субъектов традиционной культуры. Их почитали, стремились задобрить в различных обрядах и вместе с тем

боялись, остерегаясь наказания. Не все мифические персонажи были равные рангом, не все они имели одинаковую популярность у далеких предков. Изучение представлений о них у различных славянских племен, проживающих на территории современной Беларуси, свидетельствует, один и тот же мифический персонаж в различных местностях воспринимался по-своему, а иногда имел даже противоположные характеристики.

Анализ белорусских мифов свидетельствует, что мифология белорусов состоит из двух систем: *древнебелорусской (дохристианской) и христианской* мифологий. Древний пласт мифов содержит повествование о разных формах создания Вселенной. В соответствии с мифологией, мир создавался в противоборстве полярных стихий и сил, а упорядоченному космосу предшествовал хаос и беспощадная борьба между богами, культурными героями и выдающимися личностями. Более того, сама Вселенная, прежде чем приобрести упорядоченное состояние, не однажды разрушалась и возникала с небытия. Очень развитой у белорусов является «низшая мифология», в которой наряду с богами героями были широко представлены демонологические персонажи. Первопредки белорусов за каждым предметом, деревом, камнем, природной стихией видели живое существо, прикрепляли в своем сознании ко всему этому определенного бога или духа. Демоническими существами была населена вся среда обитания человека: «Апівень», «Баламуцень», «Вадзяніцы», «Ератнікі», «Лядашцік» и др. Поэтому, на наш взгляд, при изучении белорусской мифологии следует внимательно относиться к изучению хтонического, животного и растительного мира, включающего в себя многие популярные мифологические персонажи.

Белорусская мифология, начиная с X в. постоянно ощущала на себе активное воздействие *христианской религии*. После христианизации белорусских земель, религиозные иерархи умело приспособляли мифические образы в целях приобщения древних белорусов к новой религии. Многие мифические персонажи древней мифологии нередко замалчивались или переводились в разряд демонологических образов. Единая система языческих мифических героев была разрушена христианской религией, которая трансформировала многие образы культурных героев. Христианство почти полностью использовало мифологическую традицию, которая была в основе сакрального мировоззрения. Христианская религия переосмыслила мифы, и в переработанном виде включила многие их фрагменты в священные тексты и религиозные обряды и ритуалы. Важнейшие категории христианства: Бог, душа, мораль высказаны через многочисленные мифы. Например, славянский бог плодородия Ярила отождествлялся с библейским Юрием, Перун с Ильей, Велес с Авласом и т. д. Эту специфическую особенность славянской мифологии отмечал Ф.И. Буслаев: «...славянский мифологический эпос не успел создать полных, закругленных типов божеств, подобно греческому, скандинавскому или финскому»

В исследовании белорусской мифологии имеется, на наш взгляд, ряд

сложностей. Одна из них заключается в отсутствии большого количества письменных источников. Древние белорусские летописи утеряны или уничтожены во время многочисленных разрушительных войн против татаро-монголов, крестоносцев, французов, шведов, немцев. Фольклорные произведения сохранились в большом количестве, но с течением времени на них оказало значительное влияние христианство.

Вторым препятствием, как нам кажется, является тот факт, что во время префеодалного периода в ряде центральных восточнославянских княжеств были попытки объединить разные формы языческой религии путем слияния культов различных племен. Так, перед принятием христианства киевский князь Владимир создал нечто наподобие пантеона, в котором собрал вместе идеалов различных племенных божеств, в том числе и тех, которым поклонялись белорусские племена. Попытка упорядочить племенных богов быстро завершилась с принятием христианства. Однако путаница в функциях и роли того или иного языческого божества встречается в древних литературных памятниках и фольклоре.

Затрудняет понимание первотворений героев-демиургов разночтение их имен. В архаические времена неукоснительно предки следовали запретам (табу) на произношение имен своих божеств. Первопредки свято верили, что произношение вслух имени своего божества могло навлечь беду на весь род. Вследствие этого древние белорусы, чтобы не оскорбить своих божеств и духов давали им образные прозвания в дополнение к собственным именам, что вызывало путаницу в названиях мифических героев. Так, Громовицу, жену бога Перуна нередко называли Тетей, главное божество славян – Белобог имело второе имя Дед. Этим в определенной степени объясняется то, что табу на имена не только вносило путаницу в номенклатуру белорусских культурных героев, но и приводило к утере и исчезновению существенной части народной мифологии.

Значительное препятствие на пути рационального исследования белорусской мифологии создали отдельные исследователи XIX столетия, стремясь расширить границы славянской мифологии. Они вносили чужеродные элементы, заимствованные у других этносов и культур. Авторы обращались к иранским, индийским, китайским традициям, стремясь установить связи с их мифологией. Их концепции оставили свое отражение в современных фольклорных и этнографических сборниках.

Таким образом, к нашему времени почти не дошли богатые духовные образы мифических персонажей, как у греков и римлян. Сохранились немногие фрагменты текстов, реконструированных на основе фольклорных произведений. Мифы и легенды, дошедшие до нас, по мнению А.М. Ненадовца, – «это произведения значительно позднейшего периода, сформированные в эпоху христианства и поэтому испытывавшие на себе значительное (если не решающее) влияние новой религии» [143, с. 16]. Как видим, в белорусской мифологии имеется много противоречий и неточностей в силу ряда причин. Во-первых, ее исследователям многое неизвестно, так

как целостной славянской мифологической системы, записанной и обработанной образованными людьми до нашего времени не дошло. Во-вторых, у субъектов архаической культуры преобладало не логическое мышление, а эмоционально-ассоциативное. Следовательно, современный мифолог с рациональным логическим мышлением не может в полной мере почувствовать все нюансы мифа. В-третьих, следует иметь в виду, что в мифах белорусов имеются напластования разных культур и времен: мордвы, угро-финов, балтов, славянских племен, ранее заселявших белорусские земли.

Изучение содержания героических мифов белорусов, показывает, что по сравнению с мифами других народов мира они носили подчеркнутую приземленность. Однако это не означает, что они не имели определенных аналогов с всемирно известными мифическими персонажами, в том числе с героями китайской мифологии, поскольку они опирались на одни и те же природные явления (наводнения, засухи, и т. д.), на те же общечеловеческие категории добра и зла. При этом все же следует иметь в виду, что белорусская мифология, на наш взгляд, не сформировалась как стройная образно-мировоззренческая система, на подобие той, которую выработали этносы Древнего Китая. На определенном этапе мифологического развития славянские племена вынуждены были воспринять более высокий уровень сознания, когда фантазия в форме фольклора выделилась с целостного, синкретического мышления в самостоятельный элемент. Одним словом, стадия мифологического сознания не была пройдена до конца, она в незавершенном формировании перешла к сказочному творчеству. Формирование классической формы волшебной сказки, считает Е.М. Мелетинский, завершилось далеко за историческими пределами первобытнообщинного строя, в обществе, гораздо более развитом».

Исследование китайских мифов свидетельствует, что подобная участь постигла и мифологию Китая. Юань Кэ считает, что первоначальные тексты мифов китайских этносов «в значительной степени утрачены, и от них сохранились лишь разрозненные осколки, которые будучи, рассеяны в сочинениях древних авторов, не представляют какой-либо системы и не могут соперничать с мифологией древней Греции». Исследователь китайской мифологии Мао Дунь указывает на несколько причин того, почему мифология Китая сохранилась лишь в незначительных фрагментах. Одной из них, по его мнению, является существенное переосмысление мифов *философами конфуцианской школы*. Конфуций и его ученики развивали лишь этику, наставления о семейных устоях, об управлении государством, а древние фантастические представления о богах и духах ими отвергались. Они культивировали мифы о предках-родоначальниках и предания древних мудрых царей.

Последователи конфуцианской идеологии также продолжали рассматривать мифы как историю, что объясняется стремлением конфуцианцев очеловечить действия всех мифических персонажей.

Конфуций и его сторонники много сделали для того, чтобы превратить духов в людей, а для самих мифов найти рациональное объяснение. В процессе записывания мифов в древние трактаты их первоначальный смысл нередко сознательно искажался и последующие поколения уже воспринимали их содержание в письменной версии, а не в той, что передавалась из уст в уста. Задача исторического переосмысления заключалась в том, чтобы привести в соответствие содержание мифа с интересами правящих слоев. То, что в мифах не соответствовало их интересам, подвергалось переработке и после этого широко внедрялось в массовое сознание. В переосмысленных мифах герои труда, созданные фантазией народа, в конфуцианской мифологии поднимались на небо, окружались царственным ореолом. И все же, несмотря на существенную переработку мифов, в конфуцианских трактатах можно обнаружить немало фрагментов древних мифов. Определенное количество философских текстов с мифологическим контекстом имеется в сочинениях таких философов, как Мо-цзы, Чжуан-цзы, Фэй-цзы и др.

Значительным пластом китайской мифологии является *древнекитайская мифология*. Представление о ней возможно составить по фрагментам ряда письменных источников древности

Значительное место в древнекитайской мифологии занимают мифы об идеальных правителях, составляющих своеобразную иерархическую систему. В соответствии с мифами, древнейшими правителями были Фуси伏羲, Янь-ди炎帝, Хуан-ди黄帝, Шао-хао少昊, Чжуань-сюй颛顼. Данная система позже была заимствована историографами и использовалась для обоснования права престолонаследия тех или иных правителей Китая.

Немалое количество мифов сохранилось в *даоской мифологии*. Представители даосизма проявляли большой интерес к познанию природы и разрабатывали проблемы, связанные с натурфилософией. Поэтому в сочинениях Дао дэ цзи, Мо-цзы 墨 и др. больше присутствует мифов, безусловно, переоформленных, с помощью которых философы пытаются объяснить строение мира и явления природы. Авторы даоских трудов использовали мифологический материал также и в трактовке многих положений своего социально-этического учения. Так, мифический персонаж Хуан-ди黄帝 теряет характер культурного героя и причисляется к первым бессмертным, он считается родоначальником и покровителем даосизма как религиозной системы. Даосами также был трансформирован образ Си-ван-му西王母. В даоской интерпретации она предстает не как страшная владычица Запада, карающая людей, а как божество, ведающее снодобьем бессмертия. Героями даоских мифов были в своем большинстве бессмертные герои, такие как Восемь бессмертных («ба сян»). Они считались покровителями различных умений и ремесел.

В начале новой эры в Китае формируется *буддийская мифология*, с пантеоном своих героев, заимствованных из Индии. Позже буддисты стали

соединять происхождение своих мифических персонажей с китайскими героями. Например, в предании о бодхисатве Авалокитешваре повествуется, что она есть перерождение принцессы Мяо-шань 妙善, дочери одного из китайских правителей. Буддийская мифология содействовала развитию представлений китайцев о подземном мире, которые в древности были невыразительными. Буддистами были детализированы представления о потустороннем мире, аде и десяти адских судилищах («ди-юй»).

В средние века возникает *поздняя народная мифология*, представляющая собой совокупность архаических персонажей и вновь возникающих местных народных культов, а также культов мудрецов конфуцианства и многочисленных героев общегосударственного и регионального. В ней осуществляется мифологизация реальных исторических личностей, превращение их в божества, способствующие развитию производства, в богов городов, провинций и т. д. В некоторых мифах этого периода обожествленные исторические лица вытесняли героев древнекитайской мифологии, ими выполнялись те же функции. Так, Юй-ди 禹 帝 «Нефритовый государь» заменил верховное божество даосов Хун-ди. Некоторым персонажам поздней народной мифологии посвящались праздники, которые отмечались по лунному календарю.

Таким образом, у китайцев в отличие от античных цивилизаций существовало несколько мифологических систем, которые отличались не только персонажами героев, на них наложило отпечаток время их создания. Несмотря на наличие нескольких мифологических систем, полного уничтожения мифов древности не произошло. Представители названных мифологий, переработав образы мифических героев и превратив их в правителей государств, использовали их для распространения своего учения. К концу I тысячелетия в Китае начался процесс сближения всех мифологических систем и формирования синкретической мифологии. В ней соединялись в общую систему герои буддистской, даосской, народной мифологии и персонажи конфуцианского культа. Как и мифология многих древних цивилизаций, созданная фантазией многих племен и народов, объединенная культурой этих цивилизаций в один комплекс, мифология Китая создавалась всеми этносами, населявшими древний Китай.

Таким образом, в мифологии Древнего Китая, находящейся у истоков китайской культуры, воплощен первый опыт художественного обобщения действительности человеком, населявшем территорию Китая. Это был этап формирования основ тех традиций, которые потом стали неотъемлемой частью одной из древнейших и самобытнейших культур мира.

Тема 2 Космогонические мифы Китая и Беларуси

Первой формой бытия является природа, как непосредственная, стихийно сложившаяся форма существования материи, охватывающая

неорганические и органические ее структуры. Человек существует в природной среде, к ней он в отличие от животных, не только должен, так или иначе, адаптироваться, но которую он способен приспособливать к себе, к своим нуждам, желаниям, интересам. Материально-практическое и практически-духовное взаимодействие природы и человека нашло свое воплощение уже в ранней форме духовной культуры, которой является мифология. Мифологическое мироощущение субъектов первобытной культуры не позволяла им противопоставлять себя природе, человека культуре. Изначально люди ощущали себя органической частью природы и во всех ее проявлениях видели общие принципы бытия. Таким образом, первоначально белорусов и китайцев не только не отделяли себя от природы, но и не отделяли ее от себя, они были растворены в ней практически и духовно.

Формирующаяся культура человека архаического общества еще не осознавалась людьми как некая внеприродная, чуждая природе и противостоящая ей сила. Характеризуя миропонимание субъектов первобытной культуры, Е. М. Мелетинский отмечал: «Главными предпосылками своеобразной мифологической «логики» являлось, во-первых, то, что первобытный человек не выделял себя из окружающей природной и социальной среды, и, во-вторых, то, что мышление сохранило черты диффузности и нерасчлененности, было неотделимо от эмоциональной аффективной, моторной сферы». На архаической стадии культуры происходило обожествление бытия. Его мифологическая интерпретация и обрядово-предметное моделирование были столь же естественными, объективно-реальными, внечеловеческими процессами, как жизнь стихий, поведение животных, расцвет и умирание растений. Данный уровень мировосприятия отчетливо проявляется в мифологических системах, раскрывающих пространственно-временные параметры Космоса. Вопросы происхождения Вселенной, Земли, Неба, растительного, животного мира и человека занимали важнейшее место в мифологиях народов мира, в том числе белорусского и китайского этносов.

Реконструкция фрагментов белорусских и китайских мифов свидетельствует, что одним их наиболее сложных образов и понятий в мифологии является Хаос, который в переводе с греческого («cha») означает пасть, открытое, пустое пространство. Некоторые античные философы (Аристофан, Гесиод, Зенон, Овидий, Платон, Сенека и др.) считали Хаос неупорядоченной, неорганизованной материей, содержанием различных ее форм. Примерно так трактовали это понятие представители даосизма. В книге «Дао дэ цзин» 《道德经, автором которой считается Лао-цзы 老子, основной категорией выступает дао. Оно является субстанциональной закономерностью всего сущего, законом спонтанного бытия космоса, общества и человека. Дао трактуется философом также как способ развертывания в первоэлементы цикличности бытия. В «Книге о пути» 《道

德经》 Лао-цзы писал: «Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая иероглифом, назову ее дао; произвольно давая ей имя, назову ее великое. Великое – оно в бесконечном движении». Следовательно, сотворение мира из хаоса, или космогония, является частью мифотворчества китайского этноса. Однако мы считаем необходимым, отметить, что некоторые западноевропейские исследователи высказывали сомнения относительно существования космогонических мифов в древнем Китае. Так, Д. Бодэ в работе «Мифы древнего Китая» писал: «Китай, возможно, единственный из большого числа цивилизаций древности, не имел действительного мифа о сотворении мира» Аналогичную точку зрения высказывали А. Форке и др. Существование таких взглядов, как нам представляется, обусловлено тем, что в подавляющем большинстве древнекитайских памятников мифологический материал по космогонии дошел до нашего времени в значительно переоформленном и переосмысленном виде. Юань Кэ袁珂 подчеркивал, что с появлением Конфуция孔夫子 началась «историзация мифов, заключающаяся в стремлении очеловечить действия всех мифических персонажей... Стремясь привести мифические предания в соответствие с догмами своего учения, конфуцианцы немало потрудились для того, чтобы превратить духов в людей, а для самих мифов и легенд найти рациональное объяснение». Вторая причина такой интерпретации космогонических мифов, на наш взгляд, объясняется тем, что за тысячелетия многие китайские мифы были навсегда утрачены и от них сохранились лишь разрозненные фрагменты, которые, будучи рассеяны в сочинениях древних авторов, не представляют какой-либо системы и вследствие этого трудно поддаются реконструкции.

На наш взгляд, такая позиция не отвечает действительному положению вещей. Сравнительно-типологический анализ значительного числа древнекитайских мифов, проведенный позже китайскими и европейскими синологами, свидетельствует о наличии в китайской мифологии космогонических мифов. Анализ литературных памятников древнего Китая позволил нам выявить несколько мифов о возникновении вселенной. Как правило, они начинаются с обрисовки космогонического строения мира. Так, в книге «Перемен» (IV в. до н. э.) имеется архаическое предание о Хуньдуне 混沌 – о первозданном нерасчлененном водяном хаосе, для которого характерен полный мрак. Когда еще не было ни неба, ни земли, и бесформенные образы блуждали в кромешной тьме, согласно этой легенде, из хаоса возникло некое живое существо с признаками первозданной нерасчлененности, у которого были сросшиеся ноги и зубы. К космогоническим мифам относятся и мифы о духах Цзюйлин и Чжу-лун, о

матери бесов Гуй-му 鬼母. В монографии Ма Хуи Сина 马慧星 «Мифы о Паньгу» 《盘古神话》 идет речь о герое-демиурге который отделил небо от земли. В данном образе, по-нашему мнению, воплощены древнейшие представления китайцев о первоначальном хаосе, который, возможно, мыслился водяным хаосом. Свидетельством тому служат имена некоторых мифологических персонажей, которые упоминает Лу Илу в монографии «Мифы речных заводей – общие концепции южных народов Китая и жителей Тайваня».

Таким образом, реконструкция значительной части архаических мифов и более поздних преданий, позволяет нам утверждать о присутствии в китайской мифологии представлений о структуре космоса, основных стихий и первоэлементов, из которых был создан мир. Правда, в этих мифах не идет речь об объективном отражении мира, систематизированном, согласованном во всех основных частях. В космогоническом миропонимании субъектов культуры древнего Китая присутствовало представление о существовании до появления неба, земли некоего мира, хотя его структура была другой, он еще не был миром человека.

Анализ белорусской мифологии позволяет нам высказать предположение, что в мифах белорусов мотивы создания Космоса из хаоса относятся к более позднему времени и отражают в основном библейские сюжеты. Однако в соответствии со славянской языческой религией всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, средним (природой) и нижним, был Род. В христианских трактатах имеются упоминания о нем: «Всем бо есть творец Бог, а не Род», «То ти не Род, седеє на воздусе, мечет на землю груды и тем рождаются дети». Здесь прослеживается борьба христианства с язычеством, в которой христианский Бог Савооф противопоставляется Роду. Как полагают некоторые белорусские мифологи создателем и повелителем Вселенной был Сотвар. В «Повести временных лет», «Слово о полку Игореве» упоминается Дажбог, где говорится, что славяне Дажбоговы внуки. Популярным у белорусов являлся Перун, который создал весь Мир. С трех искорок, пущенных Перуном на воду, образовалась земля и разнообразная жизнь.

В христианской мифологии представление о создании мира ассоциировалось с единым усилием героя-демиурга, в качестве которого выступал Бог-создатель. Существовало понимание человеком космоса и природы как Вселенной, подчиненной единой воли, единому закону, но закон этот выводился с сверхъестественного, воли божьей. В белорусском фольклоре сохранилось предание «Откуда свет пошел», в котором говорится: «Як Бог стварыў свет, то вялеў сонейку свяціць на добрых і на ліхіх людзей. Сонейка не хацела свяціць на ліхіх і пачало жаліцца Богу, што яму цяжка заўжды свяціць. Тады Бог пакараў сонейка і вялеў яму свяціць толькі ў дзень, а ноччу, як гуляюць ліхія, не свяціць, а аддыхаць.» Конфликт солнца и Бога, по нашему мнению, имеет космогоническое значение. Он

означал начало деструкции космического – сакрального во всех частях его миропорядка, вхождение Хаоса в структуру Космоса. В легенде просматривается разделение созданного мира на хорошее и плохое, свет и тьму, день и ночь, сакральное и профанное. Содержатся в белорусской мифологии также представления о создании Неба как важнейшей части космоса, вершины всемирной горы, где живут боги. Согласно представлений белорусов, “...неба зроблена так, што яно мае сем столак, ці пёнтраў. Мы бачым толькі першае неба. А Бог жыве аж на сёмым. З чаго зроблена неба, ніхто не ведае”. На Могилевщине бытовало предание, в соответствии с которым, небо представлялось шарообразной горой со льда, опиравшееся концами на море. В земной реальности репрезентаторами неба считались возвышенности, курганы, а также вершина Мирового Дерева.

Картина Мира древними белорусами, как показывает исследование преданий, ассоциировалась обязательно с огромным деревом, что росло посередине Земли, вершина которого упиралась в небеса, а корни доставали подземного царства (Апраметнай). Первопредки были твердо убеждены, что по нему можно попасть в иной свет и что по этому дереву спускались и поднимались герои-демиурги. Мифы позволяют утверждать, что Мировое Дерево мифологическим сознанием белорусов воспринималось как стержень, опора, без которой мир не будет держаться и упадет. В белорусской мифологии в качестве Мирового Дерева часто выступает дуб как всемогущий властелин лесных массивов, которые в архаические времена занимали практически все земное пространство, заселенное восточными славянами. Во многих заговорах белорусов часто фигурирует образ дуба: «На полі, на акіяні стаіць дуб Ракітній»; «У лукомор’я стаіць дуб»; «На моры, на востраве стаіць, стаіць дуб Кір’ян». Универсальность архетипа дуба, как воплощение Мирового Дерева, хорошо прослеживается в белорусских мифологических сказках и загадках. В сказках о богатырях дуб фигурирует как их грозное оружие и сами богатыри сравниваются с дубами. В одной из загадок говорится: «Стаіць дуб-старадуб. // На тым дубе-старадубе // Сядзіць пцічка-варанічка. // Ніхто яе не спаймае: // ні цар, ні царыца, // ні красна дзявіца». Под «птичкой-вороничкой» здесь понимается солнце, так как верхняя часть дуба принадлежала Богу, свету, добру и знаниям. Поэтому предки белорусов обожествляли дуб, поклонялись ему и почитали его.

Тройственность Мирового Дерева по вертикали определяется отношением к каждой его части видов или подвидов живых существ. С верхней частью у белорусов связаны птицы, чаще всего голубь. В народном представлении это святая, божья птица, воплощение чистоты, добродушия. Со средней частью его (стволом) тесно соединены, согласно мифологической традиции, копытные, большей частью коровы, лошади, олени, иногда пчелы. Со стволом ассоциировался человек. Считалось, что у него рождались герои-демиурги. С нижней частью дерева (корнями) совмещались всевозможные хтонические создания (змеи, лягушки, мыши, бобры, выдры, рыбы и т. д.). Мировое Дерево имело также и горизонтальную структуру, образуемую

самим деревом и его конкретными частями. Если по вертикали оно имеет три части, то «...па гарызанталі – чатыры (бо знаходзіцца яно пасярод свету, які разгортваецца ад дрэва ў чатыры бакі, ў чатырох напрамках» ». Четыре ветки – это четыре стороны Мира, и четыре основные цвета, которые чаще всего встречаются в природе – красный, черный, синий и белый. Древние белорусы хорошо знали, что Вселенная имеет четыре стороны, и предполагали, откуда может подуть теплый ветер, что он с собой принесет, и, соответственно, чего ожидать от северного, ветра, ассоциируемого с сильными бурями, холодами и их негативными последствиями. Таким образом, в мифологическом сознании языческих белорусов Мировое Дерево представлялось неким каркасом, моделью, на которую нанизывались образы внутреннего и внешнего мира. С помощью данной модели первоначально стремились упорядочить свою память, мышление и восприятие.

В процессе исследования белорусских мифов удалось проследить представление белорусов о создании луны и других небесных тел. На содержание мифических преданий о возникновении небесных светил, безусловно, повлияли библейские мотивы. В предании отмечается, что «месяцу Бог вялеў свяціць людзям уночы, пакуль сонейка спачывае» Луна противопоставляется солнцу как дневному светилу и выражается в такой оппозиции, как изменчивость / не изменчивость. Изменчивость луны, согласно этиологическим мифам белорусов, объясняется с позиций религиозных представлений. В предании «О рождении Луны» говорится: «Бог, калі Месяц састарэе, крышыць яго на зоры. Адзін кавалачак кладзе ў дзяжу, на закваску. Зоры ападаюць туды, з іх пачынае рабіцца рашчына, цеста падыходзіць і пераліваецца цераз край. Гэтак і нараджаецца Месяц». Обнаружены в белорусской мифологии также предания о возникновении звезд, которые выступают элементами астрономического кода традиционной модели мира. В белорусских преданиях они предстают как дети “маці-Сонца” и “бацькі-Месяца”: “Ясен месіц – Віцютка-пан, // Ясна заря – яго жана, // Дробныя звызды – яго дзеткі” Имеются в белорусской мифологии другие версии о природе звезд, которые связывают их возникновение с жизнью человека. В одних преданиях повествуется, что «...зорак толькі на небе, колькі ў свеце людзей: як родзіцца чалавек, то анёлы і запаліць на небе зорку, а як умірае, то яго зорка падае з неба, бо яе анёлы тушаць». Мифологический образ звезд актуализирует идею множественности, богатства.

С небом связывается представление древних белорусов о героях-демиургах, обитающих на нем. Среди них общеславянским языческим богом являлся *Перун*, упоминающийся в ряде ранних литературных памятников и преданий древних славян. Согласно им, Перун был похожим на человека: «Першым у іх быў тады быў бог Перун, з дрэва зроблены вобраз чалавечы. Галава у яго была срэбраная, а вусы залатыя». А. Богданович рисует такой же образ Перуна. Он “трымае ў руках двое велізарных жорнаў, трэ імі і стукае адзін аб адзін; трэннем і ўдарамі ён робіць гром і атрымлівае маланку”. Его

называли богом-кормителем. Согласно преданиям, выезд Перуна пробуждал природу, весь растительный мир на земле. Считалось, земля не «откроется» огню до тех пор, пока не прогремит первый весенний гром. Ветры, вызванные Перуном, заставляли распускаться почки на деревьях. От него также ожидали дождя. По своим функциям Перун соответствовал покровителю воинов. Известно, что княжеские дружины древнеславянских государств приносили ему присягу и включали его имя в военные ритуалы. Женой Перуна была *Громовница*, которая считалась богиней лета и в представлениях древних белорусов ассоциировалась с полной молодой женщиной, голова которой была убрана колосьями спелой ржи, а в руках она держала различные плоды. П. М. Шпилевский отмечал, что в некоторых местах Беларуси богиней лета считалась *Тетя* внешне очень подобная на Громовницу.

Вместе с Перуном в древних литературных источниках славян упоминается *Велес*. Летописец Нестор в «Повести временных лет» приводит текст договора между русами и греками, в котором сообщается, что князь Олег «кляшася оружьемъ своимъ, и Перуном, богом своим, и Волосомъ, скотьемъ богом». Российский историк Б. Рыбаков утверждал, что культ Велеса берет свое начало с периода палеолита. Первоначально он был богом охотников. Изображению этого божества приносились лучшие жертвоприношения, чтобы не отвернулось оно от них и оказало помощь в следующей охоте. Постепенно, примерно в бронзовом веке, когда охота превратилась в животноводство, Велес стал опекуном и его. Согласно одних народных преданий, Велес имел облик быка. В мифологии белорусов имеются легенды, в соответствии с которыми, он ходил среди людей в человекоподобном виде. Велес следил за стадами животных на земле, старательно охранял их от болезней, от хищных зверей, чем, соответственно, вызвал особое почитание к себе. А. М. Ненадовец утверждает, что древние белорусы чтили его больше, чем самого громовника Перуна. Отдельные мифологи считают Велеса также покровителем земледелия.

В пантеон языческих богов, покровительствующих людям, входили Жижель, Житень, Житняя баба, Лада, Лёля, Талака и др. Все они считались опекунами земной жизни.

Анализ белорусской мифологии свидетельствует о наличии значительного количества мифов о сотворении Земли. Имеются у белорусов легенды о птице, которой Бог повелел достать Землю со дна всемирного океана, с которой и был создан мир. Фигурирует в качестве первотворца, участника создания земли и голуб.

Широко распространенной в белорусском фольклоре является предание о создании мира Богом и чертом, этими противоположными мифическими персонажами. Легенда повествует: «Тады ўздумаў Бог, што ў вадзе ляжыць кавалак зямлі, і кажыць чорту:

–Дастань-ка ты тут зямлю.

Чорт як бултыхніць! Ажно праз тры дні прыскочыў; набраў чорт полан подал зямлі дый яшчэ за шчаку напіхаў. Тады Бог стаў раскідваць тую зямлю па вадзе. Куды не сыпнець – станецца зямля; і рассыпаў усю зямлю з падала. Известно предание о создании мира Богом вместе с человеком. В нем вместо черта землю с океана достает по велению Бога человек: “Гасподзь, гавора:

– Ну, мы ж ету зямельку пасеям. Гасподзь зямельку пасеяў, зямелька стала росць”.

Таким образом, земля в белорусской мифологии ассоциируется с планетой, сушей. Выступает она и в значении «почва», «поле», «источник жизни», «мать всего живого». Она представлялась живым существом, содержащим в себе женское начало. Земля оплодотворялась животворящим дождем – воплощением мужского начала – и давала урожай.

Рудиментарные данные из китайской мифологии, дошедшие до нас фрагменты мифов, зафиксированные в литературных памятниках, позволяют воспроизвести также некоторые темы древнекитайской космогонии, в частности мифы о превращении хаоса в космос героями-демиургами.

Литературным памятником, сохранившимся до наших дней и содержащим материалы по архаическим китайским мифам, являются «Книга гор и морей». В данном памятнике имеются фрагменты космогонического мифа о возникновении мира из яйца. Аналогичные мифы имеются в литературных памятниках юго-восточных народов. Так, в «Махабхарте» повествуется, что из золотого зародыша яйца появился верховный бог индусов Брахма, который силой своей мысли разъединил его на две половины: с одной образовалось Небо, с другой – Земля. История тибетских народов и династий начинается также с упоминания о том, каким образом Космос родился из яйца. Фрагмент данного мифа излагает М. Элиаде: «Из материи пяти первоначальных стихий произошло великое яйцо. Из желтка этого яйца происходит восемнадцать яиц. Одно из них, находящееся посередине, в раковине, отделяется от остальных. У этого яйца вырастают руки и ноги, затем появляется пять чувств, достигающих совершенства, и оно превращается в юношу такой удивительной красоты, что, кажется, он был воплощением всех человеческих желаний». М. Элиаде отмечает, также, что и в японской мифологии обнаружены близкие по содержанию предания о превращении яйца в Небо и Землю: «вначале Небо и Земля (Изанаги и Изанами) были неразделены; вместе они составляли Хаос, который был подобен яйцу с зародышем, расположенным в центре».

Мистическое значение имеет яйцо и в китайском мифе о Творце Неба и Земли. В нем говорится, что до появления неба и земли вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо, в котором самозародился Паньгу 盘古. Он спал в яйце 18 тыс. лет, а проснувшись, взял огромный топор и расколол яйцо. Всё лёгкое, светлое и чистое («Ян 阳») с него поднялось вверх и образовало небо, а всё тяжелое, тёмное и грязное («Инь 阴») опустилась вниз, и образовало землю». Паньгу

находился между ними и изменялся по девять раз в день. Небо в день поднималось на один чжан, земля уплотнялась в день на один чжан. Пань-гу каждый день вырастал на один чжан, и так продолжалось 18 тыс. лет, Небо постепенно становилось высоким, а земля стала очень глубокой. Сам Пань-гу превратился в бога на небе и мудреца на земле. Здесь мы видим еще один мифологический мотив: рождение первобожества (первочеловека) первоизначальным хаосом. Согласно мифу, творение мира продолжалось и после смерти героя-демиурга. Дух и тело Пань-гу постепенно превращались во многие материальные элементы мира. Герой-демиург, умирая, всего себя отдал тому, чтобы созданный новый мир был разнообразным и прекрасным. Голова его стала четырьмя вершинами, глаза – солнцем и луной, жир – реками и морями, волосы – травой и деревьями, паразиты, жившие на его теле, превратились в людей.

Исследование мифологии белорусов, показывает, что яйцо в архаические времена у них также рассматривалось как первоисточник жизни и плодородия. Согласно древним преданиям, Вселенная была создана из яйца сказочной птицы Феникс, а также водоплавающей утки. В традиционном мировоззрении белорусов эта птица ассоциируется с первыми фазами космогенеза. Яйцо воплощает животворящую силу, которая противостоит злу. Оно широко использовалось в аграрной магии. Изучение аграрных обрядов белорусов показывает, что весной его катали в поле. Обязательным был ритуал, согласно которому земледелец перед посевом льна должен был съесть яйцо. Оно было одним из ритуальных элементов при первом выгоне домашних животных на пастбище. Яйцо подбрасывали вверх как можно выше и поглаживали им спину животного. У белорусов существовало поверье о том, что если яйцо снесет петух, которому исполнилось семь лет, то из него родится Огненный Змей (Цмок). Важную роль играло яйцо в Пасхальных и Радуничных обрядах. Покрашенное в красный цвет, яйцо на Пасху катали с горок, клали в зерно для посевов, его скорлупу во время посева разбрасывали по полю.

В глубокую архаику уходит один из наиболее стойких мифологических персонажей – образ Луна^龍 (дракона). В древних космогонических представлениях китайцев он связан с землей. Эта связь с землей зафиксирована в «Книге перемен» 《变化之书》. В ней говорится, что луны живут под землей, в колодцах, стерегут там клады, знают расположение подземных вод. На пиктограмме он изображён в виде животного с длинным телом и головой, увенчанной рогами. Ли Шичжэнь, ссылаясь на Ван Фу, в «Основных сведениях о фармакологии» (XVI век) приводит описание Луна: «Голова как у верблюда, рога как у оленя, глаза как у зайца, уши как у коровы, шея, как у змеи, Живот как у морского зверя шэнь, чешуя как у карпа, когти как у ястреба, лапы как у тигра... На спине восемьдесят один шип, полностью девятью девять, как подобает силе ян... под подбородком светящаяся жемчужина, а на голове гора Бошань». С развитием

мифологических и космогонических представлений Лун позже стал мыслиться как воплощение светлой, небесной мужской силы ян и утратил связь с землей как воплощением темного женского начала инь. Реликты древнейшей связи с небом заметны в средневековых преданиях, где дракон часто изображается крылатым существом, повелителем туч, дождя, парящим в облаках или плывущим в волнах и объятый языками пламени, – видимо, символ грозы как слияния неба и земли. В средневековой традиции Лун рассматривался как прапредок некоторых древних племен, а также как прародитель всех зверей и птиц.

Исследование белорусской мифологии указывает нам на широкое распространение культа змея-дракона в архаической белорусской культуре. Многие сходные черты Луна воплощены в *Цмоке (Цуде – Юде)*, персонаже белорусской мифологии. Согласно мифологических повествований, он выделяется огромными размерами. У Цмока аномальное количество громадных голов, которые к тому же имеют способность снова отрастать, будучи ссечены; зубы, как лемеха; когти, как серпы; крылья, как палаши. Он способен передвигаться и по воде, и по земле, и по воздуху. Это дает основания видеть в нём воплощение всего первоначального, ещё не разделенного, неструктурированного состояния Вселенной, демиургический расклад которого ведет к возникновению всего сущего. Правда, Н.Я. Никифоровский считал, что всё же главная функция Цмока – владение водами, поддержание баланса между водами земными и водами небесными. До христианизации данный персонаж не имел однозначных отрицательных коннотаций. Цмок был главным объектом поклонения. Он никогда не трогал людей семейных и добросовестных сельских жителей. Цмок наказывал обычно нарушителей общественных норм. На формирование его отрицательного образа, считает С. Санько, повлияла христианская легенда о сражении св. Георгия со страшным драконом, жившим в болоте и пожиравшим ежедневно юношей и девушек.

Отмечая сходство мифологических представлений о драконах и змеях в Беларуси и Китае, необходимо, отметить и определенные различия. В Китае, как в более древней цивилизации, первобытный хтонизм был уже изжит, в то время, как в более поздней белорусской цивилизации, он еще сохранялся продолжительное время. С развитием мифологических воззрений раннеанимистические китайские божества – змеи и драконы – вытеснялись образами антропоморфных богов и культурных героев. Однако и они постепенно оттесняются на роли богов местного значения или сосуществуют с образами более поздних богов, наделенных теми же функциями. Образы драконов и змей были более живучие в народной культуре. Образ дракона проникает во все сферы жизни, оставаясь в народных верованиях, в официальном культе, в фольклоре и в виде художественного символа во всех видах искусства. Популярность и устойчивость данного образа, по-нашему мнению, вытекает из природных условий Китая, особенностей

хозяйственного быта, стойкости древнейших традиций, формирования двух религий на почве местного культурного субстрата.

В белорусской мифологии некоторые черты в образе цмока (дракона-змея) являются результатом контаминации с чертами других хтонических персонажей. Так, согласно отдельным версиям белорусской народной мифологии, цмок отождествлялся с главным чертом, соединившим в себе противоположные стихии: огонь и воду. Жил он в основном в болоте, но внутренняя его природа была огненная. В Беларуси основой жизни было земледелие, которое во многом зависело от дождей, рек и озер. Поэтому олицетворение водной стихии осуществлялось в образах змей и цмока. Данные персонажи были большей частью связаны с урожайностью, землей и водой.

Мировосприятие древних белорусов и китайцев, их способность к абстрагированию, к созданию знаковых систем выразительно проявляется в модели мира. Структурно-типологическое изучение мифов о сотворении мира, дает нам основание утверждать, что они могут служить своеобразной моделью для многообразия последующих творческих проявлений. «Мифопоэтическая модель мира, отмечает Т. И. Шамякина, всегда исключительно гармонизированная: все земное в ней связывается с Космосом, выводится из него, объединена определенными космическими законами. Модель мира дает представление о причинах и последствиях определенных явлений, иллюстрирует этические их параметры (определяет положительное и отрицательное, хорошее и плохое), семантику, это значит качественную структуру мира». В мифопоэтической модели мира белорусов и китайцев исключительную роль играет символика трехчастной вертикальной структуры космоса: Небо, Земля, Подземелье. В китайской даосской и поздней народной мифологии данная структура отразилась в ряде мифов. Так, в соответствии с буддийской китайской мифологией, систему вселенной составляют три расположенных друг над другом мира. В мифе о Сань-цзе 三界 («три мира») они располагаются ярусами вокруг центра вселенной горы Сумеру: Мир желаний, Мир формы, Мир отсутствия форм. В китайскую даосскую мифологию входит также миф о Сань цин 三清 («три чистоты»). Согласно ему, высший мир составляют три сферы: Юйцин 玉清 («нефритовая чистота»), Шанцин 上清 («верхняя чистота»), Тайцин 太極 («великая чистота»). В 4 в. до н. э сложился миф о Сань Хуане 三皇 («три властиеля»). Эти три государя (Фуси, Суйжэнь, Шэнь-нун) олицетворяли небо, землю и человека. Трехчастную структуру представляет и миф о Сан Гуане 三官 («три чиновника»), божестве трех стихий: Тянь-гуань 天官 («небесный чиновник»), Ди-гуань 地官 («чиновник земли») и Шуй-гуань 水官 («чиновник воды»).

Важнейшим понятием древнекитайской мифологии является Тянь天 («небо») – верховный дух, высочайший правитель, высшая божественная сила, ниспосылающая на землю награды и кары [78, с. 384]. Вертикальная ее модель представлялась китайцам в виде девяти небесных сфер, расположенных друг над другом, которые и составляли Небо. Оно было создателем всего сущего: народа, его правителя, пяти движущих начал – металла, дерева, огня, воды и земли. От связи с Землей оно порождало великое множество вещей. Согласно китайской мифологии, у каждой сферы были свои верховные божества. Небесным героем-демиургом, в соответствии с китайской поздней народной мифологией, являлся Тянь-ди天帝, который повелевал всеми божествами и духами. В качестве небесной императрицы выступала Тянь-хоу天后. В наиболее ранних пластах китайской мифологии упоминается Тайи太乙 («великое единство») также как небесное божество. «У даосов – отец Дао, предшествующий небу и земле, существо с телом петуха и головой человека, несмотря на свою материальную плоть, пребывающее в человеческом мозгу.

Согласно фрагментам мифа о Хоу-ту后土, внесенным в «Обряды Чжоу» (IY – II вв. до н. э.) [203], он считался божеством земли. Хоу-ту приписывалось также управление сторонами света. Князем земли изображается в одном из ранних мифов Ту-бо吐蕃 («дядюшка земли»).

В китайской мифологии повествуется о третьей части трехсферного деления мира – подземном царстве Диюй地獄, повелителем которого является Дицзан-ван地藏王. Представление об этой части мира сложилось в начале нашей эры под влиянием буддизма. Диюй состояло из десяти судилищ. В первом судилище справедливый судья Циньгуан-ван秦广王, допросив души безгрешных умерших, отправляет их в десятое судилище, где они получают право родиться вновь, грешных – к зеркалу зла, в котором они видят отражение своих дурных дел. Во второе судилище попадают мужчины и женщины, вступившие в недозволенную связь, души воров, дурных врачей, обманщиков и т. п. Здесь их судья Чуцзян-ван楚江王 обрекает на муки. Души грешников живут в нечистотах, их колют вилами. В залы третьего судилища направляют тех, кто думал, что император не заботится о подданных, чиновники, пренебрегшие своими обязанностями, жены, обманывающие мужей. Судья Сунди-ван宋帝王 повелевает перевязать им веревкой горло, руки и ноги; колоть бока, клещами сжимать сердце и печень, строгать сердце, бить по коленям, выкалывать глаза и сдирать кожу. В четвертое судилище, где владычествует Угуан-ван五官王, идут грешники, не уплатившие налогов, обвешивавшие людей, продававшие поддельные

лекарства и рис, кто жульничал при продаже материи, кто завидовал богатству чужих; не выполнял обещаний дать денег взаймы, бранил злых духов, лгал и запугивал других. Их сбрасывают в реку с нечистотами и в кровавой пруд. На лестницу пятого судилища, возглавляемого Янь-ваном 閻王, поднимаются грешники, не исполнившие последней воли родителей, пренебрегавшие государственными законами, не помогавшие деньгами, имея их, жены, при живом муже мечтавшие о другом. Судья повелевает вынимать сердце из душ. Муки усугубляются тем, что с лестницы грешники видят свой дом и слышат речь своих близких. Шестым судилищем ведаёт Бянь-чэн-ван 卞城王. В него попадают грешники, непочтительно называвшие богов по именам, укравшие позолоту или драгоценности с изображением божеств, непочтительно обращавшиеся с книгами и исписанной бумагой. За это им вырезали сердце и бросали на съедение псам Се рабил, Седьмое судилище управлялось Тайшань-ваном, и было предназначено для тех, кто гкто бросил новорожденного, играл на деньги, ел человеческое мясо. За это им вырезали язык и обрекали на вечный голод, если они родятся вновь. В восьмом судилище Души-ван 都市王 назначал наказание тем, кто непочтительно относился к родителям и не похоронил их. Им укорачивали жизнь в следующем рождении. В девятом судилище Пин дэн-ван 平等王 казнил тех, кто совершал поджоги, изготавливал яды, дурные книги и неприличные картины, изгонял плод с помощью снадобий. Им отсекали головы и разрезали на мелкие части. В его обязанности входило спасение душ из подземного судилища. Он должен был посещать ад и во имя сострадания и любви переводить души на небо. В «Книге гор и морей» имеется фрагмент мифа о Си-ванму, женском божестве, которое повелевало страной мертвых.

В отличие от китайской мифологии в ранней языческой традиции белорусов нет подземного судилища, куда попадают души умерших. В белорусских мифах часто говорится о безгрешности предков. Как мифологическая константа *ад* составляет бинарный компонент триадной системы: рай (вырай) – земля – ад. В качестве мифологического пространства ад существует в основном в космической вертикали, занимая позицию крайнего «низа», противостоящего «верху» – раю. Обычно в белорусских мифах ад идентифицируется в контексте дихотомии «этот мир» (верх земли) – тот мир (подземный). В соответствии с белорусской мифологией, ад находится в середине огромной горы «на конце света». М. Федоровский записал белорусское предание об аде: «Пекла – бо гэта аграмніста гара на канцы свету. Падыходзячы да яго, здалёк ужо чутно, як людзі енчаць, і відно, як дым з яго валіць, а на ўсіх дарогах грэшнікі да яго на вазох ковалы смалы саматугам валочаць. Каб хто ўвайшоў у сярэдзіну, то ўгледзіў бы пасерад пекла да слупа дванаццацьма ланцугамі прыкутага Люцыпара. Навокал яго стаяць катлы з душамі, а рэшта тотав і без катлоў валяюцца. З падыспаду пячэ іх агонь, а зверху смала распалена льецца».

Как и в китайской, так и в белорусской мифологии, с миром мертвых связаны многие мифические персонажи. Воплощением смерти является Морена. Однако центральным мифическим образом ада служит Люцифер (Люцыпар) [15, с. 65]. Согласно предания, записанного Н. Никофоровским, Люцифер был когда-то ангелом, но «...быў аддалены ад Святла Праўды ... і скінуты з першазданнай вышыні». Фольклорист описывает и его внешний вид: «...сатанінскі гігант з буйнымі формамі і выразнасцю, якой баяцца нават падуладныя яму чэрці; важыць столькі, колькі ўсе нячысцікі, узятых разам» Помимо Люцифера ад населяли также многочисленные его помощники: Черт, Сатана, Бесы, Кадук, Пекельники. Согласно записанных Никофоровским преданий, они имели наполовину собачьи, наполовину козий вид, длинный хвост и средней величины рога. Основным занятием их было поддержание огня ради мучений грешных душ.

Представления белорусов об устройстве ада, как считает И. Углик, в основном обусловлены влиянием христианской традиции.

В китайской космогонии центром вселенной является гора. На этапе господства тотемизма земля представлялась гигантской черепахой (Ao 鳌), на спине которой лежали три священные горы – Инчжоу 瀛洲, Пэнлай 蓬萊 и Фанчжан 方丈, где жили бессмертные. С развитием космогонических представлений китайцев формируется понимание единого центра. В китайской мифологии сохранился фрагмент мифа о горе Бучжоушань 不周山, которая являлась опорой неба. В «Исторических записках» Сыма Цяна (2-1 вв. до н. э.) повествуется о священной горе Тайшань 泰山, где совершались жертвоприношения Небу [177]. Среди пяти гор (У юэ): Бэйюэ 北岳 («Северный пик»), Чжуньюэ 中岳 («Срединный пик»), Наньюэ 南岳 («Южный пик»), Сиюэ 西岳 («Западный пик») гора Тайшэнь считалась основной.

В архаическую модель мира, в соответствии с китайской мифологией, помимо Центра входили четыре страны мира: Восток, Юг, Север, Запад. Каждой страной управлял могущественный герой-демиург. В «Книге и морей» 《山海经》 повествуется о Дун-вангуне 东王公, который являлся владыкой Востока и обитал в большом каменном жилище. Ростом он был в один чжан имел облик человеческий, лицо птичье, а хвост тигра. В апокрифических сочинениях рубежа н. э. встречается предание о Бай-ди 白帝 («Белый правитель»), повелитель Запада. Покровителем Запада, согласно китайской мифологии, являлся дух Байху 白虎 («Белый тигр») в виде злого зверя, отпугивающего всякую нечисть. В источники начала н. э. (Ван Фу 王府) включен фрагмент мифа о Хэй-ди 黑帝 («Черный государь»), владыке Севера. Согласно «Речам царств» (4 в. до н. э.), богом солнца и повелителем

Юга был Янь-ди («Повелитель пламени»), который правил южными землями совместно со своим потомком богом огня Чжужуном.

В процессе сотворения Земли из Хаоса, на ней возникло множество рек, озер, гор, лесов, видов растительного и животного мира, которыми надлежало управлять. Поэтому для каждого земного порождения в мифологическом миропонимании китайцев Небо (Тянь) направляло повелителя.

В мифологическом знании китайцев одной из основных космических стихий является вода. В «Книге гор и морей» божеством воды представлен Гунгун, злой дух с телом змеи, лицом человека. В I в. н. э. в китайской мифологии сложилось предание о Лун-ване («царь драконов»), повелителе вод. Храмы, посвященные ему, строились близ рек, озер, переправ и колодцев, ибо считалось, что подземные источники в колодцах управляются Лун-ваном и соединяются под землей с морем. Божеством реки Ло 洛 считали в древности китайцы Ло-Шэнь 洛神 («Духи Ло»). Примерно в преданиях X-II вв. в китайской мифологии богиней моря выступает и Тянь-Хоу 天后 («Небесная государыня»). В поздней китайской народной мифологии божеством морей, рек и озер считался Сяо-гун 孝公 («Повелитель Сяо»). Духом реки Хуанхэ, согласно древнекитайской мифологии, являлся Хэ-Бо 河伯 («Дядюшка реки»). По даосскому преданию божеством вод был Фэньи 冯夷. У даосской мифологии он – бессмертный, обладающий способностью не тонуть в воде. Фэньи, приняв снадобье, превратился в духа. По мнению Ван Сяо Ляня, в китайской мифологии насчитывается великое множество божеств, связанных с водной стихией.

Огромное значение воды в жизни людей вызывало преклонение перед повелителями рек, озер и морей. В мифах зафиксированы эпизоды приношения жертв божествам и духам вод. Такое пристальное внимание древних китайцев к воде и ее божествам и духам, по-нашему мнению, связано с ее коммуникативной функцией, связью с первоначальным первобытным хаосом. Вода понималась также как граница между «этим» и «тем» миром, путем в иной мир.

Исследование фольклора показывает, что для древних белорусов вода являлась также одной с основных природных стихий. Она служила магической защитой предков от болезней, воздействий злых духов, колдунов, опасных жизненных ситуаций. Вода являлась жизненной необходимостью для древних белорусов, поэтому в белорусской мифологии насчитывается значительное количество персонажей, связанных с водной стихией и мифов о них. Среди них выделяются Азярніцы; Аржавень Баламуцень, Балотнік; Вадзянік; Вадзяницы; Сарэны, Ціхоня, Ядзеркі [и др.

Повелителем локальных водоемов первоначально белорусов считали *Водяного* (Вадзянік), воплощавшего разрушительную враждебную человеку

стихию воды. В представлениях людей он был агрессивным, мог топить людей, их лодки, разрушать водяные мельницы. Н. Никифоровский передает перечень вредных поступков хозяина водоемов: «Вадзянік можа жартам і па злосці пужаць рыбу каля сетак рыбакоў, раз'язджаючы на сваім любімым кані (соне), рве і выварочвае сеткі і іншыя прылады, раскрывае плаціны на млынах, псуе і зрывае млыны; уважліва пільнуе тых, хто купаецца, падхопліваючы ахвяры між іх, рыбакоў і людзей, якія ўпалі ў ваду па неасцярожнасці, прычым не робіць літасці і скаціне ». В связи с этим белорусы стремились всеми способами умиловить Водяного. В соответствии с преданиями, записанными А. Богдановичем, Добровольским, И. Ляцким, Е. Романовым, люди приносили всяческие жертвы хозяину воды. В одном из преданий, распространенном в Борисовском уезде, говорится: «Вадзянік патрабуе чалавечай ахвяры, і міжвольныя тапельцы лічацца ахвярамі яго драпежнасці: ён цягне іх да сябе на дно». Особенно не скупилась на жертвоприношения мельники, которые «...пры першых замаразках, калі вада пакрыецца тонкай коркай ільда, апускалі Вадзяному пад кола кавалак сала...а калі забіваюць свінню, то кідаюць і цэлае сцягно».

Исследование текстов белорусских мифов свидетельствует о том, что значительное количество преданий посвящено *русалкам*. Легенды о них имеются в трудах почти всех белорусских этнографов, фольклористов, их образы воплощены в поэмах Т. Зана, А. Мицкевича, Я. Чечота. В представлениях белорусов русалками являются существа женского рода, населяющие реки и озера. Возникают они, как полагали белорусы, в результате превращения «людскіх дачок, праклятых бацькамі яшчэ ў матчыным чрэве, альбо тых, што намерлі нехрышчонымі, загубленымі сваімі маткамі неўзабаве пасля нараджэння абавязкова ў вадзе, ці ж маладых тапельніц, што скончылі жыццё самагубствам».

Таким образом, исследование фрагментов преданий, связанных с водной стихией, показывает, что в представлениях древних белорусов и китайцев вода, выступала одной из основных космических стихий, где она символизировала Хаос, а связанные с ней мифические персонажи рассматривались как герои, причастные к началу творения Вселенной.

Первоначальной стихией, участвовавшей в создании мира из хаоса, согласно мифологическим представлениям предков белорусов и китайцев, был также *огонь*. Свидетельством этого является определенное количество мифов, связанных с героями-демиургами, которые добывают его и управляют им. В поздней народной мифологии Китая древнейшим божеством огня считался Чжужун 祝融 («Огненная змея»). В «Книге гор и морей» он представлен существом с туловищем зверя и лицом человека. Имеются фрагменты мифов, в которых в отдельных провинциях древнего Китая в качестве божества огня выступал Хо-шэ. Древними китайцами почитался и Хо-син 火星 («Звезда огня») как один из духов огня.

В белорусской и китайской мифологиях огонь носит амбивалентный

характер: он может приносить пользу человеку (обогреть, накормить) и вред (уничтожить, испепелить все, что создано). Огонь рассматривался как живое существо, способное помочь и наказать человека. Символика огня как очищающего средства широко использовалась белорусами и китайцами в календарно-обрядовой и семейно-обрядовой деятельности. Первоначальный огонь представлялся как божество и объект поклонения у древних белорусов. Изучение мифов показывает, что его появление люди связывали с демиургами-творцами. Согласно народной мифологии, богом огня являлся Жижель (Жыж, Жыжа, Знич). П. Шпилевский считал, что такое представление о Жижеле было характерно для жителей Минской губернии. В записанном им предании говорится: «Жыж – бог агню, што Зніч у літоўцаў (ці, лепш, старажытных яцвягаў). Беларусы вераць, нібыта Жыж тое і робіць, што расхаджае пад зямлёю і так выпускае з сябе агонь. Калі ён ходзіць паціху, то праз гэта, кажуць, саграваецца зямля; калі ж хутка, то зямля загараецца, адсюль здараюцца ў розных месцах зямной паверхні пажары». В некоторых местах он представлялся могущественным существом, изготавливающим в подземной кузнице оружие для сражения с Перуном. Отдельные предания повествуют, что первый огонь появился от Перуна. Люди уважали его за мужество и непокорность. Считалось, что если Жижель долго работал в кузнице, то перегревалась земля и начиналась засуха и возникали пожары.

Вместе с тем в белорусской мифологии насчитывается немало преданий об огне небесном, первотворцом которого являлся Бог. В преданиях излагаются различные версии появления огня в архаическое время, но в большинстве из них освоение огня человеком связывается с изгнанием людей из рая. В ряде сказаний повествуется, что Бог научил людей добывать огонь трением: «Як Бог выгнаў першага чалавека з раю, то чалавек пачаў дрыжаць ад холаду. От Бог вялеў яму узяць два кукі моцнага дзерава й церці іх. Як чалавек паслухаў Бога й тое зрабіў, то дзерава загарэлася і сагрэла чалавека Кстаті, в Беларусі до этого времени сохранилось детское название огня – «жижа». Отдельные предания повествуют, что первый огонь появился от Перуна.

Таким образом, можно считать, что первоначально огонь выполнял функцию обогрева, позже его начали использовать для приготовления пищи и в производственной сфере. Огонь, как и вода, стал неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности предков белорусов. Следовательно, практическое значение огня в архаическую эпоху стояло вровень с его магическим значением. В этот исторический период сформировалась ритуальность поклонения огню и его почитания, как божественного явления в первой табуации. Его святость подтверждалось тем, что под любым принуждением категорически запрещалось бросать на огонь грязные вещи, плевать, мочиться, заливать его водой. Древние белорусы искренне верили, что тот, кто это делает, «...то ўсе ў родзе на ніз жывата хварэць будучь, усе чыста счарвівеюць да апошняга чалавека». Считалось, что сохранение

чистоты огня помогает хорошим отношениям его с хозяином дома.

У древних белорусов существовало представление об огне как о живом существе, которое может и помогать, и наказывать. Поэтому, чтобы умиловить огонь, его «кормили и поили». В огонь при приготовлении пищи отливали по ложечке супа, бросали кусочек хлеба или блина, который первым выпекался. «Кормление» огня напоминало собой «кормление» всей живой природы. У патриархальных белорусов было святое убеждение в том, что все это живое, что оно дышит и чувствует, волнуется и переживает, вознаграждает и наказывает.

В сознании белорусов огонь являлся также очищающей стихией. Именно с очищающей функцией огня связаны многие народные поверья, пережитки и магические ритуалы. В языческие времена с этой функцией были связаны праздники Купалле, Масленица, в христианский период – Рождество, Благовещанье. Во время этих праздников зажигались ночные или дневные костры. Наиболее огненным было Купалле, которое не только воплощало расцвет мощной вегетативной силы, но и очищающую силу огня. Обязательным ритуалом праздника являлось перепрыгивание через купальский костер с целью очищения.

Таким образом, на основании исследования ценностного отношения огня в мифологическом сознании древних белорусов можно констатировать, что огонь с одной стороны, обеспечивал жизнедеятельность людей, с другой стороны, огонь являлся очень небезопасной, карающей силой, способной уничтожить плоды творческой деятельности белорусов.

В архаической мифологии широко представлен животный мир, который вписывается в трехчастное деление Мирового Дерева, моделирующего мир и по горизонтали, и вертикали, и во временных отношениях. Древние китайцы размещали его на востоке, в Долине Света. Именно там по их представлениям, с бурлящего моря возвышалась необъятная шелковица. На самой ее вершине сидел чудесный петух, предвещавший своим криком наступление дня, от чего все нечистые силы, что ходили во тьме по Земле, торопясь бежали в свои убежища. На ветках шелковицы жили также десять солнц в виде трехпалых воронов. В некоторых мифах в качестве Мирового Дерева выступает Цзяньму 建木, которое являет собой центр Неба и Земли. Как повествуется в «Книге гор и морей» по нему герои-демиурги поднимались на небо и опускались на землю. В наиболее архаических мифах чертами Мирового дерева наделялась также Паньтао 蟠桃 («чудесный персик»). В соответствии с трехчастным делением Мирового дерева, в определенном порядке на нем распределяются животные, созданные героями-демиургами. Согласно мифологии, все звери и птицы были порождением Луна («дракон»). На вершине Мирового дерева находились птицы, которые отождествлялись с душами умерших. Птицы в данном случае выступают, как мифопоэтические классификаторы и символы божьей сущности, верха, неба, солнца грома, ветра, облака, свободы, роста,

жизни, восхождения, связи между космическими зонами. Зооморфный характер образа птицы отчетливо просматривается в мифе о Фэнхуан 凤凰 («жар-птица»). По преданиям, она является посланницей Тянь-ди («небесный император»). В мифе прослеживается коммуникативная функция этой птицы, которая вылетает из восточного царства, где живут совершенные люди, парит за пределами Четырех морей, пролетает через гору Кунь-лунь 昆仑, пьет воду у горы Чжичжу 支柱, стоящей среди водной стремнины, мочит крылья в водах Жошуй 若水. В представлениях древних китайцев Фэнхуан считалась знаком мира и процветания. В древней мифологии имеются сведения о гигантской птице Пэн 鹏, спина которой простирается на несколько тысяч ли, крылья ее напоминают нависшие тучи. Одним махом она может пролететь 90 тыс. ли. В ряде источников данная птица отождествлялась с божеством ветра. Реконструкция ряда мифов позволила выявить образы и таких птиц, как Ван-му шичжэ 王母使者 («посланцы матушки-владычицы») и Бийняо 百鸟 («птицы, соединившие крылья») [78, с. 336], Луаньяо 鸾鸟 и др. Чудесная птица Ван-му шичжэ была служанкой у Си-ванму, повелительницы Запада. Она приносила божеству еду, Бийняо считалась символом счастливого супружества, Луаньяо – мира и спокойствия в государстве.

Многие герои-демиурги изображались с отдельными органами птиц. Так, мифологический справедливый судья Гао-яо 高要, по преданию, имел птичий клюв. Душа героя мифов юго-западного Китая Ду Юя 杜宇 после смерти превратилась в кукушку. С птичьими ногами показывалась и Ма-гу 麻姑 – бессмертная фея, помогающая людям. В облике матроны, сидящей на красном троне, в головном уборе в виде трех птиц, изображалась в храмах Бися Юаньцзюнь 碧霞元君 («госпожа лазоревой зори»), она же в даосской мифологии являлась покровительницей лис.

Согласно структуре Мирового Дерева, в его серединной части располагались копытные животные, среди которых наиболее популярным был вол.

В белорусской мифологии существует большое количество мифов о флоре, созданной героями-демиургами. В мифах содержится много сведений о растениях, произрастающих в Беларуси, и о причастности героев к их первоначальному появлению. В миропонимании древних белорусов жизнь растений ассоциировалась с жизнью всей природы, им начинают придавать более общие свойства – животворное и оплодотворяющее влияние на всю природу и людей. В этом качестве культ растительных богов входит важной

составной частью в общий культ плодородия, занимавший центральное место в мифологии субъектов архаической культуры.

Анализ мифологии показывает, что белорусы уже в древние времена имели разнообразные представления о деревьях и растениях, произрастающих на их земле. Имея в виду это, Э. Ожешка писала, что веданне народам расліннага свету настолькі дакладнае, што смела можна сцвярджаць: ад самага высокага дрэва да найдрабнейшай травінкі, якія растуць на той самай зямлі, што і ён, няма такой расліны, якая б у яго мове не мела б сваёй назвы, а ўжо ў самых гэтых назвах выяўляецца назіральнасць, выказаная жывапісна і паэтычна, часам грубавата, але затое дакладна». В общем культе природы белорусов было широко распространено обожествление и поклонение священным дубровам или деревьям. Священными считались береза, верба, дуб, липа. На их распространение в культе белорусов свидетельствуют памятники древней письменности (летописи). Деревья, как и люди, делились на представителей мужского и женского начал. По мнению И. Крука, *береза* символизировала женское начало и именно поэтому являлась определяющим атрибутом ряда праздничных ритуально-обрядовых комплексов, основными участниками которых были девушки предбрачного возраста. В мифопоэтической модели мира береза, выступала как дерево-защитник и медиатор между миром живых и миром умерших. Выведение на передний план ее медиативных качеств обусловило использование березы как средства, способного противостоять злему началу, защитить от проникновения смерти. С архетипом Матери связывалась *верба*, которая воплощала энергию Космоса. Как символ женского дерева воспринималась калина, возникшая в результате превращения женщины в растение. В преданиях она часто фигурирует как невеста, превращенная в дерево через проклятие свекрови. *Яблоня* в некоторых мифах выступает в роли Мирового дерева, в кроне которого сидит птица, а в корнях обитает змей. Она представляется носителем жизненной субстанции, сил и вечной жизни, воплощает идею дерева-предка. В качестве Дерева жизни представлялись белорусам *дуб и яворь*.

В китайской мифологии существует также большое количество мифов о флоре, созданной героями-демиургами. Китайский мифолог Ван Сяо Лянь посвятил им монографию «Цветы и цветочные божества». Свидетельства о растениях, произрастающих в Китае, встречаются в «Книге гор и морей», в «Хуайнаньцзы» и других литературных памятниках. Так, в «Книге гор и морей» (IV – II вв. до н. э.) говорится: «К северу [от нее] приносят жертвы [горе] Чжуби猪鼻. Там живет демон ясеня Лилунь». В различных древнейших памятниках встречаются другие антропоморфные божества: бог персикового дерева, бог платана бог осота, богиня тутовых деревьев. В них повествуется о девице Цань-шэнь 蚕神 – богине шелководства, которая превращалась в шелковичного червя, питавшегося листьями тутового дерева, она выплевывала изо рта бесконечно длинную, тонкую и блестящую

шелковую нить. В этом предании, по-нашему мнению, сказалось развитие представлений о метаморфозах богов растений.

В миропонимании древних китайцев жизнь растений ассоциировалась с жизнью всей природы, поэтому богам растений начинают придавать более общие свойства – животворное и оплодотворяющее влияние на всю природу и людей. В этом качестве культ растительных богов входит важной составной частью в общий культ плодородия, занимавший центральное место в мифологии субъектов древнекитайской культуры.

О функциях богов деревьев, как богов плодородия, способных оказывать влияние на урожай, свидетельствует ряд фрагментов архаических мифов.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что в народных представлениях белорусов и китайцев женские и мужские деревья ассоциировались с плодovitостью, жизненной мощью, способными уберечь человека от воздействия деструктивных сил, а также кодировали идею обновления космоса и социума.

Созданная героями-демиургами из хаоса Земля в изначальные времена была не устроена, поэтому культурным героям приходилось много энергии тратить на борьбу со стихиями. Особенно бедствовали они от наводнений и засухи. Фрагменты мифов о потопе встречаются во многих древних источниках народов мира. Об этом свидетельствует исследователь преданий о космических катаклизмах М. Элиаде: «Из них самые распространенные – это мифы о потопе, известные повсюду (за исключением Африки, где они почти не встречаются)» Среди различных мифов о сотворении и гибели мира наиболее широкое распространение в китайской мифологии получил миф о потопе, позволяющий раскрыть архаические структуры мышления и реконструировать исторические события. Их реконструкция позволяет нам считать, что наиболее полно он передается в «Книге гор и морей». Включен данный миф и в «Хуайнаньцзы» и некоторые другие памятники нарративного характера. Так, в «Хуайнаньцзы» причина потопа объясняется следующим образом: «Злой дух Гун-гун ударился головой о гору Бучжоушань, служившую опорой неба. От этого удара духа земля и небо изменили свою форму. Одна из сторон земли разрушилась, а часть небосвода отвалилась. Воды, хлынувшие из-под земли, затопили сушу, и земля превратилась в сплошной океан, волны которого достигли неба». Мифическая Нюйва потратила много сил, чтобы починить небо, через отверстие которого на землю излилось огромное количество воды, покрывшее землю до неба. Она же выровняла землю и избавила человечество от бедствий. Сохранились фрагменты мифа, в которых потоп связывается с какой-либо ритуальной виной, вызванной гневом высшего божества. Например, в «Вопросах к небу» сказано, что причиной потопа послужило ослушание мифическим героем Гунем воли Главного бога. Мотив богоборчества характерен и преданиям, содержащимся в «Веснах и Осенях Люя», в «Книге преданий»: «В древности Гунь запрудил разлившиеся воды и

разрушил тем порядок (смены) пяти элементов; и вспылал тогда Бог (Предок) гневом».

Выстоять в борьбе с космической катастрофой помогли первобытным китайским народам помимо Нюйвы и Гуня и другие культурные герои. Так, в даосском мифе о Юе зафиксировано повествование о борьбе с наводнением: «Некогда Юй, усмиряя воды потопа, прорывал русла рек и давал им проход через земли Четырех варваров и Девять областей. Он дал названия тремстам горам, провел русла трем тысячам больших рек, а скольким малым и не счесть». В «Хуайнаньцзы» утверждается, что Юй, чтобы «остановить потоп, приносит себя в жертву реке Янсьюй». Усмирать потоп Юю помогал легендарный герой Се. В мифе о Ли Бине говорится, что этот культурный герой помог людям избавиться от наводнений, убив бога реки. Усмирителем наводнений, по даосской мифологии считался и Сюй-Чжэнь цзюнь («Истинный государь»).

Немалые беды первым людям, сотворенным тотемными предками и высшими божествами, приносили засухи. В древнекитайской мифологии демоном засухи считалась Ба跋, дочь Хуан-ди. В мифе о ней говорится: «На юге есть существо ростом в два-три чи 尺, тело не прикрыто одеждой, глаза на макушке, передвигается быстро, как ветер, зовут его Ба. Где появится – всюду засуха и красная земля на тысячи ли. Реконструкция архаических китайских мифов показывает, что в преодолении данного бедствия человеку помогали также мифические герои. В «Веснах и Осенях Люя», «Обряднике» имеются фрагменты мифов о вызывании дождей культурными героями. В «Веснах и Осенях Люя» имеется предание об иньском герое Тане坦, который принес свое тело в жертву для того, чтобы избавить свой народ от продолжительной засухи, ниспосланной Верховным богом за то, что иньци уничтожили племя ся: «Жертвой своей вымолил счастье, и возрадовался народ, и полил тогда большой дождь».

Изучение китайской мифологии позволило нам выявить ряд героев-демиургов, повелевающих дождями: Бэйдоу北斗 Фэньи 风 Юйши 雨师.

Изучение текстов белорусских мифов свидетельствует о значительной представленности мотивов потопов в белорусской мифологии. В ней воплощены определенные персонажи, разрушительной враждебной человеку стихии воды. На наш взгляд, таким является образ “Вадзяніка”, духа, мифического хозяина водоема. Будучи агрессивным по отношению к людям, он топил их, ломал водяные мельницы, топил рыбацьи лодки. Мельники, рыбаки и люди, живущие у водоемов приносили духу жертвы. Негативный контекст имеют также такие мифические персонажи, как “Аржавень”, “Багнік”, “Баламуцень”, “Балотнік”. В традиционных представлениях белорусов мифический образ «жабы» вытекает из космогонии. Согласно мифу, в жаб превратились люди в результате всемирного потопа.

Историко-типологическое сравнение мифологии белорусов и китайцев

позволило нам выявить наличие в ней мифологических представлений, группирующихся вокруг героев-демиургов, покровительствующих земледелию. Согласно мифу, Велес, языческое божество имело отношение к земным водам, источникам и рекам. Он был связан с аграрными культами. По славянскому обычаю в период жатвы на поле оставляли несколько несжатых растений, называемых «Велесовой бородой». Магическо-земледельческие элементы содержатся в празднике в честь бога Ярилы. Например, образ его представлялся молодым мужчиной с человеческой головой в правой руке и с колосьями в левой. Богинями плодородия у белорусов считались Цёця и Лада; Об этом свидетельствуют некоторые белорусские весенне-летние песни-молитвы о дожде. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что древний Китай и Беларусь являлись земледельческими странами, где умеренное наличие воды и солнца обеспечивали плодородие почвы. Именно поэтому в мифические времена в Китае и Беларуси был широко распространен культ плодородия, поклонение божествам и духам, повелевающим дождями, реками, морями и солнцем.

Герои-демиурги приводили в порядок воды и земли, создавали мир, пригодный для жизни людей, научили их земледелию и различным ремеслам. Первопредки имели возможность общаться с демиургами, подниматься наверх к богам, а боги нередко спускались вниз к людям. Правда, в «Книге преданий» содержится версия мифа о богах Великом (Чжуне) и Черном (Ли), которые наказали народ Мяо, погрязший в пороках, беззаконии, преступлениях и других грехах. В качестве возмездия боги приказали «прекратить сообщение между небом и землей, чтоб [боги] не спускались, а люди не поднимались».

Таким образом, мифы, отражающие процессы сотворения мира, порождение неба, земли, животного и растительного мира Вселенной, являются примитивно-изначальными способами осознания отношений между человеком и природой. Безусловно, исторические формы духовного освоения культурой природы посредством мифов были не абстрактно-теоретическими, а практически-духовными. Они осуществлялись механизмами фантастического воображения субъектов архаической белорусской и китайской культуры, а не совсем еще слабого у них абстрактного мышления, воплощались в свойственной воображению форме образных представлений, мысленных картинах природного бытия. Мир мифологических образов, в котором художественный и религиозный типы сознания еще не отделились друг от друга, но формировались синкретически-нераздельно, и был ничем иным, как трансформацией форм существования природы.

Сравнительно-типологический анализ белорусских и китайских мифов о героях-демиургах позволяет нам утверждать, что уже на стадии архаической культуры ее субъекты придавали природным явлениям определенные ценности, которые вбирала в себя и разными способами перерабатывала культура. Таким образом, духовная культура постепенно

развивалась в процессе мифологического и художественного освоения природы (натуры).

Тема 3 Антропогонические мифы Китая и Беларуси

Становление самосознания человека как особенного существа, который понимал предположительно свое отличие от животного, прошло длительный путь развития. Первоначально человек принципиально не отличал себя не только от животных, но и от растений, от земли и воды, от небесных светил – природа воспринималась им как нечто единое и единосущное, и в самом себе он видел всего лишь отличающееся по внешнему облику проявление этой сущности. История развития общества говорит нам, отмечал К. Маркс, что первобытные люди вступали в историю «еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности». В основе этих древнейших форм мифических представлений лежит свойственная первобытному человеку нерасчлененность восприятия живой и неживой природы, человеческого и природного мира, представление о тождестве вещей и людей. Вещи, животные, растения, явления природы наделялись волей, сознанием, способностью к целесообразной деятельности. Субъекты культуры архаического общества были убеждены, что все формы на земле обладают одними и теми же качествами и свойствами.

Человек мыслил себя находящимся в одном ряду со всеми объектами этого природного мира; он мог вступать в отношения со всеми объектами природы, воздействовать на них. Природные объекты, в свою очередь, могли оказывать влияние на человека, покровительствовать ему или вредить. Такая нерасчлененность восприятия мира обуславливала познание мира через единичное, конкретное и чувственное. Оно сказывалось и в нерасчлененности единичного и множественного, объекта и субъекта, атрибута и сущности. По мнению О. М. Фрейденберга, «субъект и объект постоянно меняются местами, каждая вещь может стать тварью, а тварь – вещью».

Следующий шаг развития человеческих особей – это осознание человеком качественного отличия живого и неживого, при сохранении представлений о своей сущностной связи с животными. Это происходило в процессе формирования практических знаний посредством вовлечения в практическую деятельность природных явлений и складывания общественных отношений. Из практического познания постепенно вырастал мифологическое знание, которое отделилось от него и обрело самостоятельную – чисто духовную форму существования. М. С. Каган объясняет «необходимость в нем тем, что оно содержало отсутствующую в практическом знании обобщенность», которая достигалась благодаря тому,

что знание воплощалось в мифе, в образах, которые возвышали единичное до уровня общего, превращали реальное в идеальное силой воображения, фантазии, изменявшей формы реальности. Преображение реальности мощью фантазии позволяло архаическому человеку постигать мир как нечто целостное и организованное в этой его целостности. Единичное приобретает значение общего и служит средством обобщения опыта и познания. Правда, на данном этапе антропогенеза мифологическое знание еще не отделилось от других форм духовной и материальной активности человека и не превратилось в самостоятельную социально-институциональную и специализированную деятельность. Вместе с тем есть основание утверждать, что миф уже – продукт некоторого мышления, обусловленного практической деятельностью. «При всем многообразии мифологического мышления, отмечал Е. М. Мелетинский, оно, несомненно, было формой познания окружающего мира и при всей своей громоздкости и «фантастичности», несомненно, служила инструментом анализа, без которого была бы немислима даже материальная культура на древних стадиях развития человечества».

В мифологическом знании уже латентно присутствуют элементы антропологизма, попытки осмысления субъектом архаической культуры своей особенности, своего качественного отличия от растительного и животного мира. В мифах белорусского и китайского народов содержится определенный комплекс знаний о сущности человеческого бытия, о биологическом и сверхбиологическом в человеке. На мифологических этапах истории практически-духовное воссоздание мира субъектом первобытной культуры представляло человека в его всеобщих, родовых качествах. «Человеку, который жил в условиях первобытнообщинного строя, подчеркивал А. Ф. Лосев, были понятными и наиболее близкими только общинно-родовые отношения. На основе этой понятной ему действительности он и рассуждал о природе, обществе и всем мире. Наиболее убедительным для него объяснением природы было объяснение с помощью родственных отношений. Вот почему небо, воздух, земля, море, подземный мир – вся природа представлялась ему не чем иным, как одной огромной родовой общиной, которая населена существами человеческого типа, которые находятся в тех или иных родственных отношениях». В основе этих мифов лежат представления о фантастическом сверхъестественном родстве между определённой группой людей (родом и др.) и тотемами, т. е. видами животных и растений.

Исследование белорусской и китайской мифологии показывает, что по содержанию мифы о героях-первопредках белорусов и китайцев очень близки. Они заключаются в довольно однообразном повествовании о странствованиях мифических предков, в роли которых выступали тотемные животные. Основные персонажи наделены в них чертами и человека, и животных. Эту особенность мифов подтверждает М. Элиадэ: «...в далекие, мифические времена сверхъестественные существа совершают длительные

путешествия, задерживаясь иногда где-нибудь для того, чтобы изменить рельеф и местность, породить новые виды животных и растений и, в конце концов, исчезнуть с лица земли». Так, согласно древнекитайской мифологии, культурный герой Цзюйлин 巨林 («Огромный холм») родился вместе с первоначальной субстанцией (юаньци). Ему приписывалось магическое знание законов земли и умение создавать горы и реки. По преданию, во время странствий он заметил, что гора Хуашань преграждала путь течению р. Хуанхэ. Цзюйлин, расшатывая гору руками и пиная ее ногами, расколол гору надвое и тем самым открыл путь воде. Мифический герой Се, которого зачала мать, проглотив яйцо ласточки, вместе с Юем умирил потоп. В соответствии с китайской даосской мифологией, могущественный герой Сюй-Чжэнь цзюнь («Праведный владыка Сюй») с помощью магических заклинаний спас от моровой болезни несколько тысяч человек, казнил дракона, который насылал ежегодно наводнения в провинции Цзянси.

В белорусской мифологии такими героями выступают богатыри (асілки) существа антропоморфного характера необыкновенной силы. Так, А. Сержпутовский записал на Случчине предание о том, как богатырь разбил булавой каменную стену, за которой страдали, украденные цмоком (драконом) люди. Известен ряд преданий о борьбе богатыря со Змеем-страшилищем, поедавшим скот и людей. Люди сражались с ним, но не смогли победить. Тогда пришел богатырь, который убил Змея, рассек его на три части – голову, туловище, хвост и закопал каждую часть в отдельный курган. Популярным персонажем белорусской мифологии являются женщины-богатыри (валатоўны), которые отважно сражались с чужеземными врагами. Сохранилось предание о богатырке, уничтожившей врагов возле Россонской горы. Дошли до нашего времени мифы о Дороте с Освейщины, о Девичьей горе недалеко от Мстиславля. В этих местах мифические герои погибли в сражениях с чудовищами.

Согласно мифологии, первоначально белорусов и китайцев родились вместе с первоначальной субстанцией. Так, Бай на белорусском этническом пространстве появился в то время, когда ещё ничего не было – одна только вода, посредине которой возвышался только один камень. В воде и земле начала зарождаться жизнь, которой управлял мифический Бай. Каким образом появился первый человек, мифы трактуют по-разному. Например, в мифе о Гончаре, образ которого широко представлен в белорусском фольклоре, говорится, что он вылепил из глины предков белорусов. Люди свято верили, что он владеет сверхъестественными способностями, в белорусской мифологии гончар представлен культурным героем.

В ряде белорусских мифов говорится, что первых людей и животных также из глины вылепили герои-демиурги. Например, в ранних дохристианских мифах неоднократно упоминается языческий славянский бог Род, который «...мечет на землю груды и в том рождаются дети». Мифологи предполагают, что культ Рода как первотворца сформировался раньше, чем культ Перуна и других славянских божеств. В его честь устраивались

ритуальные пиры, приносились жертвоприношения : «се же словене начали трапезу ставити Роду и роженицам преже Перуна, бога их». В средневековых письменных источниках (поучениях против язычества) встречается имя Сворога, считавшегося древним верховным божеством Неба и Вселенной, богом-отцом, творцом человека. Верховным всеильным богом признавали славяне и Сотвара (от корня «тварыць», «ствараць», «сатварэнне»). Далекie предки белорусов, проживавшие на славянско-балтском пограничье, почитали его как создателя и властелина Вселенной, всего живого, в том числе и человека.

В поздней христианской мифологии также имеется несколько вариантов о происхождении перволюдей. В соответствии с Ветхим Заветом первого человека (Адама) из земли и дыхания жизни создал Бог: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Первым человеком был Адам, что на санскрите «первый», на арамейском языке – «один», на ассирийском – «отец». Следовательно, Адам не рожденный, а созданный, и этим он отличается от всех других, последующих людей.

В основе ряда белорусских мифов лежат представления о фантастическом сверхъестественном родстве между определённой группой людей (родом и др.) и тотемами, т. е. видами животных и растений. В некоторых мифах, мифологических сказках в качестве тотема белорусов выступает медведь, являющийся наиболее популярным персонажем. В Беларуси культ медведя, как считают Э. Зайковский, И. Семенчук и А.Сержпутовский, прослеживается со времен неолита, но наиболее широкое распространение он получил в железном веке. Образ медведя субъекты первобытной культуры отождествляли с человеком. Древние белорусы были убеждены в подобии женщины и медведя. В белорусском фольклоре известен мотив сожительства женщины с медведем, в результате чего рождается чудесный ребенок с одним медвежьим ухом. Рожденный таким образом мифический герой владеет необыкновенной силой, что позволяет ему совершать разнообразные подвиги. В некоторых свадебных песнях Восточного Полесья молодых называли «медведем» и «медведицей». В марте широко отмечался народный праздник Комаедица. В мифологии белорусов распространение получил мотив превращения медведя в человека. Так, в медведя был превращен мужик, который одел перевернутый шерстью кожух, чтобы напугать Бога. Медведем стал жадный бобыль, который хотел, чтобы чудесная липа сделала его Богом. Способностью к превращению в медведя, согласно белорусской мифологии, обладали ведьмы и шаманы.

В мифологии и фольклоре белорусов содержатся предания о превращении человека в других животных, деревья, камни и т. д. Так, авторы, дошедших к нам мифических повествований, единодушно соглашаются, что Всеслав Чародей владел наукой волхования и, благодаря этому, владел способностью превращаться в различных животных (серого волка, птицу). Мифологи считают, что в основе имени первого полоцкого

князя Рогволода (X в.) лежит сема *gagn* -, – общая для балтийского региона, что означает дар предвидения, вещевания. Кстати этот же компонент входит и в состав имени дочери Рогволода Рогнеды.

Исследование текстов мифов славянских народов показывает, что тотемный предок обладал способностью поочередно принимать как животное, так и человеческое обличье. Значительное количество мифических существ соединяют в себе элементы тел змеи, рыбы, птицы, быка, волка, медведя и человека. В архаических мифах они в своем большинстве выступают в виде тотемных предков-животных. Изучение белорусской мифологии позволило нам выявить тотемические представления белорусов о мотиве реинкарнации – превращения предка в тотема-птицу. В мифологии широко представлен персонаж аиста («бусел», «бацян»), который согласно преданию был человеком, наказанным Богом за излишний интерес. Миф повествует, что Бог поручил одному человеку отнести мешок со змеями в бездну, при этом строго наказал не развязывать его и не смотреть, что в нем находится. Человек не удержался и развязал мешок, пока он рассматривал содержимое, все находящиеся в нем существа разбежались. Рассерженный Бог за это превратил человека в аиста и велел ему всю жизнь собирать убежавших пресмыкающихся.

В контексте реинкарнации фигурирует в белорусской мифологии персонаж кукушки («зязюля»), которая до превращения в птицу была женщиной. Существует ряд версий, объясняющих, почему она стала птицей. По одной из них до реинкарнации она была княгиней, которую прокляла мать за то, что девушка отказалась выходить замуж за нелюбимого парня. В некоторых мифах она предстает как жадная женщина, не подавшая нищему кусок хлеба, за что Бог превратил ее в кукушку. Белорусская традиция сохранила воспоминания о вороне, которая в белорусской мифологии предстает в ином смысле. В мифах она подается в основном с негативным оттенком. В некоторых регионах Беларуси люди верили, что в ворону переселяются души только злых людей. В соответствии с мифологией белорусов в образе воробья прилетают души умерших к близким людям, очень тоскующим по ним.

Встречаются в белорусской мифологии предания о происхождении людей из каких-либо органических и неорганических веществ. В глубокую архаику, на наш взгляд, уходят мифы о рождении предка-героя камнем и горой. В процессе исследования обнаружено множество культовых камней на территории Беларуси. Л. Дучиц, Э. Зайковский и В. Лобач считают, что «на территории Беларуси имеется более 300 культовых камней». Среди них выделяется класс авистических камней, олицетворяющих предков или языческих богов: Дажьбога, Волосеня, Перуна и др. Имеются предания о превращении в камни людей за определенные провинности. Так, в камень был превращен пахарь, работавший на Пасху. Широкою известность в Беларуси получил миф о камнях-портных («камяні-краўцы»), согласно которому в камнях больших размеров находился портной.

По-нашему мнению, почитание гор и камней как предков носит тотемический характер. В культуре гор сохраняются многочисленные элементы так называемого локального тотемизма. В нем элементы фетишизма входят в сложный тотемистический комплекс, в котором выявляются и анимистические компоненты разной стадиальности. Культ предков здесь переплетается с космогоническими представлениями.

Гора в белорусских культовых мифах трактуется также как сакральный центр ритуального пространства. В Беларуси насчитывается несколько десятков гор, которым поклонялись: Божья гора, Змеиная гора, Перунова гора, Святая гора, Гора Рогволода и Рогнеды, Юрьева гора и др.

Сравнительно-типологический анализ белорусских мифов о камнях и горах показывает, что помимо отождествления их с тотемами и артефактами поклонения в белорусской мифопоэтической традиции они еще фигурируют в качестве модели вертикальной структуры Света и трансформации Мирового дерева. Мифологическая гора трехчастная. На ее вершине, тождественной верхушке Мирового дерева, живут боги, в нижней части – злые духи, а на земле – человеческий род. Камни, в соответствии с мифологическим воззрением, служат фундаментом Мирового дерева, где находятся причины всех людских болезней.

Реконструкция ряда белорусских тотемических мифов показывает, что в них присутствуют мотивы происхождения родоначальника от растительного тотема. Согласно древнейших представлений белорусов, идею дерева-предка воплощает яблоня, символизирующая женское начало. Мужское начало связывается с дубом, символизирующим вечную жизнь, силу и могущество. С девушкой отождествляется верба, которая, чтобы избежать замужества со старым мужчиной, превратилась в дерево. Используется белорусами в ритуалах, связанных с культом предков и липа. Известно несколько легенд, согласно которым липа превращает в медведя человека, пожелавшего, чтобы его все боялись. Мотив метаморфозы девушки в липу и калину также широко представлен в белорусской мифологии.

Таким образом, растения, согласно мифологическим преданиям белорусов, заключали в себе мужское и женское начало, человеческую душу. Растительные мужские и женские образы создавали пары: дуб с березой, яварь с березой, с липой, яварь с калиной и др. Они наделялись положительной семантикой. В растительном свете белорусские первопредки видели как бы отражение собственных семейных родовых связей, значений, иерархий.

Тотемические представления древних китайцев породили также значительное количество мифологических мотивов, которые зафиксированы во многих письменных памятниках нарративного характера. Большое место в мифологических воззрениях древних китайцев занимает образ Луна («дракон»). Популярность культа дракона, на наш взгляд, объясняется тем, что он некогда был тотемом древних китайских племен. В надписях на гадательных костях, датированных 14 в. до н. э., он связан с названиями

прототибетских племен цян, населявших западную и центральную части современных провинций Хэнань и Шаньси. Татуировки в виде Луна часто встречались у племен юэ на восточном побережье. Вэнь Идо даже склонен считать его обобщающим синтетическим образом, в котором слились черты разных тотемов, и, возможно, он пользовался культом как межплеменной предок. На наш взгляд, следует согласиться с данной мыслью Вэн Идо. В протокитайском обществе множественность племенного тотемизма усложнялось за счет взаимовлияний племен и этнокультурных общностей, социального развития – выдвижения отдельных племен, а в них – родов, что должно было сопровождаться и приобретением их тотемами особой значимости для данного общества. О том, что Лун был тотемом, говорят и мотивы чудесного рождения первопредков от драконов. До наших дней дошли многочисленные предания о рождении мифических предков от связи женщины с драконом, рождении культурного героя из крови дракона, о наличии драконовой меты на челе императора. Так, в китайской народной мифологии повествуется, что герой-демиург Гуань-Ди, бог войны и богатства, родился из крови дракона, которого убил верховный владыка Юй-Ди. Эту кровь набрал буддийский монах, из которой и произошло это божество. Миф о Гуне гласит, что после смерти героя «из его распоротого живота Гуня вылез дракон. Это был Юй. На голове у него росла пара крепких, острых рогов» [224, с.211]. Согласно мифам, от дракона произошел совершенно мудрый правитель Яо [125, с. 809]; (Приложение Д, с. 241).

Многочисленными являются в китайских мифах упоминания о происхождении человека, родов и племен от медведя. Так, Люй Вэй передает предание о том, что два рода вельмож царства Цзинь считали своими первопредками медведя: «Медведи – это первопредки двух цзиньских вельмож». Желтый предок (Хуан-ди) принадлежал, согласно традиции, к роду «Владеющих медведем». Легендарный герой Гунь, согласно мифу, «превратившийся в желтого медведя, отправился к западным колдунам, чтобы они воскресили его». Культурный герой Юй, прорывая русла рек, каждую ночь принимал образ медведя: «Юй подождал пока жена уйдет, покачался из стороны в сторону, превратился в черного медведя, заросшего шерстью, и стал из всех своих медвежьих сил пробивать проход в горе».

Реконструкция текстов китайских архаических преданий позволила нам выявить, что в роли тотемов выступали также различные птицы: ворон, феникс, утка, петух и др. Так, в мифах о Бийняо, Луаньяо, Фэнхуане, Пэне и других повествуется о том, что птицы участвовали в создании людей, добывали для первопредков пищу, воду, свет, устанавливали приливы и отливы.

Сравнительно-типологическое изучение ряда фрагментов мифов, показывает, что многие культурные герои соединяют в себе черты человека и чудесных птиц или превращаются в птицу. Так, Гоуман имел тело птицы и лицо человека, Ду Юй, спущенный с неба, после смерти превратился в кукушку.

Встречаются в китайской мифологии предания, как и в белорусской, предания о происхождении людей из каких-либо органических и неорганических веществ. Например, в фантастической эпосе «Фэн шэнь яньи» («Возвышение в ранг духов») рассказывается что, культурный герой «Ночжа родился в виде круглого кома мяса, из которого вышел младенец трех с половиной лет, с золотым браслетом – цяньюнь цюань («браслет неба и земли») на правой руке и полоской красного шёлка – хунтяньлин («шелк, баламутивший небо»). С помощью этих волшебных талисманов он мог побеждать своих противников.

В глубокую архаику уходят мифы о рождении предка-героя камнем и горой. Так, в «Хуайнаньцзы» повествуется, что Великий Юй был рожден камнем Нью. К почитанию камня как предка близки мотивы превращения в камень предков и героев. В «Хуайнаньцзы» говорится: «Юй женился на деде Земля-Гора, она превратилась в камень... Он сказал: «Верни мне сына!». Камень раскололся с северной стороны и родил сына».

Гора, как и камень, в мифологические времена мыслилась китайцами предком, сородичем. Например, в «Книге гор и морей» зафиксирован ряд фрагментов о принесении жертв различным горам: «Медведь-горе как Предку приносят в жертву яства и вина, используя утварь по ритуалу Великого Заклания»; «Горе Хлебного колоса как Предку приносят жертвы, употребляя сосуды и яства, которые полагаются при ритуалах Великого Заклания».

Таким образом, по-нашему мнению, почитание гор как предков носит тотемический характер. В культе гор сохраняются многочисленные элементы так называемого локального тотемизма. В нем элементы фетишизма входят в сложный тотемистический комплекс, в котором выявляются и анимистические компоненты разной стадильности. Культ предков здесь переплетается с космогоническими представлениями.

Реконструкция ряда китайских мифов показывает, что в них присутствуют мотивы происхождения родоначальника от растительного тотема. Это хорошо видно из фрагментов мифов о рождении Юя и И Иня. Согласно преданиям, одним из тотемных растений племени ся была йевлевая слеза, а иньцев – шелковица. В других версиях о происхождении названных племен тотемными растениями называются сосна, кипарис, кедр. Г. Г. Стратанович название древнекитайского царства Чу выводит от терновника, который в мифические времена, по ее мнению, являлся его тотемом. В «Веснах и Осенях Люя» повествуется о происхождении иньского Тана – мифического героя, основателя Шан-Иньской династии от шелковицы: «Женщина из рода Владеющих Шэнь собирала шелковицу и нашла в дупле ребенка. Отдала его своему правителю, он поручил его воспитывать повару». Юань Кэ записал предание о стране Дашиван у Западного моря. Согласно мифу, «На прибрежных скалах в этой стране росли деревья с зелеными ветвями и красными листьями. На таком дереве

рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, вниз головой наподобие луковицы».

Реконструкция фрагментов отдельных мифов позволило нам выявить, что в роли тотемов в первобытной китайской культуре выступали и определенные явления природы. В соответствии с фрагментами мифов, включенных в «Бамбуковые анналы» (III в. до н. э.), предки Шаохао и Чжуаньсюй родились после того, как их матери подверглись наитию радуги: «Мать Шаохао... увидела... как радуга опустилась в озеро Цветов. Во сне ей приснилось, что она совокупилась с нею. Почувствовала себя в тягости и родила Шаохао». По одной из версий от молнии родился Желтый Предок (Хуан-ди). По преданию, рождению Се-тяньцзюню сопутствовали огненные круги, спустившиеся с неба. Согласно апокрифическим сочинениям рубежа н. э. девица Цзе во сне увидела спускающуюся комету, подобную радуге, и зачала Бай-ди («Белый правитель»).

В мифах о героях-тотемах содержатся представления об их магических способностях защищать своих сородичей, способствовать их мощи и процветанию, их плодovitости. В «Книге песен и гимнов» имеется много благодарственных стихов в адрес предков. В одном из них говорится: «Предкам моим и гостям приготовлю обед – / Мне долготелье на тысячи лет!». В «Книге гор и морей» содержатся некоторые фрагменты, отражающие веру субъектов древней китайской культуры о покровительстве тотемов. Например, успех воину обеспечивали шкуры тигров и леопардов. Там же имеется фрагмент текста предания, согласно которому, если опоясаться шкурой полосатого коня, то будет много сыновей и внуков. Особенно отчетлива роль тотемов как покровителей и защитников видна на примере священных животных, выступающих хранителями могил и участниками культовых обрядов. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения священных животных на погребальных рельефах. Так, аналогичными рельефными изображениями покрывались многие ханьские погребальные сооружения (III в. до н. э. – II в. н. э.). В рельефах, оформлявших вход в могилу, внешний зал гробницы, а также колонны центрального зала, преобладали изображения охраняющих могилу священных животных. Среди них большое место занимали образы дракона, феникса, черепахи, тигра, змея, единорога.

Таким образом, на основании вышесказанного можно констатировать, что изображение священных животных на погребальных рельефах и их функции хранителей могил связаны с древними тотемическими представлениями. Исследование китайских мифов свидетельствует, что с развитием китайского общества тотемическая основа мифологии постепенно затушевывается. «Тотемные предки, отмечает Е.М. Мелетинский, создали людей или только «доделали» недоразвитые существа, какими они были вначале». Источниками чудесного зачатия и рождения культурных героев постепенно становятся не тотемы, а боги и духи. Так, в религиозно-космологических представлениях древних китайцев создателем всего сущего,

в том числе и человека, был верховный дух, высочайший правитель, стоящий во главе иерархически организованного сонма духов, Тянь («небо»). В соответствии с древнекитайской и даосской мифологией управителем жизни человека и его судьбой является Сымин. В мифе о Сань Хуне повествуется, что душами всех предков правит Чжун жэнь хуан цзюнь («владыка земли»). В «Книге гор и морей» говорится о Си-ваньму («владычица Запада»), которой подвластна жизнь всех людей. Она и ее муж хранят списки всех бессмертных, повелевают ими, награждают или наказывают их за проступки. Антропоморфный вид, согласно мифа о Бэйдоу («Северный ковш») имеют один из духов Большой Медведицы, властвующий над судьбой и смертью людей. По преданию о Тайцзи, высшим божеством, создавшим всю вселенную, включая и человека, было Тайцзи. В «Веснах и Осенях Люя» имеется фрагмент мифа о Цзяньди, согласно которому матерью первопредка иньцев была вторая жена мифического государя Ди-ку.

Основная идея данных мифов заключается о порождении героем-демиургом первых людей. Согласно мифу о Паньгу, после его смерти паразиты, жившие на его теле, превратились в людей. Паньгу в мифологии малых народностей южного Китая (ло, тань, мяо и др.) рассматривается как их предок и поныне почитается ими как культ. В их мифах он предстает как пятицветная собака (тотем), взявшая в жены женщину. От этого брака и произошли все эти народы. На основании вышесказанного можно полагать, что Паньгу не только герой-демиург, но и первопредок.

Реконструкция фрагментов космогонического мифа о Нюйве, позволяет нам утверждать, что в китайской мифологии существует версия о происхождении людей, не связанная с Паньгу. Сравнительно-типологическое исследование показывает, что сюжет порождения человека является в нем одним из главных компонентов. Нюйва согласно мифу, после отделения неба от земли долго бродила по пустынной и безмолвной земле. В сердце своем она ощущала необычайное одиночество и понимала, что для того чтобы оживить землю необходимо сотворить что-то еще. Она взяла горсть глины, смочила ее водой, и, глядя на свое отражение, вылепила жэнь («человек»). Но так как работа была очень сложна и трудоемка, позже она стала опускать в глиняную жижу верёвку и, выдергивая, стряхивать её. Из летевших на землю комочков и получались люди. Позже герой-демиург соединила вылепленных ею мужчину и женщину и заставила их самих продолжать свой род, возложив на них воспитание детей. Так, по преданию, стал продолжаться род человеческий, и день ото дня людей становилось все больше и больше.

В китайской мифологии первопредки, созданные героями-тотемами, предстают физически несовершенными. Юань Кэ в главе «Удивительные жители дальних стран» систематизировал мифы о внешнем облике первобытных людей. Ученый рассказывает о странах одноруких, одноногих, твердогрудых. В мифе о Юе повествуется, что он, усмиряя наводнение, посетил различные страны Девяти пределов. Однажды герой очутился в Стране людей с переплетенными ногами. «Жители этой страны, согласно

мифу, были ростом не более четырех чи ноги у них были кривые и переплетенные. Если они ложились, то встать без посторонней помощи уже не могли». В данном мифе упоминаются страны с длиннорукими, чернозубыми, длинноухими, безутробными обитателями. В связи с этим божествам, культурным героям предстояло усовершенствовать первых людей. В ряде мифов отражен процесс дальнейшего творения первопредков. Небесный владыка Хуан-ди и другие герои «доделывали» людей, создавали им руки, ноги, уши, глаза, рот, половые органы. Особенно много в этом плане занимался Хуан-ди, считающийся общим предком людей и богов, и это объясняет, почему он предстает в мифах столь великим. Одни его дети и внуки, будучи совершенными, стали богами, а другие сошли на землю и дали начало новым народам. В «Книге гор и морей» содержится фрагмент мифа о Куа-фу («великан»), согласно ему, люди из племени Куа-фу были потомками великого бога Хоу-ту («божество земли»). Предка иньского народа Ци и предка чжоусев Хоу-цзи, согласно китайской мифологии, породил верховный владыка Ди-цзян. Историю порождения иньцев излагает древнекитайский поэт Цюй Юань в поэме «Вопросы к небу». По его версии, вторая жена верховного владыки Цзянь-ди проглотила яйцо ласточки и родила Ци. Прародителем народа шан было божество Шунь («Ведающий горами и болотами»).

Сравнительно-типологическое исследование белорусской мифологии позволяет нам говорить о том, что в мифах тотемные предки предстают как существа с не вполне дифференцированной двойственной зоо-антропоморфной природой, в которой явно преобладает человеческое начало. Большей частью эти люди в случае необходимости превращаются в соответствующий вид животного или растения. Первопредки предстают еще физически и духовно несовершенными. В связи с этим божествам и духам предстояло усовершенствовать первых людей, наделить их силой, знаниями, умениями и навыками, необходимыми для существования. В соответствии с мифом герои-демиурги (Бялун, Вялес, Сварог, Жыцень Лада, Лёля, Любмел, Талака, Цёця и др.) помогали людям поддерживать порядок на земле, оберегали первых людей от хищных существ. Так, Ярила («Юрай», «Ягор'я») был опекуном домашних животных, он начинал весну. Он же уничтожил змея, поедавшего людей. Талака и Тетя («Цёця») содействовали людям в летних работах. Житень («Жыцень») помогал в уборке осеннего урожая. По христианской мифологии Бог создал все условия для нормальной жизни Адама и Евы: «И сказал Бог: вот Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам еще в пищу».

Культурные герои, как свидетельствуют мифы, всячески содействовали совершенствованию первопредков. Так, Кузьма и Демьян научили людей обрабатывать металл и изготавливать из него орудия труда. Радару люди обязаны избавлением их от злого змея, он же познакомил первопредков с

кузнечным и строительным делом. Кузнец («каваль») научил людей из руды выплавлять металл.

Анализ текстов белорусских мифов позволяет утверждать, что в них также насчитывается значительное количество фрагментов, повествующих о героях, имеющих женское начало и оберегающих первопредков от опасностей. Популярными персонажами мифологических сказок и легенд являются женщины-богатыри (валатоўны), которые отважно сражались с чужеземными врагами. Сохранилось предание о богатырке, уничтожившей врагов возле Россонской горы. Дошли до нашего времени мифы о Дороте с Освейщины, о Девичьей горе недалеко от Мстиславля. В этих местах мифические герои погибли в сражениях с чудовищами. Женскими образами представлены некоторые языческие духи, способствующие людям: Домовуха («Дамавуха»), Железная баба, Спарышка и др.

Мифы позволяют утверждать, что герои-демиурги наделяли людей физической силой и разумом. Некоторые древние белорусские литературные источники зафиксировали предания о сверхъестественных физических и умственных способностях отдельных представителей древних белорусов. Так, в преданиях говорится, что полоцкого князя Всеслава Брачиславовича («Чародей») (XI в.) мать родила от змея. Свидетельством этому являлась мета на голове князя («язвено»). Необыкновенный разум и физическую силу он получил от волхвов. Мифологическими героями необыкновенной силы и антропоморфного вида были богатыри («асілкi»), которые «маглі перакiдваць адзiн да аднаго стопудовыя камянi i лавiць iх на ляту, як мяч». В белорусской мифологии фигурируют волоты («волаты»), существа необычного роста и силы. Согласно преданиям, они были такого роста, что сегодняшние люди «нават iм да каленяў не дасталi б». Такими физическими качествами их, по преданию наделили герои-демиурги (Велес, Балабог, Перун и др.). А. Сержпутовский записал на Случчине предание о том, как богатырь разбил булавой каменную стену, за которой страдали, украденные цмоком (драконом) люди. Популярными персонажами белорусской мифологии являются женщины-богатыри (валатоўны), которые отважно сражались с враждебными людям существами.

Таким образом, своим появлением на Земле и последующим развитием и совершенствованием люди, согласно белорусской и китайской мифологии, обязаны культурным героям, которые создали для первопредков пригодные для жизни природное и социокультурное пространство. Первопредки имели возможность непосредственно общаться с героями, усваивать многие умения и навыки, необходимые для адаптации к окружающей их среде. Правда, в мифах говорится о том, что боги через некоторое время наказали людей за многие прегрешения. В качестве возмездия боги приказали прекратить сообщение между небом и землей, а Адам и Ева были поселены навсегда на земле. В связи с этим предкам пришлось самим осваивать созданный демиургами мир с помощью мысли и труда. В отличие от животных способом существования человека теперь уже становится продуктивная

деятельность, а не спонтанная жизненная активность. В своей творческой активности и самостоятельности люди первобытного общества были не одиноки, в творении современного состояния мира им помогали культурные герои, приносящие им элементы материальной и духовной культуры.

Тема 4 Трансляция персонажами мифов артефактов материальной культуры

Структурно-типологический анализ текстов белорусских и китайских мифов свидетельствует о присутствии в них значительного количества архаических преданий об участии мифических героев в творении материальной культуры. Мифы о творческой деятельности культурных героев соотносятся с развитым родовым обществом и периодом его разложения. Фрагменты мифов, вошедшие в немногие письменные памятники, дошли к нам переоформленными. Поэтому реконструкция их осуществлялась путем тщательного анализа нарративных и археологических источников с привлечением сравнительно-типологических данных. Героические мифы, по мнению Чень Цзян Сяня, представляют собой памятники нерасчлененного первобытного фольклора родовой эпохи, они идеологически синкретичны и заключают в себе в неразвернутом еще виде зародыши религии и донаучных представлений о происхождении первоначальных феноменов материальной культуры. Поэтому данная категория мифов насыщена этиологическими мотивами, объяснениями происхождения различных явлений природы, особенностей культуры и быта. Эту черту героических мифов отмечает также Е. М. Мелетинский: «... сказания о первопредках – демиургах – культурных героях, генетически связанные с этиологическими мифами (и более широко с мифами творения) о происхождении различных элементов природы и культуры».

Мифические культурные герои, как правило, – первые люди, первопредки родовых, фратриальных и племенных сообществ. Культурный герой в отличие от различных духов, представляющих стихийные силы природы, моделирует первобытную общину, отождествленную обычно с первыми людьми. «В результате реактуализации мифа, подчеркивал М. Элиаде, вся община в целом возобновляет свое существование, обретает свои истоки». Так, культурный герой Всеслав Брачиславович, легендарный герой белорусов, владеющий способностью превращаться в различных зверей, принадлежал к роду Рогвалодовичей. Мифический герой Кривэ-Кривейтэ, согласно белорусской мифологии, является основателем рода племени кривичей. Радим («Радзім») являлся эпонимическим предком славянского племени радимичей.

Ряд персонажей китайской мифологии также являются первопредками древних родов. Так, культурный герой Гунь 鯀, борющийся с потопом, был генетически связан с племенем, жившим в Восточном Китае, в бассейне Янцзы, Хоу-цзи 后稷 («Государь просо») принадлежал к роду Ютай 有台, Хуан-ди 黄帝 – к роду Чэнь 陈.

Непосредственная связь культурных героев с родовым или племенным сообществом определяло моделирование ими жизни родо-племенных коллективов. «Первобытное общество, замечает М. С. Каган, еще не знает личности в строгом и точном смысле этого слова – как неповторимой комбинации духовных качеств и принципов, отличающей одного человека от всех других и признаваемой не только значимой, но и ценной в данном социуме и его культуре». Однако в персонаже мифического героя, на наш взгляд, уже постепенно происходит превращение общего (родового) не только в особенное, но и в индивидуальное, единственное в своем роде, неповторимое, бытие отдельного человека.

В отличие от всех соплеменников мифический герой обладал в глазах членов первобытной общины необходимой для творческой деятельности свободой. Поскольку культурный герой не является, как правило, всемогущим божеством, в мифах повествуется о приобретении им исключительных или сверхъестественных сил от божественного отца, либо в процессе труднейших испытаний (инициации). Аналогичные представления о сверхприродных способностях белорусских мифических героев находим мы в устных и письменных преданиях средних веков. Так, в соответствии с ними, необыкновенные возможности Всеслав Брачиславович (Чародей) получил от языческих священников волхвов. Мифические волоты, богатыри наделялись, по преданиям белорусов, необыкновенным ростом, физической силой Велесом, одним из главных богов языческого пантеона.

О наделении необыкновенными способностями культурных героев божествами и духами свидетельствуют многие китайские мифы. Например, культурный герой И羿 (Хоуи), посланный на землю для избавления людей от стихийных бедствий и очищения земли от чудовищ, получил искусство стрельбы из лука от своего отца, верховного божества Ди-цзюня 帝俊. Мифический герой Сюй-Чжэньцзюнь 徐振军, превращавший осколки черепицы в золото и тем самым спасший народ от голода, этому искусству научился у даоссов. Ли Бин 李白, избавивший китайский народ от

человеческих жертвоприношений богу реки, был наделен необыкновенной силой отцом Чжоу Синем 西周, государем династии Инь 殷. Вследствие этого он одержал победу над божеством в облике чудовищного быка. Таким образом, персонажи героических мифов, как правила, существа сверхъестественные. Они общеизвестны, так как мифические герои действуют в изначальные времена. Миф раскрывает их творческую активность и обнаруживает сверхъестественность их творений. Архаические предания описывают различные драматические, мощные проявления сверхъестественного (сакрального) в земном мире. В результате вмешательства мифических героев человек становится субъектом культуры, обладающим культурой.

Исследование текстов героических мифов позволило нам определить сферу деятельности культурного героя. Специфическая творческая активность героя совпадает с границами мифов творения. На границе этиологических мифов культурные герои борются с чудовищами, стихийными бедствиями, мешающими мирной жизни людей и богов, т. е. они упорядочивают мироустройство, продолжают процесс творения жизненного пространства человека. Как показывает анализ белорусской мифологии, такого рода мифы творения не характерны для собственно первобытных преданий, они присущи развитым мифологиям типа восточнославянской и восточноазиатской. В качестве примера можно привести китайские мифы о Нюйве 女娲, Паньгу 盘古, Фуси 伏羲, Юе 月, И (Хоу) 后羿 и др.

В белорусской мифологии ими являются *Бай, Радар, Всеслав* Чародей и др. Эти мифы отражают период возникновения и развития присваивающего хозяйства, требующего более совершенных технологий, использования практических знаний. Благодаря этим знаниям практическая деятельность предков вырвалась из рамок биологического инстинктивного поведения, становилась истинно человеческой, культурной. Познание природы было включено в трудовую деятельность – в процессы изготовления орудий труда и оружия, в охоту и собирательство, скотоводство и земледелие, различные ремесла. Во всех этих разветвлениях труда необходимые людям знания, умения и навыки, согласно мифологии, добывали для человека культурные герои. Эту культуротворческую и адаптивную функции мифических героев отмечает М. Е. Мелетинский: «Многочисленные сюжеты добывания чудесных предметов, диковинок, эликсиров и т. п. в конечном счете, восходят к мифам о добывании культурных благ или ритуальных сакральных предметов культурными героями».

Историко-культурная реконструкция текстов героических мифов

свидетельствует о наличии значительного мифологического пласта об *адаптационной* функции мифических персонажей, которые помогали приспособиться первопредкам к окружающему их пространству, организовать его, преобразовать природный пейзаж в культурную среду. Моделью для подражания становится созидательная деятельность мифического героя. Существование такой модели не только не сковывает творческие поиски человека, а скорее побуждает его к активности, открывает новые перспективы его изобретательному уму. Творения культурных героев, как свидетельствуют мифы, были в первую очередь сконцентрированы на объектах материальной культуры. Характерным в этом отношении является миф о *Родаре*, который в соответствии с преданием вначале был кузнецом, строителем. Именно он обучил первопредков белорусов кузнечному и строительному мастерству. Как повествует легенда, этот культурный герой построил Каменецкую вежу. С его именем далекие предки белорусов связывали и появление реки Западный Буг. Первыми изготовили серпы, косы и грабли *Кузьма и Демьян*. Основателем мукомольного производства, по мнению П. М. Шпилевского, можно считать легендарного *Менеска*, построившего на Свислочи мельницу, в которой мука молотась из камней. Знахарь и богатырь Менеск, согласно мифа, заложил древний город Менск. Трактовки происхождения имя города от богатыря Менеска имеются и у других исследователей. Так, Э. Зайковский, А. Прохоров и С. Санько утверждают, что сам Менеск ведет свою генеалогию от богов, которым не менее 5 тыс. лет. Его магическая способность делать муку из камня свидетельствует, по их мнению, о принадлежности к потустороннему миру не только в синхронном, но и в диахронном измерении, так как камень служил хлебом для первых мифологических людей.

Антропологический аспект присутствует в названиях ряда других городов: Борисов, Браслов, Туров и др. Автор «Повести временных лет» под 908 год сообщал, что *Тур* держал власть в Турове, от его имени и прозвались туровцы. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский считали, что «миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимоопределяемы, одно сводится к другому: миф персонален (номинационен), имя – мифологично». Имя, таким образом, является мифобразующим элементом городской культуры. Возникновение мифа об основателях городов, по-нашему мнению, обусловлено свойственной человеку сакрализации пространства, заложенной в основу его культуры. В письменных памятниках с именем *Веслава Чародея* связывается строительство Полоцкой Софии. В соответствии с «Житием Евфросинии Полоцкой», ее стараниями построены Спас-Евфросиньевская церковь в

Полоцке.

Преобладающее количество мифов китайского народа, как показывает исследование, отражает деятельность мифических персонажей по созданию орудий труда. Характерным в этом отношении является миф о Лу Бане 鲁班, имя которого упоминается неоднократно в древних трактатах. Так, в нем говорится о многих изобретениях этого культурного героя. Ему приписывается изготовление различных инструментов и приспособлений: бурава, пилы, рубанка, осадных лестниц для взятия городских стен, колеса для подъема воды на поля, лодки и весел. С его именем предания связывают строительство ряда знаменитых архитектурных сооружений: Чжаочжоуского моста в Хэбэе, «Цветочного моста» («Хуацяо») в Гуйлинь, угловых башен Запретного императорского дворца в Пекине. Лу Бань, по некоторым версиям соорудил для своей матери самодвижущуюся деревянную повозку, научил людей навешивать двери. В трактате «Весны и Осени господина Люя» упоминается имя мифического героя Ся Гуня. Автор трактата утверждает, что он научил людей возводить городские стены.

Экономика в белорусском и китайском обществах в течение продолжительного времени сохраняла очень примитивные формы. Большое хозяйственное значение имели первобытные формы хозяйства: рыболовство и охота. В мифах белорусов неоднократно подчеркивается богатство фауны в лесах. В них фигурируют олени, овцы, бобры, быки, белки, зайцы, и др.

В мифах, составляющих содержание «Книги гор и морей», также неоднократно подчеркивается богатство фауны в большинстве регионов древнего Китая. Так, ряд мифов Великих пустынь востока отмечают, что «люди царства Чжунжун 祝融 питаются мясом зверей и плодами деревьев, приручают четырех птиц, леопардов, тигров, бурых медведей». О богатстве лесов Заморья юга свидетельствует миф о Горе дальней (Ди), где похоронен предок Яо 尧: «Там водятся бурые медведи, полосатые тигры, геноны, леопарды, растет личжу, обитает Дающий мясо (Шижоу)». В мифах Центральных гор говорится о наличии на их множества «кабанов, оленей, носорогов, слонов, черных барсов, мулов, козлов, лосей и зайцев».

Следовательно, древние белорусы и китайцы имели возможность удовлетворять свои биологические потребности за счет природных ресурсов. Такое изобилие фауны на протяжении многих столетий обеспечивало первобытных людей необходимым пропитанием и другими жизненно важными предметами.

О важной роли фауны в жизни предков белорусов свидетельствует большое количество мифических персонажей, связанных с лесом: Лесовик, Доброхот, Вересовый Дедок, Леший, Лесной Хозяин, Пущевик [13, с. 399] и др. За порядком в лесу, по преданию белорусов, следил Гаюн, слугами которого были многочисленные звери и птицы. В преданиях о Лесовике говорится, что он “асабліва пільна адносіўся да паляўнічых, глядзеў, каб тыя не білі многа дзічыны, не свавольнічылі ў лесе”. Мифическими существами белорусских лесов, согласно мифологии, были Гаевки, внушки Гаюна, которые оказывали помощь раненым зверям). Властелинам леса, по представлениям белорусов, являлся Пущевик.

В ряде мифов древнего Китая поэтизируются герои, прославившиеся умением добывать диких зверей. Охотник воспринимался в мифологической традиции как великий герой, прославленный принесением людям культурных благ. В китайской мифологии очень полно представлено предание о раннегероическом Охотнике И后羿 (Хоу («Стреляющий из Лука»). Традиция приписывает ему изобретение лука и стрелы и обучение людей искусству владения луком. Так, «Стреляющий из Лука (И) научил людей стрелять (шэ) из лука» По преданию «красный лук и колчан красивых белых стрел, твердых и острых» ему подарило, перед тем как отправить к людям, верховное божество Ди-цзюнь帝俊]. Согласно мифам, герой совершает свои подвиги в основном как непревзойденный стрелок из лука: он поражает стрелами чудовищ, побеждает ими богов, олицетворяющих силы природы. Юань Кэ отмечает, что «И мог попасть стрелой в летящую птицу». Архаическая традиция донесла нам фрагменты мифов и о других культурных героях-охотниках. Например, в «Книге песен и гимнов» 《诗歌与赞美诗》 несколько стихов посвящены охотнику Шу戊: «Шу на охоту поехал – только болото кругом, / Разом вздымается кверху пламя зажженных огней, / Торс обнажил он, руками тигра сжимает сильнее; / Князь в колеснице – он тигра прямо сложил перед ней». Здесь же восхваляется другой искусный охотник на зайцев: «Заячью сеть он искусно расставить сумел, / Заячья сеть протянулась по чаще лесной. / Этот охотник и отважен и смел – / Сердцем велик он и доблести с князем одной». В преданиях Северных земель внутри морей содержится миф о Царстве храбрых Охотниц-Прорицательниц, «живущих на острове в Океанской реке».

В китайских мифах иногда упоминаются крупные коллективные охоты, которые в предшествующий период родового строя возглавлялись племенным вождём. На масштаб этих больших охот указывают стихи «Князь

на охоте» и два стиха «Царская охота»: «Вот они на охоте: избрали испытанных слуг, / Их ауканьем степи кругом оглашаются вдруг. / Установлено знамя со змеями, поднят бунчук – / Там, у Ао, облавы сжимается круг». На одной из гадательных костей записан фрагмент мифа о коллективной охоте, в которой указывается, что охотники добыли 348 зверей. В другой надписи упоминается 287 убитых зверей. На хозяйственное значение охоты указывают и многочисленные кости диких зверей: тигра, пантеры, медведя, тапира, оленя, слона, буйвола, обезьян, найденные при раскопках в Аньяне. В песнях и гимнах, составляющих содержание «Шицзин» упоминаются «убитая лань на опушке лесной» [213, с. 35], «пять вепрей убиты одною стрелой» [с. 36], «фазан простодушен – попал он в силок» [213, с. 69]. В «Песне о седьмой луне» рассказывается об охоте на барсуков, лис и диких котов: «И первая вновь наступает луна – / Барсучьей охотой начнется она; / И ловим лисиц мы и диких котов, – Ведь княжичу теплая шуба нужна».

На значительную роль охоты в жизни древних китайцев указывает долго существовавший культ лука и стрелы. В Китае в архаические времена считалось, что они способны очистить человека от скверны. В «Веснах и Осенях Люя», повествуется, что Сын Неба дарил лук женщинам, участвовавшим в обряде жертвоприношений богине Великой Свахе, покровительнице браков и рождений. Факт культовой роли лука и стрелы, их связи с культом охотников, охотничьими ритуалами позволяет нам говорить о том, что генетически образ мифического героя-стрелка восходит к первоначальным временам.

В белорусской мифологии нам не удалось отыскать имя культурного героя, научившего предков искусству охоты. Однако анализ ряда текстов дает основание предполагать, что ими могли быть такие герои-демиурги, как Белун, Перун, Велес. Согласно представлениям белорусов, Белун иногда сходил на землю и любил помогать людям. Возможно, он однажды и научил белорусов добывать зверей. Научить искусству стрельбы из лука мог и Перун. К нам дошел миф о Перуновых стрелах и каменных топорах, которые в первобытном обществе были главным оружием. Охотой занимался герой-первопредок Бай. Миф о собаках Ставри и Гаври дает основание предполагать, что искусством охоты Бай делился с людьми, которыми он управлял. Согласно мифу, собаки были очень сильными, могли вдвоем раздрать даже медведя и не раз спасали своего хозяина от диких зверей во время охоты. По решению Бая после их смерти раз в год люди должны были чтить их память. Предки на место захоронения собак приносили пищу и напитки и устраивали пир. Уходя, остатки пищи бросали в

огонь и звали: «Ставри, Гаври, гам, приходите к нам!». В некоторых регионах современной Беларуси весной до настоящего времени празднуются Ставровские деды.

Анализ мифологии белорусов и китайцев свидетельствует, что наряду с охотой промысловое значение сохраняла и рыбная ловля. Реконструкция текстов многих мифов «Книги гор и морей» позволяет нам утверждать, что китайские моря и реки изобиловали большим разнообразием рыб. Так, в реках Центральных и Западных гор, согласно мифам, «масса рыбы жуби, лунь, тэн, ти, фан, хао, хуа, ху, мэй, пуи, пэйпэй, сиси, чжи, чжэнь (鱼 , 鵠 , 鸡 , 花 , 稚 ,) , летучей, полосатой рыбы. В мифах Южных гор повествуется, что в их реках «много удивительных рыб». Согласно текстам мифов, люди Великой пустыни также «питаются рыбой из моря». В одном из гимнов «Шицзин» отмечается также разнообразие рыб в китайских реках: «В Цюй曲, как и в Ци词, в каждой этой реке / Рыбы помногу бывает в садке. / Жирная стерлядь плывет с осетром, / Карпы, угри и голавль с лещем».

Получив от легендарного героя Фуси伏羲 рыболовные сети и другие приспособления для ловли рыб, китайцы мифических времен успешно добывали себе пропитание в морях и реках. В «Книге песен и гимнов» в одном из стихов повествуется о ловле рыбы князем: «С девятью кошельми поставлена сеть, / Рыбы там – красноперка с лещем. / Мы увидели князя – был выткан дракон / На одеждах, что были на нем» . Согласно мифам Царства Длинноруких, в его реках было столько рыбы, что ее «ловят руками, вытаскивая каждой рукой по рыбе». Рыбу добывали разными способами. В «Песнях царства Шао и стран, лежащих к югу от него» есть сведения, что древние китайцы были научены культурными героями ловить рыбу удочкой: «Что нужно тебе, чтобы рыбу удить? / Из шелковых нитей витая леса!». В одной из песен Царства Вэй威王 тоже упоминается удочка: «Длинен и тонок бамбук уды – / Рыбу ты удишь на Ци реке». В «Песнях царства Бэй» 《威王之歌》 говорится о ловле рыбы с помощью из прутьев бамбуковых сетью. В песне царства Ци люди жалуются, что «Совсем обветшала мережа в запруде у нас – / В нее только линь и попался сегодня с лещом». В оде «Радужному хозяину» подтверждается способ ловли рыбы мережей: «Есть на юге прекрасная рыба, / Эту рыбу ловят мережей...».

В белорусской мифологии присутствует значительное количество преданий о пчеле и бортнике («пчаляр»), что позволяет судить о широком

распространении на белорусских землях пчеловодства. По одной из мифологических версий пчелу создал герой-демиург Спас со слез девушки-красавицы, которая сидела на камне среди синего моря и горько плакала. Слезы ее растрогали героя-демиурга, и он из них создал пчелу. Имеется несколько мифов о создании пчелы Богом.

Высокий социальный статус пчеловод в белорусской мифологии. Он считался в представлении белорусов знахарем, волшебником, коммуникатором с другим миром. Почитание пчеловода определялось как из его сакрального отношения к пчеле (вестницы Бога), так и огромной ценности самих продуктов бортничества (мед, воск). П. М. Шейн записал предание, в котором рассказывается, что древние белорусы почитали особого «пчелиного бога». В христианской мифологии опекуном бортничества выступает Зосим, которого почитали 30 апреля. Этот день до сего времени считается праздником пчеловодов. Таким образом, среди текстов мифов можно выделить по содержанию мифы, что касаются охоты, рыболовства и пчеловодства. Это подтверждает то, что эти примитивные виды хозяйства в течение продолжительного времени сохраняли своё актуальное значение в экономике белорусов и китайцев мифических времен. Однако было бы совершенно неправильным делать из всех этих фактов вывод, что они были в то время в древнем Китае и на белорусских землях важнейшими видами хозяйства, как это думают некоторые исследователи. На самом деле, эти примитивные виды хозяйства были уже в значительной степени вытеснены сельским хозяйством и в первую очередь земледелием.

Труд земледельца был мифологизирован в народном сознании древних белорусов. Возникновению и развитию его, согласно мифам, способствовали многие культурные герои. Анализ белорусской мифологии позволил нам выявить несколько мифических сюжетов о происхождении ржи («жыта»), важнейшей зерновой культуры белорусов. Все они с некоторыми не существенными интерпретациями сводятся к утверждению о том, что герой-демиург первым посеял рожь на земле. «Когда Бог первый раз посеял рожь на земле, она уродилась крупной, как боб, колосья были большие, солома высокая». В мифологии белорусов удалось обнаружить целый ряд мифических опекунов земледелия: *Житень*, *Житняя баба*, *Гуменник Полевик* и др. Они в мифологическом сознании представлялись белорусам в образе хлебобобов, помогающих земледельцам. Так, в мифе о Полевике говорится: «Махнет Полевик правой рукою – растет и толстеет стебель, махнет левою – наливаются колос, потрясет головою – все поле устилается золотыми снопами». Во всех регионах Беларуси чтили Толоку (Талаку), которая в представлениях белорусов являлась покровительницей жатвы и плодородия.

Исследование текстов белорусских мифов свидетельствует о значительном разнообразии растений, культивируемых на землях Беларуси в архаические времена. В мифах довольно часто упоминаются боб, горох, гречка, капуста, конопля, лен, лук, овес, чеснок и др.

Реконструкция текстов ряда белорусских мифов свидетельствует о широком распространении садоводства на древних землях Беларуси. Некоторые мифологические персонажи непосредственно связаны с вишней, грушей, яблоней. Так, согласно мифологическим представлениям белорусов, на грушу садится Божья Матерь, когда спускается с неба на землю. Поэтому запрещалось рубить грушу. В мифологии и народной культуре белорусов сакральное значение имеет яблоня. Она воплощает идею дерева-предка, подчеркнуто символизирует материнское начало. Анализ белорусских народных песен, текстов сказок позволяет сделать вывод о том, что древние белорусы знали секрет выращивания винограда. Вино и виноград имели большое семантическое значение. Оно в мифологии один из символов плодородия и мифопоэтический знак, отождествляемый с кровью человека.

Изучение мифов древнего Китая показывает, что ведущим видом деятельности китайцев мифических времен также было земледелие. В Китае оно развивалось в основном в долинах рек. Труд земледельца был окружен ореолом святости. Ежегодно весной ван как первосвященник открывал церемонию начала сельскохозяйственных работ, идя за плугом, проводил первую борозду, осенью он же первым пробовал хлеб из зерна нового урожая. О высоком значении земледелия свидетельствует тот факт, что в гробницы знатных китайцев помещали не только оружие, но и мотыгу. Орудиями труда были мотыга, затем появился плуг.

Начало земледелия в древнекитайской мифологии связывается с именем центрального культурного героя Шэнь-нуна (Янь-ди) 神农炎帝. В мифе о нем говорится: «Когда он появился на земле, людей было уже много, а пищи, доставляемой природой, не хватало. Милосердный Ян-ди научил людей сеять хлеба, собственным трудом добывать средства к жизни... Все с благодарностью вспоминали его заслуги и почтительно называли Шэнь-нуном – богом земледелия». В «Книге гор морей» также воспеваются деятельность Хоу-цзи 后稷 («Государь зерно»). В одном из мифов Великих пустынь запада говорится: «Предок Выдающийся (Цзинь) родил Владычествующего над Просом (Хоуцзи). Владычающийся над Просом спустился, чтобы дать все злаки». В «Книге песен и гимнов» также воспеваются деяния этого культурного героя, который получив семена злаков из небесного мира, начал возделывать землю и получать богатые

урожаи. Своими знаниями и опытом он поделился с людьми племени чжоусцев, научив их сеять злаки: «Зерном одарил ты народ наш. / Такого чего не достиг бы ты, – нет ничего! / Нам подарил ты ячмень и пшеницу, / По повелению владыки небес всюду народ наш питая. Он же, по преданию, начал изготавливать из дерева и камней простейшие сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать землю. Согласно китайской мифологии, его младший брат по имени Тай-си (台玺) и его сын Шу-цзюнь (叔均) также были искусными земледельцами. Шу-цзюнь при обработке земли стал использовать быков вместо людей, что способствовало урожайности. Орудиями труда были мотыга, соха, затем появился плуг. В гимне «Благодарение за урожай» упоминаются основные сельскохозяйственные орудия труда: «Соху наточим – она и добра и остра: / Ныне на южные пашни собираться пора. / Шапки бамбуковые вдруг в движенье пришли, – / Врезались в землю мотыги, мелькают в пыли». В трактате «Весны и Осени господина Люя» имеется фрагмент мифа о культурном герое Хоу Цзи, где отмечается, что среди его перводеяний на первом месте стоит изобретение культурных растений.

Сельскохозяйственный опыт культурных героев, в соответствии с древнекитайской мифологией, обобщил бессмертный Гуйгу-цзы 鬼谷子. Из трактата Гуйгу-цзы видно, что в древнем Китае большое внимание уделялось агротехнике. Уже в эпоху Чжоу появляется система смены полей, при которой земельный участок делился на три части. Две части засеивались, а третья год отдыхала под паром. В гимне «Урожай» говорится: «Прежде сгоняют траву и корчуют все пни, / Землю кругом раздробят и распашут они. / Тысячи пар на прополку явились вдруг; / С пашен траву вырывают, с обочин вокруг. / Толпами, толпами вышли жнецы на поля, / Грудами хлеба покрылась повсюду земля». Высокий уровень знаний агротехники позволял китайцам получать хорошие урожаи продовольственных и технических культур: «Это не только у нас так велик урожай, / Это не только сей год – изобильнейший год: / С древности наша земля урожаем дает».

В мифах говорится, что в древнем Китае успешно выращивались бобы, гаолян, просо, ячмень, пшеница, тыква, репа, редька и др. Так, в одной из песен Царской столицы говорится: «Там просо склонилось теперь к бороздам, / Там всходы взошли ячменя...». Позже главной культурой, завезенной с юга, стал рис. В «Книге гор и морей» неоднократно упоминается рис в качестве жертвенного продукта духам: «Жертвенную еду готовят из пяти сортов риса». В стихотворении «Призывание души» Цюй

Юань 屈原, описывая пиршественный стол, перечисляет древнекитайские яства: «И рис, и спелую пшеницу, / И золотистое пшено. / Горьки и солонны приправы, / Остры и сладки – все тебе! / Там жирные хрящи разварят / И, будет горьковат слегка / Отвар, как в царстве У готовят... / Тебе барашка подадут, / Сок ягодный на стол поставят, / Подливкой будет полит гусь, / Большой накормят черепахой / И лебедями угостят!».

В I в. до н. э. в Китае стали выращивать чай. О выращивании чайных кустов свидетельствует также Цюй Юань в своем стихотворении «Злой вихрь»: «Чай не растет на поле вместе с чертополохом, / Ирисы и орхидеи отдельно благоухают» Сначала листья чая использовались как лекарство. Позже он стал самым популярным напитком, давая китайским правителям большие доходы.

Анализ текстов мифов в «Книге гор и морей» дает основание полагать, что культурные герои научили людей разводить фруктовые сады. В одном из мифов Земель внутри морей отмечается, что «дерево с зелеными листьями, фиолетовым стволом, черными цветами и желтыми плодами... было посажено Желтым Предком». На территории Центральных гор было «много персика, сливы, чернослива, груши и абрикоса». На основании оды «Мандариновому дереву» Цюй Юаня можно судить, что китайцы также выращивали мандарины: «Сотни острых шипов покрывают тяжелые ветви, / Сотни крупных плодов среди зелени свежей повисли, / Изумрудный их цвет постепенно становится желтым, / Ярким цветом горят они и пламенеют на солнце». Стихотворение «Персиком благоухают сады» также позволяет говорить о выращивании этого фрукта. В «Шицзин» неоднократно воспеваются прекрасные сады: «Есть и жужбы в саду, и у всех / В пищу годится созревший орех», «Южного ветра живительный ток / Веет, лелея жужуба росток. / Стали красивы и нежны ростки...», «Прекрасные в горных лощинах деревья, / Каштаны и сливы там радуют взоры...».

Мифы свидетельствуют, что культурные герои научили древних китайцев заниматься шелководством. Уже в эпоху государства Шан 商 разводили гусениц тутового шелкопряда. Для этого выращивали тутовые деревья, листьями которых их кормили. В «Книге гор и морей» имеется фрагмент мифа, реконструкция которого сделанная нами, позволяет утверждать о причастности к шелководству мифического персонажа. Так, в мифах Заморья Севера имеется фрагмент текста о Долине Выплюывающей шелковую нить: «Там женщина стоит у дерева на коленях и выплевывает шелковую нить». В китайской мифологии содержатся и другие версии о производстве шелка мифическими героями. В одном из древнекитайских

мифов повествуется, что начало разведения шелкопрядов заложила Лзи-циу 列子 супруга Хуан-ди. Ее излагает Юань Кэ: «Только Лзи-циу начала разводить шелкопрядов, как люди повсюду стали подражать ей, и расплодилось шелкопрядов великое множество. Их становилось все больше и больше, и скоро на богатой земле наших предков даже не осталось места, где бы люди не знали шелководства».

Среди культурных героев, научивших людей выращивать шелкопрядов, фигурирует и Цань-шэнь 蚕神 («Девушка-шелкопряд»). Шелководство считалось самым престижным ремеслом, им занимались исключительно все сословия. В трактате «Весны и Осени господина Люя» об этом имеется текст, подтверждающий данное наше утверждение: «Государыня поститься и самолично отправляется на восток собирать тутовые листья. Женам возбраняется оставаться праздными, их освобождают от прочих дел, побуждая заняться шелкопрядом... Никто не смеет лениться».

Сравнительно-типологическое изучение белорусской и китайской мифологии позволяет нам говорить об очень широком распространении скотоводства в древнем Китае и Беларуси. Согласно мифологическим преданиям, первых домашних животных сотворили культурные герои-демиурги. Так, в мифах белорусов об овце и свиньи повествуется, что «овца, как и свинья, слеплены богом с глины, только голова у нее со смолы. Поэтому овца боится жары». Изучение белорусской мифологии показывает, что одними с самых почитаемых у белорусов прирученных животных были корова и конь. В текстах некоторых мифов нередко упоминается бык и вол. Мифические персонажи Юрий и Возила считались опекунами лошади. Их антагонистом выступает Куме. В белорусской мифологии имеется значительное количество персонажей, помогающих людям выращивать домашних животных Авлас, Велес, Гарцуки и др. Наиболее почитаемый белорусами был Хлевник, который жил вместе с животными в сарае. Симпатизируя хозяевам животных, он заботится о них: чистит каждое животное, носить в сарай воду, подкладывает корм, заплетает лошадям гривы и хвосты и т.д. Анализ мифологических представлений белорусов позволяет говорить о приручении ими с архаических времен гуся, утки, курицы. Помимо важного хозяйственного значения эти животные использовались в богатой культовой и магической практике. С их культом связаны многие мифические образы.

Исследование китайских мифов позволило установить, что уже со времени неолита в древнем Китае также были приручены различные породы крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи. В мифе о Желтом Предке

упоминается его внук Шуцзюнь 书经, который «первым стал пахать на волах». В китайской народной мифологии широко известен герой Ню-ван 女媧 («князь волов»), считавшийся покровителем воловьего загона. Согласно преданию, будучи земледельцем, он никогда не бил животного при вспашке поля, а становился на колени перед уставшим волком и просил его идти вперед. Вол внимал просьбе хозяина и тянул плуг дальше. Мифы, включенные в «Книгу гор и морей», свидетельствуют о приручении лошадей. Так, в мифе о горе Отца Цветущего имеется упоминание о наличии множества лошадей. Во многих гимнах древнекитайским правителям упоминаются прирученные лошади: «С топотом мчат колесницу, и слышится гром. / Кони такие не знают предела, – и что ж? / Только подумал о конях – и каждый хорош!». В китайской мифологии очень популярен культурный герой Ма-ван 马王, который, согласно китайской народной мифологии, считался князем лошадей. Его культ преобладал в Северном Китае. Ма-вана почитали все хозяева, державшие лошадей. В частности на очень широкое распространение скотоводства указывает также текст стихотворения «Хозяину стада», найденный нами в «Шицзин»: «Кто скажет, что мало овец у тебя! / В одном только стаде их триста голов! / Кто скажет, что мало быков у тебя? / Лишь рыжих с пятном девяносто быков!». Мифологический герой Ван хай, согласно «Книги гор и морей», также разводил коров и овец. В песне «Тоска о муже» упоминаются также прирученные коровы и овцы, которые с полей вечером домой «бредут в тишине». В эпоху Инь 殷, как показала реконструкция мифов, появляется и домашняя птица. В мифах, собранных в «Книге гор и морей», неоднократно говорится о «приручении четырех птиц». Это подтверждают строки песни «Тоска о муже»: «Уж куры расселись по гнездам в стене, / Уж куры давно по насестам сидят...».

Сведения о большом значении скотоводческого хозяйства, содержащиеся в мифах, подтверждают материалы раскопок последнего времени в Аньяне, где были найдены в большом количестве кости различных домашних животных, в частности собаки, свиньи, овцы, козы, быка и буйвола.

Исследование китайской мифологии показывает, что с помощью культурных героев первоначально овладели также *различными ремеслами*. В мифологии Земель внутри морей имеется фрагмент текста мифа об учредителе нравов Ицзюне 易经, который согласно мифу, «первым изобрел все ремесла для людей, живущих внизу (на земле)».

Во времена палеолита в Китае возникла техника изготовления различных предметов из камня. В мифах Центральных гор неоднократно отмечается о наличии в них большого количества различных цинху (камня): ччуфу褚釜, гуй钴, си锡, сюаньсяо玄霄, дили砥砺, фу釜, фэн峯, цинби青碧, циньху嶽岵, шине石聂, юй玉 и др. Упоминаются в них точильный, шлифовальный, жерновой, лазоревой, зеленый камни. Из многих перечисленных видов камней изготавливались орудия труда. Мифологические данные подтверждаются современными археологическими находками. Так, во время раскопок в Аньяне было найдено огромное количество предметов, сделанных из камня: ножей полукруглой и прямоугольной формы, полированных топоров, наконечников стрел, копий и дротиков, ступок, зернотёрок, сосудов, статуэток и украшений.

Неоценимое значение для развития материальной культуры белорусского и китайского этносов имел огонь, подаренный китайским предкам легендарным героем Суйжэнем燧人 («человек, добывающий огонь»). В мифе о нем повествуется, что он добыл огонь, буравя дерево, и научил людей таким способом извлекать огонь из дерева путем трения. В китайской мифологии существует много персонажей, связанных с изобретением огня. Добывание огня приписывается и Хуан-ди и Фуси. Так, Юань Кэ пишет, что «самой большой заслугой Фуси было то, что он дал людям огонь, чтобы они могли, есть вареное мясо и избавиться от болей в животе».

О понимании роли огня в техническом прогрессе китайцев свидетельствует иерархия божеств и духов огня. Согласно китайской мифологии, божествами огня были Хо шэнь火神, Чжужун祝融, Цзао-ван灶王 и др. В поздней даосской мифологии повествуется о небесной управе огня («Хобу火部»), в которой служили все божества огня. В народной мифологии содержится миф о Хо-сине火星 («звезда огня»), одном из духов огня.

В архаические времена люди переняли от культурных героев искусство обработки различных металлов. В мифах «Книги гор и морей» очень часто отмечается присутствие в недрах гор меди, серебра, золота, железа, которые служили материалом для создания разнообразных артефактов материальной культуры. Из металла, сначала главным образом из бронзы, начали выделывать орудия, а также оружие. Из бронзы выделывали топоры, ножи, долота, шила и пилы, мечи, алебарды и, наконец, сосуды, как простые, предназначавшиеся для повседневного употребления, так и роскошно

украшенные орнаментальными надписями. Эти сосуды свидетельствуют о высоком уровне развития металлургической техники. Как показали раскопки в Аньяне, при царском дворце находилась особая металлургическая мастерская, в которой выделывались изделия из бронзы. Здесь были найдены пепел, угли, шлак, куски металла и разбитые формы для литья.

Согласно мифу о Хуан-ди, названный культурный герой научил людей из металлов отливать колокола и треножники: «А еще рассказывают, что Желтый император долго отливал драгоценный треножник под горой Цзиншань». В одной из легенд утверждается, что им же выплавлены «двенадцать больших бронзовых зеркал». В китайской народной мифологии популярным являлся Дун фан Шо 东方朔, даосский герой, считавшийся покровителем золотых и серебряных дел мастеров. (II - I вв. до н.э.). Его прообразом послужил, как считают синологи, реальный сановник ханьского императора У-ди 汉武帝.

Ювелирам, по преданию, (III в. до н. э.), покровительствовал культурный герой Бянь Хэ. Реконструкция китайских мифов Юань Кэ, позволило ему выявить персонаж Жу-Шоу 疏首, считавшегося духом металла. С помощью этих мифических персонажей древние китайцы быстро освоили технологию изготовления различных предметов из меди, бронзы и железа. Это подтверждает миф о Чи-ю 蚩尤, герое, прославившимся своим умением изготавливать из металла различное оружие. По преданию, он умело изготавливал остроконечные копии, прочные и острые трезубцы, гигантские топоры, крепкие щиты, легкие луки и стрелы. «Все это он делал своими руками».

Интенсивно развивались ремесла и вся материальная культура белорусского этноса с освоением огня. В соответствии с белорусской мифологией добывать огонь научил предков герой-демиург *Жижя*. Исследование мифов белорусов показывает, к появлению огня имеют отношение несколько культурных героев. В мифологических представлениях прапредков белорусов, впервые огонь попал на землю вместе с Перуном. С того времени люди начали пользоваться им. Согласно П. М. Шпилевского, богом подземного и земного огня белорусы считали Жижеля. Святой неугасимый огонь, по языческому преданию белорусов, оберегал Знич. Мифологическим персонажем, наделенным сверхъестественной силой и непосредственно связанным с огнем, является *Каваль* («Кузнец»). Опекунами кузнеца, по преданию, являлись Кузьма и Демьян. Древнейшим персонажем

белорусской мифологии является *Сопуха*, которая в представлениях древних белорусов считалась духом домашнего огня.

Огонь использовался древними предками белорусов и китайцев в различных сферах материальной культуры. В архаические времена люди переняли от культурных героев искусство обработки различных металлов. Из металла, сначала главным образом из бронзы, начали выделывать орудия, а также оружие. Позже металлические изделия всё больше вытесняют каменные и костяные. Из бронзы выделывали топоры, ножи, долота, шила и пилы, мечи, алебарды и, наконец, сосуды, как простые, предназначавшиеся для повседневного употребления, так и роскошно украшенные орнаментальными надписями. В белорусской мифологии имеется много свидетельств о причастности к металлургии древнего общества культурных героев. Согласно белорусской мифологии, обработка металлов славянами началась в дохристианский период под покровительством Сварога, который отождествлялся с древнегреческим Гефестом, богом огня и кузнечного дела. Непосредственное отношение к кузнечному делу имеет культурный герой *Кузьма*. Изучение белорусского фольклора дает нам основание считать его создателем орудий труда из железа. Так, среди белорусских пословиц удалось найти следующие: «Святы Кузьма сярпы робіць, а Дзям’ян сена грабець», «Кузьма і Дзям’ян прыйшлі і на сенакос пайшлі», «На Кузьму і Дзям’яна касіць не рана». Как известно, серпы и косы изготовлялись из железа. Белорусскими кузнецами широко отмечался народный праздник Кузьмы и Демьяна (14 июля и 14 ноября). Кузнецы считали его своим опекуном и в эти дни не работали. О разнообразии употребления предками белорусов железа, свидетельствуют некоторые мифические персонажи, которые владеют железными вещами или сами полностью железные. Анализ белорусской мифологии позволил нам вывить следующие персонажи: *Железная баба*, *Железный волк*, *Железный человек*. [У Бабы Яги – железная нога, ступа и толкач. Другие мифические персонажи имеют также некоторые части тела из железа: голову, зубы, язык, хвост и др.

Большое значение в архаические времена приобрело деревообделочное ремесло. Как показывают мифы, дерево применялось в большом количестве. Из него делали луки, стрелы, копья, ручки топоров, пил и буравов, барабаны, лодки и телеги, из них сооружались хозяйственные и жилые помещения. Об этом свидетельствует ряд мифов, включенных в «Книгу гор и морей». Так, в мифе о культурном герое *Паньюе* повествуется, что он «первым смастерил лодку». Там же есть миф о Цзигуне 奚仲, который «первым сделал из дерева колесницу (телегу). Мифический герой Бань «первым изготовил лук и

стрелы». Деревом, согласно многочисленным мифам, широко пользовались при постройке домов и сооружении гробниц. Богатые люди в то время строили себе большие прямоугольные бревенчатые дома, крыши которых поддерживались рядами деревянных столбов. В гробницах того времени были обнаружены деревянные доски. В соответствии с мифом о Хуань-ди, именно он «научил людей строить дома, в которых можно было укрыться от ветра, дождя и холода».

Миф о сотворении людей из глины богиней Нюйвой 女媧 и реконструкция других мифов позволяет говорить о высоком развитии гончарного ремесла. В соответствии с мифологией, культурный герой Шунь 舜 первым овладел гончарным искусством и передал его людям. В мифе говорится, что «Ограждающий (Шунь) же, когда пахал землю на юге от Реки, занимался гончарным делом на Болоте Грома». В «Веснах и Осенях господина Люя» нами обнаружен фрагмент мифа о Кунь У 昆吾, где говорится, что этот мифический герой изобрел гончарное ремесло и обучил ему людей [108, с. 268]. Многочисленное упоминание различных сортов глины в «Книге гор и морей» наводит на мысль о большом значении гончарства в древнем Китае. Так, в ней сообщается, что у подножья горы Ворота Мэн 蒙山 «много желтой глины и черного камня», на горе Цунлун 葱茏山 «много белой глины, черной, зеленой и желтой глины», на горе Пи 皮山 «много глины и краснозема». Для изготовления глиняных сосудов применялась глина различных сортов, в частности высококачественная белая каолиновая глина. Сосуды лепились от руки, причём часто пользовались способом лепки глиняными лентами, которые клялись по спирали. Однако в эту эпоху уже появляется гончарный круг. Сосуды, сделанные из глины, подвергались особому обжигу и даже иногда покрывались глазурью, верёвочным и шнуровым орнаментом. Наиболее роскошные сосуды, сделанные из каолина и украшенные тонким орнаментом, были найдены в больших аньянских могилах и, очевидно, служили для ритуальных целей. Разнообразие форм глиняных сосудов и их размеров (до 1 м высоты) указывает на высокое развитие керамической техники. Из глины в древнем Китае изготавливалась разная утварь. Как свидетельствует миф, «глиняный горшок для варки пищи» был изобретен культурным героем Хуань-ди.

Исследование мифов белорусов позволяет утверждать, что причастность к возникновению гончарства на белорусских землях имеет культурный герой Гончар («Ганчар», «Гарчэшник», «Гарчэшница»). В

устном народном творчестве зафиксировано много поверий, пословиц и суеверий, связанных с гончарством. Например, запрещалось желать Гончару успеха, иначе его изделия не будут качественными. Считалось, если плохое ока посмотрит на гончарное изделие, то его разобьет Перун и др.

Изучение белорусских ритуалов и обрядов показывает, что горшок широко использовался во многих ритуальных действиях. Он символизировал голову и чрево человека, дом реальный, земной, и последний дом – гроб. Горшок в представлениях белорусов служил обиталищем домового.

Ткачеством обязаны древние китайцы мифической Чжи-ньюй 织女, внучке небесного императора, которая «жила на восточном берегу Серебряной реки Млечного Пути, и ткала на станке красивые слоистые облака из удивительного волшебного шелка». Став женой земного Волопаса (Ню-лана), она продолжала ткать и учить этому мастерству китайских женщин, которые освоили ткачество не только из шелка, но и из конопляных нитей. В «Шицзин» имеется песня «О седьмой луне», где говорится: «В восьмую – за пряжу садится жена. / Мы черные ткани и желтые ткем, / А ту, что сверкает багряным огнем, / Что ярче всех и красивее всех, / Мы княжичу отдаем». Здесь же нами обнаружена еще одна песня о мастерстве древних ткачих «Стебли простерла далеко конопля». В ней излагается технология ткачества из конопли: «Срезав, ее отварю – созревает она. / Тонкого, грубого я наткала полотна, / Платьям из ткани домашней останусь верна!».

Ткачество в Беларуси известно с эпохи неолита. В соответствии с белорусской мифологией, его возникновению и развитию способствовал мифический персонаж Хатник, который «шьет, прядет и убирает в хате». На наш взгляд, причастность к ткачеству имеют святые Флор и Лавр, так как в этот день, по архаическим представлениям белорусов, женщинам запрещалось ткать. Часто в белорусских мифах встречаются детали, связанные с ткачеством. Например, бёрда, веретено, сопутствующие ткачеству предметы. Помимо утилитарного применения они обладали высоким сакральным статусом и антропиейными чертами.

Таким образом, изучение текстов героических мифов, созданных древними белорусами и китайцами, позволяют нам говорить о наличии в белорусской и китайской мифологиях большого количества персонажей, участвовавших в изобретении практически всех артефактов материальной культуры, необходимых для жизнедеятельности людей. Так, в мифах о потомках Ди-цзюня 帝俊, считавшегося первопредком иньцев, прославляется культурный герой И-цзюнь, который «был знаменитым мастером во времена Яо и изобрел множество необходимых вещей, чтобы принести счастье

людям». Помимо него в древнекитайской мифологии фигурируют имена других героев, способствовавших созданию многих объектов материальной культуры. Гуйгу-цзы 鬼谷子 приписывается изобретение очков. Бессмертный старец Гэ-сяньвэн 垓下圍 покровительствовал красильщикам. Патроном сапожников, чеботарей и шорников считался Сунь Бинь 孙臆, ему же приписывается изобретение седла. На значительное развитие ремесленных производств в архаический период указывает часто встречающийся в текстах мифов термин «бай гун» (сто работ). На наш взгляд им обозначались виды ремесел, освоенные древними китайцами с помощью культурных героев.

Анализ мифов китайского народа, древних медицинских сочинений, данных археологии, этнографии, артефактов материальной культуры позволил обнаружить значительное напластование преданий о культурных героях, стоявших у истоков врачевания древнего Китая. Одним из центральных героев является Шэнь-нун, о котором уже шла речь выше. В соответствии с древней китайской мифологией, он не только научил людей обрабатывать землю, но и открыл людям многие секреты врачевания. Этот герой, живший пять тысяч лет назад, изучал целебные свойства многих трав и изготавливал из них на специальном треножнике лечебные отвары. Фрагмент мифа о Шэнь-Нуне повествует, что «он ходил с красным кнутом и стегал травы, определяя их целебные свойства и вкусовые качества». В мифе говорится, что у него также был яшоу 妖术 («лекарственный зверь»). «Когда кто-нибудь заболел, стоило только погладить яшоу по спине и сказать ему об этом, как он тут же мчался в поле и приносил в зубах нужную для исцеления траву». Согласно мифологии, легендарный император Шэнь-Нун описал 70 ядов и противоядий. Он также считается автором одного из древнейших в мире сочинений «Канона о корнях и травах», содержащего характеристику 365 целебных растений. В соответствии с мифологией, в VI в. до н. э. бессмертный культурный герой Чансан-цзюнь научил искусству врачевания людей Цинь Юэ-жэня 秦越人, получившего прозвище Бан Цяо 扁鹊. Также весьма популярным у древних китайских этносов был мифический герой Шоу-Син 寿星 («звезда долголетия»). По преданию он обитал в лесах, где готовил лекарства из веществ растительного, животного происхождения и минералов. Людям, находящимся в гармонии с окружающим миром, герой обеспечивал долгие годы жизни, не омраченные болезнями.

Здоровье в древнем Китае рассматривалось как результат равновесия начал *инь* и *ян* 阴和阳, стихий у *син* 五行, а болезнь – как нарушение их правильного взаимодействия. Если человек будет жить с инь и ян в согласии, говорится в древнем медицинском трактате «Хуанди Нэй цзин» 《黄帝内经》 («Канон врачевания Желтого Предка»), он забудет про болезни. Данный трактат, считают исследователи, мог быть составлен в III в. до н. э. Кратко он именуется как «Нэй цзи» («Канон врачевания»). Человек, по мнению древних китайских философов, является частью природы, частью великой триады Небо – Человек – Земля, и должен находиться в гармонии с окружающим миром. Единство инь и ян символизирует графическое изображение темного и светлого начал в круге – *тай цзи* 太极, которое, как и тело человека подчиняется тем же законам, что и Вселенная. Поэтому жизнь человека и его здоровье определяются взаимоотношениями с окружающим миром. Следовательно, многообразие заболеваний объяснялось широтой взаимодействия организма с окружающим миром и природой, особенностями самого организма.

Данная система взаимосвязей человека и Вселенной, как свидетельствует анализ текстов китайских мифов, использовалась культурными героями при лечении субъектов архаической культуры. Таким очень знаменитым мифическим персонажем даосской мифологии был Яо-ван 药王 («князь лекарств»). Особенно его почитали аптекари и разные врачеватели. Царем исцеления даосы называли также Вэй Гу 韦古. Согласно мифу, он появился в столице Китая в VIII в. до н. э. в «головном уборе из флера, шерстяной одежде, с посохом и дюжиной фляжек, висевших у него на поясе и за спиной. Он щедро раздавал больным свои снадобья больным». Покровителем медицины, в соответствии с китайской мифологией, считался реальный герой Вэй Шаньцзюнь 韦善俊, бродивший по стране с черным псом и врачевавших людей. В «Жизнеописаниях бессмертных» (I в.) повествуется о бессмертном старце Воацюане, владеющим секретами лечебных растений. Люди, принимающие по его совету семена растений, жили по 200-300 лет.

Народная мифология связывала появление болезней со злыми духами, чаще воплощенных в образах пяти животных: змея, тысяченожка, скорпион, жаба и ящерица. Существовало также представление о пяти поколениях злых волшебниц, насылающих болезни на людей, воплощенных в пяти видах животных: лисица, хорек, крыса, ёж и змея. Для охраны от болезней, посылаемыми злыми духами и демонами, обращались к многочисленным

божествам и культурным героям. Время от времени устраивались обряды «Изгнания злых духов». На большую роль, которая отводилась этому обряду, указывает запись в «Веснах и Осенях господина Люя». Такие обряды проводились при непосредственном участии в них правителя во вторую луну осени (Чжунцю-цзи): «сын неба совершает обряд изгнания духов, дабы воспрепятствовать болезням и проложить путь осенней ци».

Число пять, по мифологическому миропониманию древних китайцев, считалось магическим. Они признавали пять первоначал (стихий): вода, огонь, дерево, металл и земля, которые находятся в постоянном движении и гармонии, взаимном порождении. Вода порождает дерево, дерево – огонь, огонь – землю, земля – металл, металл – воду. Пять элементов микрокосмоса определялись натурфилософскими учениями китайцев. Считалось, например, что у человека пять эмоций: гнев, радость, раздумье, печаль, страх; пять добродетелей: гуманность, исполнение ритуала, верность, справедливость, мудрость; пять основных органов: печень, сердце, селезенка, легкие, почки. В связи с этим препараты из лекарственных растений составлялись таким образом, чтобы в них сочеталось пять вкусов: сладкий, кислый, соленый, горький, терпкий. В тоже время в трактате «Весны и Осени господина Люя» отмечалось, что «слишком сладкое, слишком кислое, слишком горькое, слишком острое, слишком соленое, – когда этими пятью переполнено тело, они вредны жизни». Силу и здоровье, по мнению древних врачей, давали пять растений: рис, просо, ячмень, пшеница, соевые бобы. Здесь же излагаются рекомендации «вскармливания тела»: «Путь вскармливания [рта] – употребления правильно приготовленных пяти злаков и хорошо сделанных блюд из пяти домашних животных, умелое сочетание жаркого и приправ».

В древнем Китае раньше других цивилизаций был обобщен опыт врачевания и составлен каталог болезней и их врачевания. В соответствии с мифологией, его автором является Сунь Сымяо 孙思邈, которому сочинение «Лун цзан 龙藏» («корзина знаний дракона») подарил мифический Лун-ван. Существует несколько версий данного мифа. Одна из них гласит: «Однажды Сунь Сымяо увидел пастуха, пытающегося убить змею. Герой спас ее, отдав пастуху свой плащ, смазал змее раны и отпустил в траву. Через десять дней перед ним появился всадник на белом коне, который от имени своего отца пригласил героя в гости. В мгновение Сунь Сымяо очутился в подводном дворце Лун-вана, который пытался одарить его драгоценностями. Однако герой отказался их взять, после чего царь драконов поднес ему медицинское сочинение «Лун цзан». Согласно другим мифам, автором одного из древнейших в мире медицинских сочинений «Канона о корнях и травах»,

содержащего характеристику 365 целебных растений и 70 ядов и противоядий является легендарный император Шэнь-Нун. Некоторые мифы в качестве автора древнейшего медицинского трактата «Хуанди Нэй цзин» 《黄帝内经》 («Канон врачевания Желтого Предка») называют мифического императора Хуан-ди. Кратко он именуется как «Нэй цзин» 《内经》 («Канон врачевания»). Однако, на наш взгляд, «Нэй цзин» является результатом коллективного труда многих авторов различных эпох. Данный трактат, считают исследователи, мог быть составлен в III в. до н. э. Трактат состоит из 18 книг. Первые девять из них посвящены описанию строения и жизнедеятельности организма, методам распознавания и лечения болезней. В остальных девяти томах излагается древний метод чжэнь-цзю (чжэнь – иглоукалывание, цзю – прижигание).

В глубокой древности китайскими врачевателями было замечено, что порезы и ранения некоторых частей тела содействуют быстрейшему исцелению больных. В процессе длительных наблюдений ими были определены «жизненные точки», воздействие на которые способствует регуляции жизненных процессов. Врачи представляли, что через отверстия, проделанные в теле, из него выходит начало Ян в случае его избытка или входит в тело определенное его количество в случае недостатка, в результате чего болезнь исчезает. В «Нэй цзин» детально описана практика применения метода иглоукалывания и прижигания, указаны «жизненные точки», каналы, вдоль которых они расположены иглы и способы их введения, показания и противопоказания метода чжэнь-цзю.

Автор трактата не преминул описать иглы, необходимые в акупунктуре. В нем описаны девять видов игл: игла с наконечником для поверхностного укалывания, закругленная игла для массажа, тупая игла для постукивания и давления, острая трехгранная игла для венозной пункции, саблеобразная игла для удаления гноя, острая круглая игла для быстрого введения, нитевидная игла, длинная игла для прокалывания толстых мышц, большая игла для лечения сосудов. В архаические времена для акупунктуры применялись каменные иглы, в последующие эпохи использовались также иглы из кости, бамбука, бронзы, серебра, золота, платины, нержавеющей стали. Иглы имели тонкие отверстия, ибо врачи полагали, что по ним движется начало ян.

Анализ текста «Нэй цзин» и других древнейших литературных памятников свидетельствует, что в древнем Китае методом чжэнь-цзю излечивали многие недомогания. В соответствии с мифологией, в XI в. до н.

э. иглотерапией лечил людей культурный герой Бянь Цяо扁鹊. Во II в. н. э. ее активно использовали известные врачеватели Фу Вэн и Хуа То华佗, которые успешно лечили переломы, производили операции на черепе, грудной клетке и брюшной полости. Иглоукалывание они применяли для обезболивания. Практический опыт древнекитайских врачей в области акупунктуры в III н. э. обобщил и систематизировал Хуанфу Ми皇甫谧. Им составлен обширный трактат “Чжэн-цзю и цзин” 《针灸经》 (“Классический канон по иглотерапии и прижиганию”).

Наряду с акупунктурой врачами древнего Китая, как свидетельствуют тексты “Чжэн-цзю и цзин”, применялся метод прижигания. Им пользовались для предупреждения болезней и их лечения, для обезболивания во время операции, при массаже и т. д. Сущность его заключалась в том, что “жизненные точки” прижигались зажженной сигаретой, начиненной сухими листьями лекарственных растений. Нередко прижигание сочеталось с акупунктурой: сигарета закручивалась вокруг иглы и зажигалась, когда игла находилась в ткани.

Таким образом, исследование мифов китайского этноса, текстов древнейших литературных памятников позволяет нам утверждать, что медицина, имеющая мифологические истоки, достигла высокого совершенства. Древнекитайские врачеватели искусно лечили множество болезней. Секретом возвращать молодость, восстанавливать цвет волос у стариков и вставлять обратно выпавшие зубы поделился с людьми Жун Чэн (荣成. Целителем глаз считался Ло-Шэнь (洛神) («духи Ло»). В мифе говорится, что у цензора Фэн Эня (冯恩) была катаракта. «Однажды, повествуя миф, во сне к нему явились духи пяти братьев Ло, а когда он проснулся, то почувствовал, что зрение восстановилось. Фэн построил храм в их честь, и все, кто страдал болезнью глаз, приходили туда просить исцеления».

Исследование древних медицинских трактатов свидетельствует, что мифическими героями применялись оригинальные методы диагностики больных: осмотр кожи, глаз, слизистых и языка; определение общего состояния и настроения больного, выслушивания звуков, происходящих в его теле; исследования пульса; давление на «жизненные точки»; определение запахов пациента и др.

Изучение белорусской мифологии показывает, что мифологические воззрения древних белорусов также послужили основой формирования

традиционной медицины. Ее важнейшие научно-практические положения, сложившиеся в архаические времена, в основных своих чертах сохраняются в течение многих столетий. Исследование мифов белорусов, письменных источников по народной медицине показывает на ее мифологические основания. В белорусской мифологии имеются мифы, в которых присутствует след культурного героя, научившего людей врачеванию. Одним из таких мифических персонажей, на наш взгляд, является Иван Травник или Иван Купала, который до настоящего времени повсеместно почитается белорусами 6–7 июля в день летнего солнцестояния – высшего расцвета животворящих сил земли. Обрядовое торжество персонифицировалось в образе культурного героя Купалы. По преданию, травы, собранные в этот день приобретают особенные целительные свойства. Засушенные они потом служили белорусам лечебным средством на целый год. В этом празднике, по мнению В. Василевича, совместились культы растений, солнца, огня и воды. В белорусской мифологии с народной медициной ассоциируется такой мифический персонаж, как «Купальскі дзядок». Он представлен в преданиях белорусов в образе хорошего духа, собирающего купальские цветы и отдающего людям. При встрече с ним, говорится в мифе, необходимо расстелить скатерть и Купальский дедок бросит на него один цветок.

В этимологии цветка «Иван-да-Марья», на наш взгляд, также проявляется мифопоэтика медицинских знаний. Происхождение его названия связывается с мифологическим мотивом. Согласно преданию, брат и сестра, разлученные в детстве, долго ходили по свету, а встретившись, не узнали друг друга, поженились и только позже выяснили, что они брат и сестра. От стыда и горя они превратились в траву, цветы – синего и желтого цвета. В основе данного мотива лежит наказание брата и сестры за инцест (кровосмесительный брак). В белорусской народной традиции цветок «брат-сестра» повсеместно использовали как целебное средство. Например, купальским утром его давали коровам, чтобы с ними ничего не приключилось. Этим же растением, еще называемым «братками», купали детей, чтобы они хорошо спали. Считалось, что оно помогает от кашля.

Известным в Беларуси является миф о «змеиной траве», которую Бог подарил людям в целях лечения от змеиных укусов. Согласно преданию, корень этого растения перекусила змея. Внешне листья ее напоминают окраску змеи, а корень действительно выглядит слабым будто перекушенным. Многие растения белорусы использовали для предотвращения болезней. В соответствии с их мифологическими представлениями, в качестве оберегов выступали крапива, дедовник, полынь, мята, мак, чеснок, лук и др. Ими, согласно мифологическим представлениям

белорусов, можно было отогнать болезни и злые силы. Полынью, например, можно было оборониться от русалок. При гадании о здоровье применялась «богатка», которая росла на запущенном поле. В древности на территории Беларуси было много знахарей, ведунов, волхвов, кудесников, которые наряду с предсказанием судьбы занимались врачеванием. Они понимали язык растений, зверей и птиц, хорошо разбирались в лекарственных растениях, могли отличить источник с живой водой от источника с мертвой водой. Знахари владели приемами врачевания людей от многих болезней. Их медицинские знания и умения рассматривались как божественный дар. Так, на Витебщине до сих пор почитают Тита Старосельского, излечивавшего людей травами и медом. Древнебелорусские врачеватели искусно лечили множество болезней.

Таким образом, в белорусской и китайской мифологии культурный герой выступает как первотворец артефактов материальной культуры и носит высокий семиотический статус. Современное состояние цивилизации с ее достижениями, в соответствии с мифологией, является следствием творчества культурных героев, в качестве которых выступали герои-демиурги, первородки, духи, мифические правители. Они являются первотворцами изначальных предметов и технологий, практических знаний, послуживших основой для последующих усовершенствований субъектами культуры. Культурные герои оставили людям архаических времен первые артефакты для дальнейшего воспроизведения способов жизнедеятельности.

Наряду с первопредметами материальной сферы культурные герои стояли у истоков объектов духовной культуры, они сотворили зародышевые элементы религии, философии, науки и искусства, содействующие непрерывности природных и общественных циклов, сохранение установленного общественного порядка.

Тема 5 Мифологические истоки белорусской и китайской письменности.

Как явствует из мифологии, при помощи культурных героев из материалов природы создавали технические конструкты – вещи, удовлетворяющие в первую очередь их утилитарн. На заре человеческой истории субъекты архаического китайского общества, как явстые потребности. В то же время в процессе опредмечивания, использования полезных артефактов материальной культуры по их прямому назначению люди мифических времен приобретали разнообразные практические и духовно-эмоциональные знания, умения и навыки, составляющие базовый

механизм духовной культуры. Параллельно деятельность опредмечивания получала в качестве симметричного ее дополнения деятельность распредмечивания.

Таким образом, сознание человека традиционного общества постепенно отрывалось от практики, вырабатывая обобщенные представления о мире, стремящиеся объяснить все сущее и происходящее в природе и в человеческом бытии. Правда, на этой стадии психической деятельности она оказывалась иррациональной и могла достигать своих целей лишь фантастически-мистифицирующей трактовкой реальности – мифом. «В цивилизациях примитивных народов, подчеркивал Б. Малиновский, миф отнюдь не лишена содержания выдумка, а, напротив, – живая реальность, к которой человек постоянно обращается; это ни в коей мере не абстрактная теория и не простое развешивание образов, это кодификация религии примитивных народов и их практической мудрости».

Анализ мифов дает основание утверждать, что белорусским и китайским этносами уже в архаические времена была осознана и реализована потребность превращения рациональной практической деятельности в особую отрасль духовного производства, цель которого продуцировать, сохранять и транслировать достижения предыдущих поколений, ценностей, смыслов, идей и художественных образов, рожденных мифологическим мировосприятием. Эта духовная деятельность получила ускоренное развитие с появлением такой формы информации, как письменная фиксация мыслей, общение между людьми на расстоянии и закреплённом во времени.

Сравнительно-типологический анализ китайских мифов свидетельствует о причастности мифических героев к изобретению письменности. В Древнем Китае самым ранним источником передачи информации было завязывание узлов на веревке. На это указывает Ян Хонг в монографии «Полувековые археологические находки – история археологических находок», где отмечает, что ранее люди использовали веревки для передачи информации, птичьи же следы на песке помогли созданию письменности, и язык стал облекаться в форму». В словаре «Происхождение китайских иероглифов» также говорится, что в деревнях, чтобы зафиксировать какое-либо событие завязывали узелки на веревках. Проблема возникновения иероглифики была предметом изучения таких китайских ученых, как Вень Идо, Лю Дунь Юань [276], Сун Цзуо Юн [300], в которых излагались разные версии возникновения письменности.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что вопрос о зарождении и развитии китайской иероглифики до сих пор не является окончательно выясненным. Ученые единодушны в тезисе, что ее основу составило

узелковое письмо. Исследование мифов древнего Китая свидетельствует, что эта важнейшая проблема духовной культуры китайского этноса нашла свое отражение в мифологии. Так, в мифе о Цан цзе 仓颉, говорится, что этот культурный герой, сподвижник Хуан-ди, проникнув в глубинный смысл следов птиц и зверей изобрёл иероглифическое письмо. Миф повествует, что Цанцзе был родом из провинции Шанси, деревни Бейюань, служил на должности секретаря у императора Хуан-ди. В то время люди использовали узелковый метод письма. Однако иногда дел, которые требовалось записать, накапливалось слишком много, и чиновник не успевал даже запомнить их все, не успевал выполнить все поручения, что давал ему император. Как-то раз он прогуливался, посматривая по сторонам на птиц, горы, речную гладь. Заметив следы птиц на мокром песке и присмотревшись к ним, ему пришла в голову начальная идея пиктографического письма. Хуан-ди оценил его заслугу и пожаловав ему фамилию Цан, сделал его своим главным помощником и руководителем. По преданию на землю в тот же день полился дождь, в качестве поощрения заслуги Цан Цзе Небесами. В возрасте 110 лет Цан Цзе отошел в мир иной, и горожане возвели ему храм, а местность, в которой он жил, стала называться «деревня летописца». В храме Цан Цзе воздвигли много каменных монументов, и, несмотря на многочисленные войны и разрушения, на сегодняшний момент сохранилось около 16 таких каменных стел. Среди них самой ценной считается монумент времен династии Цин (1754 г. н. э.) под названием «Цанцзе рассматривает птичий след на песке». На гладком памятнике изображен Цанцзе тех времен, когда он впервые изобрел пиктограммы, сверху изображены 28 иероглифов, которые описывают восшествие императора Хуан-ди на престол, а также его деяния по развитию своего народа, его благополучия во время правления Желтого императора.

Причастность мифического Цанцзе к изобретению иероглифики отмечают некоторые ранние литературные источники: «Исторические записки», «Весны и Осени господина Люя». На основании этого можно говорить, что Цанцзе был реальным человеком. Изобретение им первоначальных иероглифов было эпохальным событием, положившим начало новой эры китайской цивилизации. Потомки Цанцзе считают это открытие одним из четырех великих изобретений древнего Китая.

В процессе исследования мифов китайского этноса нам удалось установить еще имя одного культурного героя, которому приписывается заслуга изобретения иероглифов. В своде китайских мифов, составленном

Юань Кэ, содержится фрагмент текста о появлении письменности в древнем Китае. Из него явствует, что мифический герой Фуси первым «начертал восемь триграмм цянь (небо)天, кунь (земля)地, кань (вода)水, ли (огонь)火, гэнъ (горы)山, чжэнь (гром)雷, сюнь (ветер)风, дуй (болото)沼泽.. Эти несколько знаков отражали разнообразные явления вселенной, и люди использовали их для того, чтобы записывать различные события своей жизни». Пиктографическое письмо изображает предмет в виде иероглифа, и эти иероглифы очень похожи на показываемые ими предметы. Линии и черты таких иероглифов обычно изображают самые специфические, главные внешние черты предмета так, чтобы иероглиф походил на него. Например, иероглиф «луна» изображает очертания молодого месяца; иероглиф «черепаха» походит на панцирь черепахи; иероглиф «рыба» первоначально изображался как голова рыбы, ее тело и хвост под водой; иероглиф «травя» рисовался как два стебля, выбивающиеся из-под земли. Иероглиф «солнце» изображался как круг с черной точкой посередине, показывая то, как люди видели солнце. В эпоху Шань-Инь (XVIII–XII вв. до н. э.) письменность выглядит уже достаточно развитой. Иньская письменность представляло собой идеограммы – изображение предметов или сочетания изображений, передающих более сложные понятия. Иньцы пользовались знаками, фиксирующими определенные единицы языка. В иньской письменности есть знаки такого типа, которые преобладают и в современной иероглифике (когда один элемент знака указывает на чтение, а другой – на приблизительное значение). В XVI в. до н. э. система иероглифического письма насчитывала 2 тыс. иероглифов. Во II в. н. э. число иероглифов составляло более 10 тыс., а в III в. н. э. – уже 18 тыс.

Китайская мифология донесла до нашего времени и имя культурного героя, который подарил людям кисти для письма. Им был Мэн Тянь 蒙恬. Российский синолог Б. Рифтин считает, что за основу этого мифического образа взят реальный полководец III в. до н. э., который служил при дворе Цинь Ши-хуана 秦始皇.

Наиболее ранние памятники письменности – гадательные надписи на костях животных, панцирях черепах и бамбуковых планках. Значительный интерес в этом плане представляет и такой памятник древнекитайской письменности, как «Архив оракула» или «Иньский оракул».

Изобретение письменности культурными героями и ее дальнейшее развитие явилось величайшим достижением древних китайцев. Мифологизация возникновения важнейшего артефакта духовной культуры

подчеркивает значительность иероглифики в последующей социодинамике китайской культуры и цивилизации. Безусловно, создание пиктографической письменности не могло принадлежать только одному человеку, в иероглифику вкладывался опыт и знания всей древнекитайской цивилизации. Иероглифика – это изобретение, хранящее в себе весь культурный опыт древнего китайского этноса, одна из самых ранних письменностей, возникших в мире. Она на сегодняшний день является самым полным типом иероглифики, которая используется и поныне. Пиктографическая письменность стала носителем культурной информации китайцев, в ней закреплена пятитысячелетняя история развития величайшей в мире духовной культуры.

Тема 6 Миф как основа белорусского и китайского словесного творчества.

Китайская письменность послужила основой для возникновения такого вида духовной культуры, как литература, которая в архаические времена получила достаточно широкое отражение в мифе. Реконструкция ряда древнекитайских мифов позволила выявить покровителей литературы из числа древних мифических потомков китайцев. В соответствии с мифологическими представлениями, богом литературы являлся Вэньчан 文昌 (вэнь – «литература», чан – «блестящий»), который отождествлялся с одной из звезд Большой Медведицы. Герой ведал всеми литературными делами, в том числе и экзаменами, сдача которых давала право на чиновничий пост. Его культ зародился в X в., а в XIII – XIV вв. получил распространение во всей Поднебесной. Изображение Вэньчана размещалось в конфуцианских храмах в отдельном киоте, в ряде регионов в его честь строились храмы.

В некоторых мифах богом литературы считается легендарный Лусин 禄星. Широко известным мифическим персонажем являлся Куй-син 魁星 («первая звезда»). Он в древних мифах упоминается в качестве помощника бога литературы и отождествлялся также с первой звездой Большой Медведицы.

Анализ китайской мифологии позволяет говорить о том, что с появлением письменности, получает широкое распространение так называемая доцинская литература эпохи Чуньцю и Чжанго 春秋和战国 (до 221 г. до н. э.). Литературные произведения этого периода тесно связаны с мифами о первопредках. Распространенным литературным жанром

обозначенного времени была логография, т. е. описание единичного, того, что было. Первыми источником по древнекитайской логографии являются древнейшие иньские записи на костях, черепаших щитках и бронзовых сосудах. На них содержится информация о событиях при дворе вана, о жертвоприношениях, речах вана. Первым таким письменным памятником является «Шан шу» 《尚书》, представляющий записи речей правителей на бронзовых сосудах чжоуской эпохи. В царстве Чу楚 существовали записи под названием Тао-у 梲杙, в царстве Цзинь – Чэнь 金辰, в царстве Лу – Чунь-цю 鲁春秋, автором которых якобы был Конфуций. Думается, что аналогичные письменные памятники существовали и в других регионах древнего Китая. Известно, что при дворах правителей были *ши*, так называемые люди, ведущие записи. Наличие рассматриваемых записей свидетельствуют о формировании исторических представлений у китайцев мифологических времен. Древнейшие письменные памятники, созданные культурными героями, представляют определенный интерес для современных синологов. При позитивной их оценке все же необходимо отметить их ограниченность. Все они характеризовались исключительной лапидарностью. Например, «Шан шу» состоял всего из 40 иероглифов. В них не было анализа и обобщений исторических закономерностей, причинной зависимости в развитии истории.

Ценным источником по древнекитайской логографии является анонимный памятник «Книга гор и морей», который нами уже многократно упоминался в предыдущих главах. В его первой части дается описание континентального Китая с элементами зоографии, ботанической географии, народной медицины, народных верований и, безусловно, мифологии. Во второй части – в виде лапидарных перечней и отдельных фрагментов – даются сведения о землях и народах, которые, согласно синоцентрической концепции, находились на окраинных землях и за пределами обитаемого мира. Эти сведения, как явствует из сравнительно-типологического анализа, по большей части имеют мифологический характер. В «Книге гор и морей» содержатся фрагменты мифов о предках, героях и их генеалогии. Характерна в этом отношении генеалогия ряда культурных героев, изложенных в данном памятнике: «Желтый предок родил Знаменитого черногривого коня (Ломина). Ломин родил Белого коня, Белый конь – это и есть Гунь. Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Обезьяний крик (Юйхао), Юйхао родил Иньяна, Иньян родил Паньюя, который первым смастерил лодку. Паьюй

родил Сичжуна, Сичжун родил Цзигуана, Цзигуан первым сделал из дерева колесницу (телегу)».

В III в. до н. э. был создан трактат «Люйши чуньцю 吕氏春秋», или «Весны и Осени господина Люя 春秋吕雅». На взгляд российского синоведа Л. С. Переломова, данное произведение воплотило «все лучшие достижения тогдашней философской и политической мысли» древнего Китая. Его автором считают Люй Бувэя 吕不韦, который был не божеством, а реальным человеком, продолжительное время занимавшимся торговыми делами на территории царства Вэй. Имея огромный капитал, он использовал его для продвижения по политической карьерной лестнице в древнем царстве Цинь. При нескольких правителях этого государства ему удавалось занимать пост их первого советника («чэнсяна»). Таким образом, мы можем говорить о Люй Бувэе как о реальной яркой личности и крупной фигуре древней истории Китая. Сыма Цян в своих «Исторических записках» посвятил ему специальную главу «Жизнеописание Люй Бувэя». В то же время ряд синоведов склонны считать, что «Люйши чуньцю» является коллективным произведением. В пользу такого утверждения свидетельствуют синкретичность его содержания, объем, богатство охватываемого материала, огромное количество источников, из которых брались сведения. Подсчитано, что текст «Люйши чуньцю» насчитывает свыше 100 тыс. знаков. Поражает также разнообразие тем, излагаемых в трактате, где содержатся сведения из области мифологии, истории, философии, земледелия, искусства, военного дела и т.д. Сыма Цянь писал, что Люй Бувэй «считал свой трактат исчерпывающим и велел вывесить в Сяньяне уведомление, в котором обещалась награда в тысячу золотом всякому, кто сумеет прибавить или убавить в этом сочинении хотя бы одно слово».

«Люйши чуньцю» состоит из трех разделов: «Двенадцать замет», «Восемь обзоров» и «Шесть суждений». Каждый раздел в свою очередь делится на двенадцать, восемь и шесть книг. Исследователи этого древнейшего литературного памятника относят его к жанру цзаця («философской эклектике»). На наш взгляд, «Люйши чуньцю» можно также отнести и к художественному произведению. Текстологический анализ позволяет выделить в нем и художественную сторону текста.

Одно из первых мест в китайской классической литературе занимает «Книга Перемен» 《易经》, являющаяся основным и исходным источником, с которого многие мысли черпали почти все древнекитайские философы. Ее текст – первоначально гадательный, а позже и философский сформировался в

УШ – УП вв. до н. э. из материалов поздней мифологии и земледельческого фольклора. Российский синолог Ю. К. Щуцкий отмечает, что библиографы старого Китая непоколебимо верили традиции (не исконной, но достаточно старой), относившей создание «Книги Перемен» в такую глубокую древность, что ни какая классическая книга не могла конкурировать с ней в хронологическом пространстве. Она считается одной из самых труднейших для перевода и понимания. Название ее объясняется тем, что основная идея, содержащаяся в книге, – это идея изменчивости. Она была почерпнута древними китайцами на основе наблюдений за сменой света и тьмы в мире, окружающем их. Эта идея легла в основу построения теории гадания о деятельности человека, несет ли она несчастье или счастье. В «Книге Перемен» активной деятельности отдается предпочтение перед простым, пассивным бытием. Этот древнейший литературный памятник содержит очень непривычные и даже чуждые современным текстологам образы, в которых выражены ее концепции.

Одной из концепций «Книги перемен» является концепция развития мирового процесса, согласно которой он представляет собой чередование ситуаций, происходящих от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, напряжения и податливости.

Особый интерес для нас представляет концепция творчества, которое рассматривается в его самом чистом виде. Творчество, прежде всего, интерпретируется как акциденция неба, как олицетворение творческой силы, не имеющей никаких препятствий в своем развитии. Совершенный человек способен в своей деятельности полностью проявить такое творчество, которое благотворно отразится на всем его окружении.

Синологи склонны считать, что «Книга Перемен» оказала огромное влияние на развитие китайской философии, математики, истории, теории искусства, экономики, политики древнего Китая.

Первым систематизированным изложением истории архаического периода являются «Исторические записки» («Ши цзи») 《史记》, автором которых является Сыма Цянь 司马迁. В 104 г. до н. э. он завершил работу по систематизации собранного многочисленного материала и приступил к изложению истории Китая. Анализируемое сочинение состоит из 500 тысяч иероглифов, разбитых на 130 глав. В них излагается история не только ханьцев, но и других народов, связанных с Поднебесной. Автор так охарактеризовал свой труд: «Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаниями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые, то

завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и вверх веков, и вниз». Если предыдущие записи охватывали непродолжительный отрезок времени, то Сыма Цянь излагает историю с мифических времен до современного ему периода. Автор записок проникает в суть изменений, происходящих в древности, применяя впервые исторический метод. С его помощью историк сумел привести в систему и изложить относительно объективно историю Древнего Китая до 2-го века до н. э.

В ряде глав Сыма Цянь описывает события доисторического периода, где переплетаются мифологические предания древних китайцев с реальными событиями. Мифы и легенды, собранные историком, говорят о множестве событий и о деяниях героев древнейших эпох. В них вымысел и фантастика перемежаются с отголосками подлинных далеких социальных процессов в жизни первобытных людей, дошедших до потомков в смутной, измененной форме. Несмотря на это современный вдумчивый исследователь найдет здесь немало косвенных данных, раскрывающих древнейшие этапы истории китайского народа. Так, в борьбе Хуан-ди с Янь-ди и Чи-ю, с непокорными сяньюйцами, саньямя, мань, слышны отзвуки ожесточенных межплеменных сражений той эпохи. Постоянное упоминание во многих преданиях лишь матери культурного героя, а не отца свидетельствуют о существовании матриархата.

В своем труде Сыма Цянь много внимания уделяет описанию этапов в освоении природы древними китайцами. Например, он повествует о перводеяниях культурного героя Хоуцзи, «Владычествующего над Просом», научивших людей возделывать землю и сеять злаки. В соответствии с китайской мифологией, историк передает предание о культурных героях Тай-си и его сыне Шу-цзюне, которые также были искусными земледельцами. Шу-цзюнь при обработке земли стал использовать быков вместо людей, что способствовало урожайности.

Довольно детально излагает Сыма Цянь события, связанные с деятельностью героев эпохи Ся (III в. - 1-ая половина II тысячелетия до н. э.). По мнению современных ученых, в этот период родовое общество уже переживало кризис, зарождались классы. Раздел, посвященный эпохе Ся, историк начинает с представления читателю легендарного родоначальника «династии» сяского Юя, которому китайская мифология приписывает благоустройство всей территории Поднебесной, создание областей, упорядочение рек и озёр и многие другие деяния, суммирующие процессы нескольких тысяч лет. Мифологический аспект деяний Юя выразительно проступает в тексте об усмирении потопа. Наличие в тексте значительного пласта преданий о потопе, наш взгляд, свидетельствует о том, что тема

потопа в китайской логографии явно содержит в себе идеи о начале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка. Культурного героя Юя Сыма Цянь относит к творцу земли, ее природных богатств. Безусловно, в мифообразе Юя историк показывает собирательный образ культурного героя, покорителя природы, воплощавшего лучшие черты человека древнего Китая.

Важное значение в историографическом плане, на наш взгляд, имеет раздел «Исторических записок», посвященный событиям. Если в предшествующих разделах Сыма Цянь описывал события легендарных периодов, то здесь рассказывается о первом подлинно историческом этапе жизни китайского народа. В главе содержится полный и последовательно хронологический перечень 44 правителей иньской эпохи. Кстати, 36 их имен подтверждены синологами путем расшифровки записей на гадательных костях. Следует отметить, что общая канва истории Инь, представленная в перечне ее правителей подтверждена также эпиграфикой, что повышает ценность главы как исторического источника.

В главах «Исторических записок» Сымом Цянем излагается довольно значительное число фактов и сведений о духовной жизни древних китайцев, об их верованиях и культах. Правда, эти материалы разбросаны и весьма отрывочны, но, тем не менее, опираясь на них можно составить общее представление об идеологии и религиозном мировосприятии китайских этносов. А если присовокупить описания этих сюжетов в древней литературе, археологические и этнографические данные, то можно составить картину верований в Поднебесной. В дальнейшем вся китайская историография опиралась на традиции, заложенные Сыма Цянем.

Культурные герои, как утверждает Вень Идо 闻一多, были первыми авторами художественных литературных произведений [255]. Например, миф о бессмертной Яо-цзи повествует, что «во время царствования чуского Сянвана (III в до н.э.) придворный поэт Сун Юй увидел во сне богиню облаков и дождя в образе Яо-цзи и по поводу этого странного сна сочинил две оды. Одну из них назвал «Гаотан», другую – «Фея». В «Литературном сборнике» приводится имя еще одного легендарного основоположника древнекитайской поэзии Цао Чжи, который использовал сюжет мифа о богине Ми-фэй (дочери Фуси) для сочинения оды «Фея реки Ло». Это поэтическое произведение проникнуто лиризмом, эстетикой, красочными эпитетами: «Она грациозна, как летящий лебедь или парящий в облаках красавец дракон. Если смотришь на нее издали, – видишь сияние, подобное солнцу, поднимающемуся на небе

в утреннем тумане. Если смотришь на нее вблизи, – она подобна белому лотосу, который распускается на зеленой волне».

Не менее популярным во II в. до н. э. был Сыма-Сян-жу, который считается родоначальником прозапоэтических произведений – “фу”. Вместе с певцом и музыкантом Ли Янь-нянем они создали музыкальную палату “Юэфу”, которой продолжительное время и руководили. Эпизод из биографии Сыма-Сянжу послужил основанием мифа, в котором он предстает еще и как покровитель виноторговцев. Торговцы вином поклонялись ему в надежде разбогатеть. Миф повествует, что в тяжелые для поэта времена Сыма-Сян-жу взял займы деньги, на которые открыл винную лавку и вместе с красавицей-женой удачно продавал вино и таким образом разбогател.

Особое место в духовной культуре Китая занимает древнейший литературный памятник «Шицзин», который считается классическим каноном, книгой откровений и жизненного опыта. Слово «*ши*» означает в древнекитайском языке стихотворение, песня, поэзия, озвученное рифмами произведение. Иероглиф «*цзин*», составляющий вторую часть название, обозначает «основу ткани», т. е. основополагающие книги. В «Шицзин» вошло 305 поэтических произведений. Правда, Сыма Цянь в биографии Конфуция, которая имеется в его «Исторических записках», утверждает, что первоначально сборник состоял из трех тысяч стихов. Однако Конфуций из них отобрал только 305, соответствующих правилам «*ли*» и должному «*и*». Стихотворения, вошедшие в данный сборник, относятся к древнему периоду китайской истории, примерно с раннего этапа Западного Чжоу (XII – X вв. до н. э.) и до конца эпохи «Чунцю» (Весны и Осени) VIII – V вв. до н. э.). Таким образом, можно считать, что “Шицзин” являет собой энциклопедию древнего Китая, вобравшую в себя поэтическое искусство архаического времени.

Сборник состоит из раздела «Гофын» («Нравы царств»), представляющий собой свод древнейшей китайской лирики периода Чжоу. Стихотворения данной части имеют мифологические истоки, своими корнями уходят в народное творчество. Второй раздел сочинения называется «Малые оды» («Сяо я»), который имеет полуфольклорный, полулитературный характер. Они предназначались для выражения чувств к легендарным правителям и героям. Третья часть «Шицзин» – «Великие оды» («Да я») сочинялись с целью украшения придворных представлений, они отличаются высокопарностью, богатой словесной орнаментацией, насыщенностью историческими фактами. Стихотворения данного раздела относятся к жанру древнекитайского эпоса. Последний раздел сборника состоит из «Гимнов («Сун»», хвалебных храмовых и культовых песнопений, прославляющих предков, древних правителей Поднебесной. В большинстве

из них восхваляются героические подвиги и мудрые деяния царствовавших ванов.

Литературоведы Китая считают, что «Шицзин» являлся образцом словесного творчества для поэтов последующих исторических эпох. Из него черпал вдохновение и навыки стихосложения автор «*Чуских стоф*» Цюй Юань (340 – 278 гг. до н. э.) поэты, группировавшиеся вокруг «*Юэфу*» («Музыкальной палаты») и др.

Первой созданной на белорусских землях была Полоцкая летопись, к сожалению, несохранившаяся до наших дней. Исторические записи велись также в Пинске (XIII в.), Слуцке (XV в.), Смоленске (XIV-XV вв.) и других городах. На старобелорусском языке легендарными авторами в XV-XVI вв.), были созданы «Баруклабовская летопись», «Виленская летопись», «Летописец великих князей литовских», «Слуцкая летопись» и др.

Летописи, созданные неизвестными авторами, на наш взгляд, являются ценными памятниками историографии, общественно-политической мысли и исторической прозы белорусского этноса. В XVI в. происходит эвгемеризация и беллетризация летописания. В тексты исторических повестей включаются устно-поэтические легенды и предания, вводится литературный вымысел. Имена героев летописания история, к сожалению, не сохранила.

Настоящим народным произведением проникнутым возвышенными идеями, связанным с мифопоэтическим творчеством, с народными языческими представлениями и эстетическими идеалами является «Слово о полку Игореве». Этот литературный памятник, как предполагают ученые, был создан в конце XII в. неизвестным автором. В нем содержится поэтическое описание неудачного похода восточнославянской дружины во главе с киевским князем Игорем на половцев. Содержание и образы произведения тесно связаны с реально-исторической жизнью средневековых восточнославянских государств и свидетельствуют о широком кругозоре ее автора, о его глубоком знании сложной истории славянских княжеств. Страницы, посвященные Полоцкому княжеству, в целом созвучны общему элегическому тону поэтического произведения, в котором создана величественная и правдивая панорама древнего княжества. Как и принято, в народном героическом эпосе, в данном произведении не боги, а сами люди, герои решают судьбоносные проблемы истории. Настоящий герой – это бесстрашный воин, который «ищет себе чести, а князю славы». В рассматриваемом литературном памятнике даны портреты ряда культурных героев, которые своей деятельностью, своей жизнью определяют характер эпохи, в которой они жили. Таким героем, например, является полоцкий

князь Всеслав Брачиславович (Чарадзея), которого неизвестный автор наделяет всеми качествами культурного героя. Всеслав, не являясь всемогущим божеством, приобретает исключительные, сверхъестественные силы и умения при рождении от волхвов. Свидетельством этого является его кличка «князь-чарадзея».

В древности на белорусских землях легендарными авторами создавались литературные произведения агиографического жанра, в которых описывались жизнь, подвиги и страдания канонизированных церковью людей. Белорусская агиография преимущественно анонимная, о ее авторах, как и о времени написания отдельных произведений, можно судить только по косвенным сведениям. В XII - XIV вв. были созданы «Житие Евфросинии Полоцкой», «Житие Кириллы Туровского», «Житие Авраамия Смоленского», «Слово о монахе Мартине», «Житие виленских мучеников Ивана, Антония и Евстафия» и др. Анализ текстов агиографической литературы показывает наличие в них мифологических элементов. Авторы не ставили целью показать повседневную жизнь людей эпохи Средних веков, они описывали жизненный путь подвижников, религиозный подвиг святых. В произведениях данного жанра мало описаний конкретных событий, дат и имен. Произведения насыщены «биографическими гипотезами», общими местами, этикетными пассажами, аллюзиями. Все это сближает белорусскую агиографию с мифом.

Тема 7 Мифы и обряды как источник белорусского и китайского театрального искусства

Развитию музыкальной культуры древнего Китая способствовало возникновение различных форм театральных представлений. Признаки музыкально-сценических зрелищ уже имелись в культовых обрядовых формах. Изучение мифов показывает, что ядро архаической духовной культуры составляют тесно связанные и переплетенные между собой миф и обряд. По мнению Е. М. Мелетинского, «миф и обряд можно считать теоретическим и практическим аспектом одного и того же феномена. При этом миф в известном смысле «метафоричен» (он описывает посредством событий «раннего времени» некую космогонию, включающую ценностный аспект), а ритуал скорее «метонимичен» (поскольку он представляет эти события отдельными частями, проявлениями, знаками)».

В процессе исследования мифологии белорусов и китайцев нам удалось выявить определенное количество мифов, в которых отложилась структура обряда. Многие, особенно тотемические мифы, представляют

собой своеобразную театральную инсценировку мифических сюжетов. Басуя Бои 浦忠成 и Ван Кун 王昆 считают, что театральное искусство Китая «восходит к архаико-религиозной традиции к различным по культовой и региональной принадлежности обрядовым акциям». Такой, на наш взгляд, акцией является обряд изгнания болезней, зафиксированный в мифе о великом духе Чжуань-суй 颛顼: «Восьмого дня двенадцатого месяца по лунному календарю крестьяне, наряженные в металлические доспехи, ударяя в маленькие поясные барабаны, под предводительством богатыря в маске дьявола изгоняли нечистую силу, приносящую людям болезни и несчастья». Подобные театрализованные представления устраивались с целью прекращения засухи. Один из фрагментов мифа о культурном герое, Стрелке И 后羿 (Хоуи), передает обряд вызова дождя: «Толпа почерневших и похудевших людей собралась под палящими лучами солнц на равнине. С флагами в руках, с паланкином из веток и лиан, ударяя в колокола и гонги, толпа двинулась к холму правителя. Нюй-чоу 女丑 надела зеленую одежду, приняла облик духа засухи и села в разрисованный паланкин. Она подняла свое худое и лоснящееся лицо, покрытое каплями пота, и, устремив глаза ввысь, начала бормотать заклинания». Следовательно, можно говорить о том, что театр Китая черпал свой материал из различных элементов древних ритуалов, ритуальных жертвоприношений, нашедших свое отражение в мифологии.

В архаические времена, по мнению Чжан Гуан Чжи 章光直, широко распространенными в древнем Китае были также мистерии-шествии, мистерии-инсценировки, сопровождаемые музыкальным оформлением. В китайской мифологии нами найден миф о древнем потомке Цюн-ци 穷奇. По преданию, он являлся свирепым животным, напоминавшим тигра. Фрагмент текста данного мифа передает картину мистерии-шествия изгнания злых духов. В день накануне Сяньла 先老 проводилось *да но* 达诺 («великое изгнание злых духов»). В этот день устраивалось следующее шествие: «из семей чиновников отбирали сто двадцать мальчиков в возрасте от десяти до двенадцати лет, которые должны были служить в качестве *чжэньцзы* 镇子. Головы им повязывали красными платками, а самих одевали в черные одежды. В руках они держали большие бубны и, громко ударяя в них, следовали за сановником *фансянши* 芳香师. Сановник был наряжен грозным

царем чертей. За ним следовали двенадцать ряженных, волосатых, с рогами, напоминавших каких-то необыкновенных зверей. Среди них находился и Цюн-ци, в обязанности которого входило поедать насекомых, приносящих вред человеку. Эта процессия, проходя по императорскому двору, пела особые песни, устрашавшие злых духов. Когда песни кончались, сановник и двенадцать зверей начинали прыгать и плясать, и все шумно вторили им. Шествие трижды обходило двор. Потом тысяча стражников и пять отрядов всадников с факелами выгоняли духов болезней за ворота дворца и гнали их до реки Лошуй, где бросали факелы в реку». Считалось, что злые духи вместе с факелами погрузились в воду, и все участники мистерии довольные возвращались домой. Аналогичные мистерии-шествия были характерны для большинства регионов древнего Китая.

В эпоху Западное Чжоу в древнем Китае популярными были народные и дворцовые представления. В трактате «Весны и Осени господина Люя» отмечается, что «В конце этой луны избирают благоприятный день и устраивают большое представление с музыкой». В третью луну зимы (Цзидун-цзи季东子) также устраивались представления. Свидетельством тому является фрагмент текста, найденный нами в Двенадцатой книге «Весны и Осени господина Люя»: «Мастеру музыкального приказа повелевают устроить большое представление с музыкой и завершить обучение на этот год».

Мифы повествуют, что во дворце имитировали схватки с врагами и уничтожение противника. В этот же период широкое распространение получают потешные сценки с диалогом двух персонажей, а также пантомимические и цирковые праздничные действия «байси» 《百戏》 («Сто игр»). Так, Лю Сян刘勰 в «Новое предисловие» («Синь сюй») включил фрагмент мифа о Сяском правителе Цзе-ване界王, который окружил себя в своем великолепном дворце актерами, шутами и карликами. Один из мифов повествует, что у Чжоуского правителя Му-вана穆王, любившего развлечения, во дворце находился фокусник Хуа-жэнь华人: «Он был очень искусен: мог прыгать в огонь так, чтобы при этом не пострадал ни один волос, мог висеть в воздухе над землей и не падать, мог перенести город с востока на запад, мог беспрепятственно проникать сквозь стены». Из текста мифа о Ци启, одном из правителей династии Ся, можно утверждать, что названный повелитель был основоположником «представлений с песнями и

танцами». Миф повествует, что Ци написал музыку для представлений «и велел певцам и танцовщицам, взяв в руки бычьи хвосты, разыграть представление в полях Далэ, что к северу от горы Даюньшань».

Во дворцах правителей древнего Китая были популярными также инсценированные рассказы. В них уже появляется сценический образ. Формы инсценирования рассказов, на взгляд некоторых театроведов, стали прообразом будущей традиционной драмы.

В эпоху Чуньцю (Весны и Осени, 770-475 гг. до н. э.) рождается театр теней (кукол) с определенным репертуаром и средствами выразительности.

Таким образом, мы можем говорить уже о существовании в древнем Китае жанрово-видового разнообразия паратеатральных форм, которые, как отмечает Сунь Цзюань 孙涓, «объединял музыкальный компонент». Мелодии песен заимствовались из сборника «Шицзин». Песня времен архаики, как свидетельствуют тексты мифов, драматизировалась, включалась в церемониал обряда, детально прорабатывалась.

В V-III вв. до н. э. оформилась профессиональная актерская школа «ю», ее артисты уже обязаны были профессионально петь, имитировать голоса, танцевать, импровизировать. Создателем и ее руководителем долгое время являлся культурный герой Ли Янь-нян 李延年. Предания называют его певцом, музыкантом, собирателем народных песен, постановщиком придворных представлений. Древнейший письменный памятник Чуньцю содержит перечень ряда знаменитых актеров «ю» 《乐》: Мэна и Ши 门和诗. В эпоху Хань широко известным был придворный поэт Сыма-Сянжу, который создал литературный отдел при Юэ-фу, чем заложил основы драматургии.

В эпоху правления династии Сун постепенно формируются музыкальные драмы *цзацзюй* 北曲 (северная драма) и *наньси* 南戏 (южная драма). Для этого театрального жанра было характерным наличие более совершенного либретто, обширного репертуара, деление героев на женские и мужские, разнообразного бутафорского реквизита. В следующий исторический период, именуемый Юаньской династией, возникает театр *сицзюй* 戏曲, основу представлений которого составляют события, взятые из исторических произведений, мифов и народных преданий. Для представлений сицзюй характерны четырехчастная композиция, стабильные амплуа, традиционные мелодии, переходящие из пьесы в пьесу, синтетический характер актерского искусства. Повсеместное

распространение в эпоху правления династии Мин получил такой вид драмы, как *кунцюй*, которая впитала языковые диалекты и мелодии различных, населявших Китай. На этой основе формируются многочисленные региональные разновидности кунцюй: *куньшаньцян*, *цинцян*, *ханьцзюй*, *чуаньцзю*, *юйцзюй* *昆曲* : (*昆山腔* , *秦腔* , *赣剧* , *川剧* , *豫剧*) .

Таким образом, древнекитайское театральное искусство имеет мифологическое основание. Предпосылками его возникновения являются мифы и обряды, многие из которых имеют одних и тех же героев. Мифы в значительной мере служили объяснением обрядовой мистерии. В тоже время обряд широко использовал язык мифа. В древнем театре метаязыковая семантика передавалась разными художественными средствами, на разные лады выявлялась особенность танца, песни, рисунка, музыки.

Исследование белорусской мифологии показывает, что театральное искусство белорусов также имеет мифологические корни. Она восходит к архаико-религиозной традиции, к различным по культовой и региональной принадлежности обрядовым акциям. Анализ ряда мифов позволяет выявить в них структуру и язык обряда. Особенно это характерно для обрядов, посвященных почитанию языческих богов. Такие обряды имеют тех же мифических героев, обряд широко использует язык мифа. Древними белорусами очень почиталась богиня *Ляля* («Лёля»), обряд в ее честь устраивался весной следующим образом. Выбрав со своей среды девушку, которая наиболее, по представлению жителей, подходила к образу Лели, ее наряжали в длинную белую одежду, перевязывая ей шею, руки и талию различными зелеными растениями, голову украшали венком из весенних цветов. Девушку-Лялю сажали на дерновую скамейку, на которой находились сосуды с молоком, сыр, масло, яйца, хлеб; у ног Ляли укладывали венки, соответственно количеству присутствующих девушек. Хоровод девушек танцевал и пел вокруг убранной девушки. Ляля постепенно раздавала девушкам продукты, сложенные на скамейке до тех пор, пока ничего не останется. Затем хоровод девушек снова начинал танцевать, а Ляля бросала танцующим венки. Аналогичные обряды устраивались в честь таких богов, как Перун, Толока, Щедрец, Ярила и др.

Исследование сюжетов и образов белорусской мифологии показывает, что элементами театрализации были также наполнены зрелищные ритуалы, проводимые героями-первопредками белорусов. Наиболее выразительно они проявлялись во время календарных праздников. Календарные мифы отражали основные космогонические представления древних белорусов, способствующие формированию у них архетипических сюжетов о

возникновении жизни и смерти, добра и зла. Сами значимыми из них являлись Коляды, Масленица, Купалле, Деда, связанные с равноденствием и солнцестоянием.

Анализ обрядов и ритуалов, вытекающих из календарных мифов, дает основание утверждать, что они представляли собой своеобразный спектакль-мистерию протяженностью в астрономический год, где четыре сезона года выступали в роли актов этого спектакля. Так, в период весеннего равноденствия (21-22 марта) устраивались проводы зимы, зазывание весны с элементами театрализации. Между участниками обряда распределялись роли: одни были войском Весны, другие войском Зимы. Сооружалась снежная крепость, которую защищало войско Зимы, а войско Весны стремилась ее разрушить. Изготавливалась кукла Зимы, иногда ее роль исполнял человек. Создавался масленичный поезд из участников обряда, который объезжал с песнями и танцами близлежащие деревни. Атрибутами поезда были 12 лошадей, колесо, круглые калачи, символизирующие 12 месяцев и солярные знаки. Вечером осуществлялся ритуал сжигания куклы Зимы. Уничтожением (сжиганием, утоплением) ритуальных кукол и масок сопровождалась и другие календарные праздники [307–308]. Например, непременным обрядом Купалля был костер, отгоняющий тьму и защищающий свет.

Игровыми театрализованными эпизодами был очень насыщен праздник зимнего солнцестояния – Коляды. Это космическое явление воспринималось мифическими героями как победа света над тьмой, тепла над холодом. Сражение двух противоборствующих сил древние белорусы воспроизводили с множеством театрализованных элементов. Ритуальную битву олицетворяли две группы ряженных. Воинство Тьмы возглавлял дух тьмы и холода Карачун, роль которого представлял один из участников обряда, его свиту составляли ряженные в масках медведей, волков, там же были маски Смерти и прочих существ «низшей мифологии». Войско Света возглавлял Коляда, воплощающий новое Солнце. Среди его воинов находились ряженные в костюмах и масках козы, тура, оленя, лошади. Ряженные нечистой силы обходили дома, разыскивая Коляду-Солнце, требовали от хозяев подношений, угрожали скупым домочадцем. Ряженные во главе с Колядой также ходили по домам с песнями, извещали о рождении нового солнца, прославляли добрых хозяев и пели в их честь благодарственные песни. Кульминацией ритуала было театрализованная битва партий ряженных, в которой побеждала партия Коляды. В финале обряда маски и другие реквизиты обряда сжигались и все участники праздника представляли в своем повседневном облике.

Религия древних славян была космической, а миф – астральным. Поэтому в календарных мистериях субъекты белорусской архаической культуры старались воссоздать персонажи мифологического мира, мифопоэтического пространства. В театральном представлении далекие предки находили возможность прикоснуться к миру небожителей и участвовать в жизни Космоса, вернуться в прошлое, заглянуть в будущее, увидеть мифических персонажей, которых в повседневной жизни никогда не встретишь.

Тема 8 Мифологические основания белорусского и китайского хореографического искусства

В анализируемый исторический период также зарождается и получает быстрое развитие танцевальное искусство древнего Китая, теснейшим образом связанное с музыкальной культурой. У его истоков, как явствует из белорусской и китайской мифологии, были культурные герои. Например в мифе о Янь-луне 炎龙 говорится: “Янь-лунь изобрел цитру и гусли. Восемь его сыновей, имен которых мы не знаем, создали песни и танцы”. Один из мифов повествует, что сочинителями танцев были также сыновья культурного героя Ди-цзюня 帝江. Первоначально танцы складывались в процессе ритмичных ритуальных танцев, а также подражания тотемическим животным. Первопредки сочиняли ритуальные танцы и пантомимы, основанные на подражании. Эти танцы восходят к охотничьим ритуальным пляскам и имеют в своей основе тотемические представления, согласно которым покровителями родов и племен выступают звери-тотемы. Одна из таких плясок запечатлена в бронзовой скульптуре III-IV вв. до н. э.

Исследование культовых обрядов в честь богов и духов дает основание утверждать, что возникновение китайского танца связано с ритуальными плясками, исполнявшимися во время храмовых обрядов. Обрядовые танцы по сути дела означали, не что иное, как всякого рода заклинания, смысл которых состоял в том, чтобы ублаготворить духов и богов и тем самым добиться хорошего урожая, удачной охоты, отворотить засуху или наводнение. Это подтверждают ряд мифов. Например в “Книге гор и морей” реконструирован фрагмент мифа, где зафиксирован ритуальный танец: “Двое – жрица (и ее супруг) – вместе совершают, по обряду плодородия, брачный танец с нефритовым диском (би)”. В мифе о героическом предке Чи-ю 蚩尤 найден фрагмент текста, где отмечается, что “когда начиналась засуха, люди

собирались вместе, наряжались Ин-луном и танцевали. Говорят, что в конце концов часто выпадали большие дожди”.

Храмовые танцы были тесно связаны с жизнью и производственными процессами и часто носили религиозный, мистический характер.

Ритуальными танцами сопровождалась военные действия. В “Книге гор и морей” обнаружен фрагмент такого предания: “Тогда [Синтянь] 刑天 из сосков сделал себе глаза, а из пупка рот. Взял в руки щит и секиру и исполнил ритуальный танец”. Свидетельством взаимосвязи танца и труда в древнем обществе Китая является старинное начертание иероглифического знака “у” 舞 – “танец”, “танцевать” в виде фигуры человека, пляшущего с бычьими хвостами в руках. Многие расшифрованные надписи на предметах времен архаики также подтверждают мысль о том, что в далеком прошлом танцоры исполняли танцы, держа в руках хвост животного или перья птицы. Например, в мифе о Ци повествуется, что он «велел певцам и танцовщицам, взяв в руки бычьи хвосты, разыграть представление в полях Далэ, что к северу от горы Даюньшань». Изучение текстов “Шицзин” позволило нам выявить песню танцора, в которой говорится, что молодой танцор исполнял танец с пером птицы: “Вот я в руки флейту взял / И перо фазанье сжал, / Красен стал, как от румян, – / Князь мне чару выпить дал”.

На это также указывают оды и гимны в честь царей и князей. Так, в гимне “На пиру у князя” повествуется: “Гости пьяны: они пляшут играя”. В “Гимне царю Чэн-тану 称叹” упоминаются танцы: “Мы в барабаны и колокол бьем и гремим; / Танцы прекрасны – следом один за другим”. Сладострастные танцы, как видно из мифа о Кун Цзя 孔家, обожал Сяский правитель Цзе-ван 界王. Уже в раннем периоде династии Чжоу (1050–221 гг. до н. э.) сформировалась искусство «я юе у» 《雅乐舞》 (изящная музыка и танец).

Жители выбрав ровную площадку, именуемую лунной, и мужчины и женщины в красивых одеждах играют на шэнах из тростника, поют и танцуют. Об этой традиции сообщает и Юань Кэ: «Иногда танцевали парами: юноша шел впереди, играя на лушэне, а девушка следовала за ним, звеня колокольчиками. Так они кружились в танце всю ночь без усталости».

В эпоху Хань дальнейшее развитие получает комплексное представление, включающее танец, музыку, песни, ушу, магию, буффонаду. В танцах со всевозможными музыкальными инструментами, оружием и другими предметами достигалась художественная выразительность и техническое мастерство исполнителей.

Исследование мифологических истоков танца свидетельствует, что танцевальное искусство древнего Китая характеризовалось особым лиризмом, благозвучностью мелодий, живостью игры их исполнителей, отражением специфических региональных особенностей, определяемых этнографическими и природно-климатическими условиями, в которых проживали этносы Поднебесной. Региональные танцы отличались тематическими сюжетами, различной силой, мягкостью движений, танцевальными ритмами, тонкими, мягкими, грациозными движениями ног, верхней части туловища. Для народности хань были присущи яркие танцы янгэ и «Танец лотоса». На юге провинции Хэнань популярными были «цветочные танцы» с барабаном. Свою специфику имели также тибетские танцы.

В процессе нашего исследования был обнаружен фрагмент мифа о сыне неба Тао Тану **陶坦**. Его реконструкция позволяет утверждать, что в древнем Китае танец использовали в качестве терапии физических недомоганий. Миф повествует, что период правления Тао Тана «ци народа было спертым и подавленным. Оттого сочленения и кости пришли у всех в скованное состояние и не слушались. Посему он изобрел пляску, чтобы заставить народ двигаться».

Таким образом, истоки этнического многообразия танцевального искусства Китая находятся в мифологии и фольклоре. Оно проявляется в мелодии, ритме, жанрах, форме, технике исполнения танцоров. Мифические образы культурных героев, причастных к становлению китайской танцевальной культуры, воплощены в современной художественной литературе, архитектуре, скульптуре, изобразительном искусстве. Ряд хореографических композиций, созданных, согласно мифологии культурными героями, включены в постоянный репертуар сегодняшних профессиональных и любительских танцевальных коллективов.

Исследование генезиса хореографического искусства белорусов позволяет утверждать, что возникновение белорусского танца также тесно связано с мифологией и обрядом. Так, на Масленицу («Масленка», «Сырница»), чтобы обеспечить богатый урожай, обязательным атрибутом обряда в честь прихода весны были танцы и песни. Во время праздника в честь богини весны Лели исполнялись различные коллективные танцы. С реликтовой продуктивной магией связан танец «Ленок», где имитируется процесс выращивания и обработки льна. К магии плодovitости относятся танцы, исполнявшиеся в честь опекуна домашних животных Юрия («Юрай», «Юр'е», «Ягор'я», «Георги») Хоровод, по мнению белорусского

фольклориста И. Углика, относится к одному из древнейших жанров фольклорно-игровой, обрядовой сферы традиционной культуры белорусов. Он объединяет танец, пение, поэзию, игровые действия.

Хороводами с песнями сопровождалась праздники в честь Ярилы, Щедреца, Толоки и других языческих божеств. П. М. Шпилевский, описывая празднование Толоки, отмечает: «После этого хоровод окружает Толоку и ... танцует, припевая... Став за ей попарно... идут в дом хозяина».

Таким образом, танцевальное искусство является одним из древнейших жанров игровой, обрядовой сфер мифологии, которой присущ синкретический характер – синтез хореографии, пения, поэзии и драматически-игрового действия. Конкретно-функциональная семантика древнего танца довольно разнообразная и зависит от обрядовой. Часть танцев связана с реликтовой производственной деятельностью, где имитировался процесс возделывания тех или иных сельскохозяйственных культур. Ряд танцев имели эротическую направленность, распространенными в архаическом обществе были танцы, связанные с культом умерших предков.

Литература

Барт, Р. Мифология / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 48–130.

Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. / . С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.

Беларускі фальклор : Энцыклапедыя: У 2 т. Т.1: Акапэла – Куцця / [Рэдкал: Г. П. Пашкоў і інш.] – Мінск : БелЭн, 2005. – 768 с.: іл.

Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. Т.2: Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – “Яшчур” / [Рэдкал: Г. П. Пашкоў і інш.] – Мінск: БелЭн, 2005. – 832 с.: іл.

Буслаев, Ф. И. Народный эпос и мифология / Ф. И. Буслаев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Н. Азбелев. – М. : Высш. шк., 2003. – 398 с.

Васильев, К. В. Истоки китайской цивилизации / К. В. Васильев. – М. : Восточная литература, 1998. – 319 с.

Вац, А. Б. Танцевальное искусство Китая: история и современность / А. Б. Вац. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2011. – 224 с.

Вень Идо. Мифы и стихи (Шэньхуа юй ши) / Вень Идо. – Пекин : Изд-во древ. лит., 1957. – 367 с.

Георгиевский, С. Мифические воззрения и мифы китайцев : с табл. кит. иероглифов / С. Георгиевский. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1892. – XIV, 117 с.

Гране, М. Китайская мысль от Конфуция до Лао-цзы / М. Гране. – М. : Алгоритм, 2008. – 528 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН – М.: Вост. лит. – [Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М. Л. Токарев и др. – 2-е изд. стереотипное. – 2011. – 869 с.: ил.

Каваленка, В. А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка ; рэд. І. Я. Навуменка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 318 с.

Китайская мифология: Энциклопедия / [Сост., общ. ред., предисл. К. Королева].— М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 416 с.

Летапіс Легенды і паданні / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; склад.: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі ; рэд. А. С. Фядосік. – 2-е выд., дап. і дапрац. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 550 с. Вялікіх Князёў Літоўскіх // Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV- XVII стст.) / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. “Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы”; уклад., прадм., камент. В. А. Чамярыцкага. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – С. 78 – 111.

Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. – М. : Наука, 1994. – С. 5 – 217.

Мао, Дуня. Начальное изучение китайской мифологии (Чжунго шэньхуа яньцзю АВС шо) / Дуня Мао. – Шанхай: Мир книгоиздательство, 1929. –111 с.

Мартысюк, П. Г. Мифосемантические основания циклической парадигмы культуры / П. Г. Мартысюк. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 255 с.

Мелетинский, Е. М. Общее понятие мифа и мифология / Е. М. Мелетинский // Мифология : ил. энцикл. слов. / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», АО «Норинт», 1996. – С. 812–817.

Міфалогія. Духоўныя вершы / А. М. Ненадавец [і інш.] ; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 469 с. – (Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; кн. 5).

Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд.: Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 605 с.

Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А.Токарев. – 2-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1987–1988. – Т. 1. – 1987. – 671 с.

Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1987–1988. – Т. 2. – 1988. – 719 с. Міфы Бацькаўшчыны / Беларус. энцыкл. ; уклад. У. А. Васілевіч. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 109 с.

Ненадавец, А. М. / А. М. Ненадавец. Нарысы беларускай міфалогіі – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 535 с.

Рифтин, Б.Л. От мифа к роману: эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. – М. : Наука, 1979. – 360 с.

Смолик, А. Первотворение артефактов материальной культуры мифическими героями / А. Смолик // Аўтэнтэчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання (памяці антрапалага Зінаіды Мажэйка): зб. навук. прац / Мін-ва культуры Рэспуб. Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; рэдкал.: Языковіч В. Р. (старш.) і інш. – Мінск: БДУКМ, 2016. – С. 89. – 90.

Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер; пер. с нем. И. Касавина. – М.: Республика, 1996. – 448 с.

Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі: нарысы: вучэб. дапам. / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 398 с.

Элиаде, М. Мифы, сновидения, мистерии = Myths, dreams and mysteries / М.Элиаде; пер. с англ. А. П. Хомик.– М.: Рефл-Бук; Киев: Ваклер, 1996. – 285 с.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань Кэ; пер. с кит.: Е. И. Лубо-Лесниченко [и др.]; отв. ред. Б. Л. Рифтин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1987. – 526 с.

王增勇《神话与民俗》，陕西人民教育出版社，1993年，220页= Ван, Цзэн Йонг. Мифы и фольклор / Цзэн Йонг Ван. – Шаньси : Пед. изд-во округа Шаньси, 1993. – 220 с.

高有鹏、孟芳《神话之源——山海经与中国文化》，开封，河南大学出版社，2001年，309页= Гао, Йоу Пен. Мифы и легенды – «Книга гор и морей в китайской культуре» / Йоу Пен Гао, Фан Мен. – Кайфень : Изд-во хэнаньского ун-та, 2001. – 309 с.

丁山《古代神话与民族》，北京，商务印书馆，2005年，489页= Дин, Шан. Древние мифы и народности Китая / Шан Дин. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2005 г. – 489 с.

叶舒宪《中国神话哲学》，北京，中国社会科学出版社，1992年，363页= Йе, Шу Сянь. Философия древних мифов / Шу Сянь Йе. – Пекин : Китайское изд-во социальных наук, 1992. – 363 с.

田兆元《神话与中国社会》，上海人民出版社，1998年，456页= Тянь, Чжао Юань. Мифология и китайское общество / Чжао Юань Тянь. – Шанхай : Шанхайское народное изд-во, 1998. – 456 с.

傅光宇《彝族神话：创世之光》，广西民族出版社，1993年，510页= Фу, Гуан Юй. Мифы народности И: мифы о сотворении мира / Гуан Юй Фу. – Народное изд-во Гуаньси, 1993. – 510 с.

潜明兹《中国神源》，重庆出版社，1999年，470页= Цянь, Мин Цзы. Истоки китайской мифологии / Минцзы Цянь. – Шанхай : Изд-во Чун Цинь, 1999. – 470 с.

3. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

3.1. Тематика семинарских занятий

Тема 1. Мифология как ранняя форма духовной культуры белорусов и китайцев.

Тема 2. Типология белорусской и китайской мифологии.

Тема 3. Сотворение мифическими персонажами белорусской и китайской мифологии человека как субъекта культуры.

Тема 4. Культуротворческая деятельность персонажей белорусских и китайских мифов.

4. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

4.1 Перечень вопросов по темам семинарских занятий

Тема 1. Мифология как ранняя форма духовной культуры белорусов и китайцев.

1. Метафоричный, мистический и иррациональный характер освоения мира первопредками белорусов и китайцев.
2. Нерасчлененность восприятия живой и неживой природы, человеческого и природного мира субъектами белорусской и китайской мифологии.
3. Особенности мифологического времени и пространства.

Литература

1. Беларускі фальклор : Энцыклапедыя: У 2 т. Т.1: Акапэла – Куцця / [Рэдкал: Г. П. Пашкоў і інш.] – Мінск : БелЭн, 2005. – 768 с.: іл.
2. Китайская мифология: Энциклопедия / [Сост., общ. ред., предисл. К. Королева].— М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 416 с.
3. Лю, Янь. Тотемизм как отражение мировосприятия древних китайцев / Янь Лю /в конференции «Религия и общество-10» / круглом столе «Религиоведение в системе социогуманитарного знания и образования-3»; Могилев, 10–12 марта 2016 г. – С. 139–142.
4. Лю, Янь. Мировосприятие персонажей белорусских и китайских героических мифов / Янь Лю // Институт современных знаний. – 2016. – №3(68). – С. 76–80.
5. Смолик, А. И. Субкультурные формирования XXI века : учебное пособие / А. И. Смолик, Л. К. Кухто, О. Л. Гутько. – Минск : РИВШ, 2002. – 196 с. : ил.

Тема 2. Типология белорусской и китайской мифологии.

1. Космогонические мифы и их содержание.
2. Мифы о героях о героях-демиургах.
3. Антропогонические мифы и их персонажи.
4. Образы эсхатологических мифов.

Литература

1. Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. Т.2: Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – “Яшчур” / [Рэдкал: Г. П. Пашкоў і інш.] – Мінск: БелЭн, 2005. – 832 с.: іл.
2. Лю, Янь. Персонаж белорусской и китайской мифологии как первотворец и транслятор артефактов культуры: сравнительно-типологический аспект / Янь Лю. – Минск: Издатель А. Н. Вараксин, 2018. – 254.
3. Ненадавец, А. М. / А. М. Ненадавец. Нарысы беларускай міфалогіі – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 535 с.

Тема 3. Сотворение мифическими персонажами белорусской и китайской мифологий человека как субъекта культуры.

1. Миф о Нюйве и Паньгу как создателях первоначально китайцев.
2. Персонажи народной белорусской мифологии творцы человека.
3. Христианская мифология о происхождении человека.

Литература

1. Лю, Янь. Поэтизация культурных героев в китайской мифологии / Янь Лю // Аўтэнтэчны фальклор: праблемы захавання, успрымання: зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі памяці антрапалага Зінаіды Мажэйкі : Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, 24–26 красавіка 2015 г. – Мінск: БГУКИ, 2015. – С. 141–142.
2. Мартысюк, П. Г. Мифосемантические основания циклической парадигмы культуры / П. Г. Мартысюк. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 255 с.
3. Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі: нарысы: вучэб. дап. / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 398 с.

Тема 4. Культуротворческая деятельность персонажей белорусских и китайских мифов.

1. Трансляция персонажами мифов артефактов материальной культуры белорусов и китайцев.
2. Мифологические истоки белорусской и китайской духовной культур.
3. Миф как основа белорусского и китайского художественного творчества.

Литература

1. Лю, Янь. Первотворение артефактов материальной культуры героями белорусской и китайской мифологии : сравнительно-типологический

анализ / Янь Лю // Веснік Беларускага Дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2015. – №1(23). – С. 39–47.

2. Лю, Янь. Мифические истоки мкзыкального искусства Древнего Китая / Янь Лю // Месячник Полоцкий. – 2016. – №15. – С. 108–112.

3. Ненадавец, А. М. / А. М. Ненадавец. Нарысы беларускай міфалогіі – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 535 с.

4. Китайская мифология: Энциклопедия / [Сост., общ. ред., предисл. К. Королева].— М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 416 с.

4.2 Перечень вопросов к зачету

1. Міф як ранняя форма духоўнай культуры.
2. Тыпалогія міфаў і іх характарыстыка.
3. Функцыі міфа.
4. Беларуская міфалогія як вынік адлюстравання з'яў прыроды і сацыяльнага жыцця ў мастацкіх абагульненнях.
5. Міфалагічная свядомасць суб'ектаў міфалагічнай творчасці.
6. Уяўленне беларусаў аб хаосе і ўзнікненні з яго Сусвету.
7. Персанажы беларускай міфалогіі, якія маюць дачыненне да першатварэння прыроды.
8. Уяўленні беларусаў аб Сусветным дрэве.
9. Персанажы беларускай міфалогіі, звязаныя з воднай стыхіяй.
10. Герой-дэміург і вогненнай стыхіі.
11. Міфічныя персанажы, якія з'яўляюцца апекунамі жывёльнага свету.
12. Міфічныя ўяўленні беларусаў аб стварэнні чалавека.
13. Культурныя героі беларускай міфалогіі як першастваральнікі артэфактаў матэрыяльнай культуры.
14. Духоўная культура як вынік першатварэнняў духоўнай культуры.

5. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

5.1 Учебная программа

Установа адукацыі
«Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў»

ЗАЦВЯРДЖАЮ

Прарэктар па навуковай рабоце
БДУКМ

_____ В.Р. Языковіч

«_____» _____ 2019 г.

Рэгістрацыйны № ВД-___/эвуч.

МІФАЛОГІЯ КІТАЯ І БЕЛАРУСІ: АГУЛЬНАЕ І СПЕЦЫФІЧНАЕ

*Вучэбная праграма ўстановы вышэйшай адукацыі
па вучэбнай дысцыпліне для спецыяльнасцей:*

1-21 04 01 Культуралогія (па напрамках),

1-21 04 02 Мастацтвазнаўства (па напрамках),

1-23 01 14 Сацыяльна-культурная дзейнасць

2019

Вучэбная праграма складзена на аснове адукацыйнага стандарта вышэйшай адукацыі ОСВО 1-21-04 01-2013 па спецыяльнасці 1-21 04 01 Культуралогія (па напрамках) і вучэбных планаў па спецыялізацыям рэг. № Д21-1-70/17 вуч.; Д21-1-69/17 вуч.; Д21-1-71/17 вуч.; Д21-1-73/17 вуч. ад 05.07.2017

СКЛАДАЛЬНІК:

А. І. Смолік, загадчык кафедры культуралогіі ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў», доктар культуралогіі, прафесар

РЭЦЭНЗЕНТЫ:

М. М. Сакалоўская, старшы выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін установы адукацыі «Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі», кандыдат культуралогіі;

Т.М. Смолікава, дацэнт кафедры міжкультурных камунікацый установы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў», кандыдат культуралогіі

РЭКАМЕНДАВАНА ДА ЗАЦВЯРДЖЭННЯ:

кафедрай культуралогіі ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў» (пратакол № 10 ад 27.03.2019);

прэзідыумам навукова-метадычнага савета ўстановы адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў» (пратакол № 4 ад 17.04.2019)

Адказны за выпуск: *А. І. Смолік*

ТЛУМАЧАЛЬНАЯ ЗАПІСКА

Актуальнасць вывучэння міфалогіі як адной з базавых вучэбных дысцыплін у сістэме вышэйшай культуралагічнай адукацыі абумоўлена яе значным патэнцыялам для ўсебакавага развіцця, павышэння агульнай культуры асобы, фарміравання сістэмы каштоўнасцей і ідэалаў гуманістычнага светапогляду. Веланне міфалогіі, якая з'яўляецца ранняй формай духоўнай культуры беларускага і кітайскага этнасаў, забяспечвае эстэтычнае і патрыятычнае выхаванне спецыялістаў сацыякультурнай сферы.

Праграма, створаная на аснове адукацыйнага стандарта, прадугледжвае сістэматызаванае вывучэнне разнастайных тыпаў беларускіх і кітайскіх міфаў, якое неабходна студэнтам для фарміравання цэласнага ўяўлення аб нематэрыяльнай культурнай спадчыне Беларусі і Кітая.

Мэтай вучэбнай дысцыпліны «Міфалогія Кітая і Беларусі: агульнае і спецыфічнае» з'яўляецца набыццё студэнтамі базавых ведаў аб агульных заканамернасцях генезісу культуры, яе ранніх формах і функцыях асаблівасцях яе функцыянавання, канцэптах міфалогіі; спецыфіцы гістарычнага развіцця ў Кітаі і Беларусі, спосабах і праблемах іх узаемадзеяння.

Задачы:

- фарміраванне ўяўлення пра сутнасць і развіццё духоўнай культуры, разнастайнасць яе форм і тыпаў;
- атрыманне ведаў аб метадах даследавання міфаў;
- апісанне і супастаўленне розных тыпаў міфаў на падставе выяўлення агульных рыс для вызначэння культуратворчасці міфічныхт персанажаў, вылучэння іх тыпалагічных характарыстык;
- фарміраванне навыкаў самастойнага вывучэння міфаў Кітая і Беларусі;
- далучэнне да сусветнай і нацыянальнай культурнай спадчыны беларусаў і кітайцаў.

Вучэбная дысцыпліна “Міфалогія Кітая і Беларусі: агульнае і спецыфічнае” прадугледжвае актуалізацыю міжпрадметных сувязей з такімі вучэбнымі дысцыплінамі дзяржаўнага кампанента, як: “Гісторыя Беларусі (у

кантэксце сусветных цывілізацый)”, а таксама вучэбнымі дысцыплінамі кампанента УВА: “Усеагульная гісторыя”, “Усеагульная гісторыя мастацтваў”, “Ахова гісторыка-культурнай спадчыны”, “Этналогія і этнаграфія Беларусі” і некаторымі іншымі.

Вучэбная дысцыпліна “Міфалогія Кітая і Беларусі: агульнае і спецыфічнае” з’яўляецца курсам па выбару студэнтамі спецыяльнасці Прыкладная культуралогія для першай ступені вышэйшай культуралагічнай адукацыі.

У выніку вывучэння вучэбнай дысцыпліны студэнт павінен *ведаць*:

- базавыя паняцці і праблематыку дысцыпліны;
- эвалюцыю міфалогіі як феномена культуры;
- важнейшыя метадалагічныя парадыгмы даследавання міфаў;
- заканамернасці культурна-гістарычнага развіцця чалавецтва;
- асноўныя этапы гісторыі сусветнай і нацыянальнай культуры, заканамернасці іх паслядоўнага развіцця;
- асноўныя дасягненні ў развіцці матэрыяльнай і духоўнай сусветнай культуры у параўнанні з архаічнай эпохай.

умець:

- характарызаваць асноўныя этапы ў гісторыі сусветнай, беларускай і кітайскай культуры, заканамернасці іх развіцця;
- ацэньваць стан, тэндэнцыі і перспектывы развіцця міфалогіі;
- аналізаваць ва ўзаемасувязі развіццё міфалогіі, рэлігіі, філасофіі, дасягненні навукі і адукацыі;
- ужываць асноўныя паняцці і факталагічны матэрыял міфалогіі ў будучай тэарэтычнай і практычнай дзейнасці;
- вызначаць месца і ролю беларускай і кітайскай міфалогіі ў гісторыі сусветнай культуры.

валодаць:

- асноўнымі паняццямі і тэрмінамі спецыяльнай лексікі;
- сучаснымі метадалагічнымі канцэпцыямі ў міфалогіі;
- актуальнымі метадамі і прыёмамі комплекснага аналізу пэўных тэкстаў міфаў.

Вывучэнне вучэбнай дысцыпліны «Міфалогія Кітая і Беларусі: агульнае і спецыфічнае» павінна забяспечыць фарміраванне ў студэнтаў наступных *акадэмічных кампетэнцый*:

- АК-1. Валодаць і ўмець выкарыстоўваць базавыя навукова-тэарэтычныя веды у галіне міфалогіі для вырашэння тэарэтычных і практычных задач.
- АК-2. Валодаць сістэмным і параўнальным аналізам.
- АК-3. Валодаць даследчымі навыкамі.

- АК-4. Умець працаваць самастойна.
- АК-5. Быць здольным параджаць новыя ідэі (валодаць крэатыўнасцю).
- АК-6. Валодаць міждысцыплінарыным падыходам да вырашэння праблем.
- АК-8. Валодаць навыкамі вуснай і пісьмовай камунікацыі.
- АК-9. Умець вучыцца, павышаць сваю кваліфікацыю на працягу ўсяго жыцця.

Студэнт павінен развіць наступныя *сацыяльна-асобасныя кампетэнцыі*:

- САК-1. Валодаць грамадзянскімі якасцямі.
- САК-2. Быць здольным да сацыяльнага ўзаемадзеяння.
- САК-3. Валодаць здольнасцю да міжасобаснай камунікацыі.
- САК-5. Быць здольным да крытыкі і самакрытыкі.
- САК-6. Умець працаваць у камандзе.
- САК-7. Умець фарміраваць і абараняць уласныя меркаванні.

Студэнт павінен набыць наступныя *прафесійныя кампетэнцыі*:

- *арганізацыйна-кіраўніцкая дзейнасць*:
- ПК-7. Выкарыстоўваць у прафесійнай дзейнасці найноўшыя інфармацыйныя тэхналогіі;
- *аналітычная дзейнасць*:
- ПК-8. Дыялектычна мысліць і аргументаваць свій пункт погляду, аналізаваць факты і прагназаваць развіццё падзей, распрацоўваць рашэнні з улікам эканамічных, сацыяльных і этычных патрабаванняў, ацэніваць гістарычныя і сучасныя праблемы і тэндэнцыі, рыхтаваць навуковыя матэрыялы, рэфераты, агляды, рэцэнзіі.
- ПК-10. Прадстаўляць вынікі работы ў выглядзе справаздач, рэфератаў, артыкулаў, якія аформлены згодна з патрабаваннямі і выкананы на падставе сучасных сродкаў рэдагавання і друку;
- *навукова-даследчая дзейнасць*:
- ПК-11. Фармуляваць і вырашаць задачы, якія ўзнікаюць у працэсе навукова-даследчай і педагагічнай дзейнасці і патрабуюць паглыбленых прафесійных ведаў.
- ПК-12. Выбіраць неабходныя метады даследавання, мадыфікаваць існуючыя і распрацоўваць новыя метады згодна з задачамі канкрэтнага даследавання;
- *педагагічная дзейнасць*:
- ПК-13. Творча прымяняць атрыманыя веды і набытыя навыкі ў прафесійнай дзейнасці;
- *інавацыйная дзейнасць*:

– ПК-18. Працаваць з навуковай і метадычнай літаратурай.

Пры вывучэнні дысцыпліны мэтазгодна выкарыстоўваць *метады навучання*: тлумачальна-ілюстратыўны, эўрыстычны, кейс-метад (метад сітуацыйнага аналізу), метад уключанага назірання, вучэбнае мадэляванне практыка-арыентаванага навуковага даследавання.

У рамках фарміравання сучасных сацыяльна-асобасных і сацыяльна-прафесійных кампетэнцый будучых спецыялістаў пры правядзенні семінарскіх заняткаў выкарыстоўваюцца метадыкі актыўнага навучання, дыскусійныя формы.

Для кіравання вучэбным працэсам і арганізацыі кантрольна-ацэначнай дзейнасці выкладчыкам рэкамендуецца выкарыстоўваць рэйтынжавыя, крэдытна-модульныя сістэмы ацэнкі вучэбнай і даследчай дзейнасці студэнтаў, варыятыўныя мадэлі кіруемай самастойнай працы.

У адпаведнасці з вучэбным планам на вывучэнне вучэбнай дысцыпліны “Міфалогія Кітая і Беларусі: агульнае і спецыфічнае” ўсяго прадугледжана 52 гадзіны, з якіх аўдыторных заняткаў 34 гадзіны для дзённай формы атрымання адукацыі. З іх 24 гадзіны – лекцыі, 10 гадзіны – семінары. Для завочнай формы атрымання адукацыі: 8 гадзін – аўдыторныя заняткі. З іх 6 гадзін – лекцыі, 2 гадзіны – семінары.

Рэкамендаваная форма кантролю ведаў студэнтаў – залік.

ЗМЕСТ ВУЧЭБНАГА МАТЭРЫЯЛУ

Тэма 1. Уводзіны. Міфалогія як гістарычна першая форма духоўнай культуры беларускага і кітайскага этнасаў

Рэміфалагізацыя свядомасці суб'ектаў беларускай і кітайскай культуры ў сучаных умовах жыццядзейнасці. Міфалогія як сістэма поглядаў, заснаваная на ірацыянальным спосабе ўспрыняцця і адлюстравання свету.

Міфалогія як адна з важнейшых форм сэнсажыццёвых пошукаў першапродкаў беларусаў і кітайцаў. Увасабленне ў міфе тыповых, абагульненых, універсальных сэнсаў быцця беларускіх і кітайскіх этнасаў. Адлюстраванне ў міфах з'яў прыроды, яе асваення, сацыяльнага жыцця ў шырокіх мастацкіх абагульненнях.

Міф і абрад як ядро беларускай і кітайскай архаічнай культуры. Міфы – аснова розных жанраў фальклора і форм язычаскай рэлігіі.

Тэма 2. Абагульненае адлюстраванне рэчаіснасці ў выглядзе пачуццёвых уяўленняў аб першасных якасцях рэчаў і з'яў прыроды ў міфах беларусаў і кітайцаў

Міфасінкрэтычная структура мысленне старажытных беларусаў і кітайцаў. Спецыфічныя асаблівасці міфалагічнага светаўспрымання беларускім і кітайскім этнасам. Нерасчлененасць успрыняцця жывой і нежывой прыроды, чалавечага і прыроднага свету, уяўленняў аб тоеснасці рэчаў і людзей у старажытных формах міфічнай свядомасці беларусаў і кітайцаў.

Міф як апісанне макра- і мікракосмоса ў форме аповяда аб узнікненні частак іх элементаў, у выглядзе з'яў і падзей, якія мелі месца ў пэўныя раннія часы.

Тэма 3. Сістэмнае і комплекснае даследаванне міфаў у Беларусі і Кітаі

Агульныя тэарэтыка-метадалагічныя падыходы да даследавання міфа як феномена культуры ў заходнееўрапейскім і расійскім дыскурсе.

Даследаванне міфалогіі, як падмурка нацыянальнай культуры, беларускімі навукоўцамі. Выяўленне ўзаемасувязі міфа і літаратуры ў працах Т. І. Шамякінай, В. А. Каваленка, А. М. Ненадаўца і інш. Інтэрпрэтацыя міфалогіі як крыніцы беларускага фальклора В. А. Василевичам А. Н. Виноградовой. Э.К. Дарашэвічам і інш.

Першапачатковы этап даследавання міфаў кітайскімі вучонымі (Вэнь Ідо, Мао Дунь, Лі Цзеган і інш.).

Даследаванне міфаў на аснове навуковага вывучэння старажытных літаратурных крыніц у 2-й палове XX ст. (Сяо Бінь, Ху Няні, Юань Кэ, Ян Куан і інш.)

Тэма 4. Віды беларускай і кітайскай міфалогіі

Старажытная (дахрысціянская) беларуская міфалогія. Адлюстраванне ў старажытнай міфалогіі працэсаў упарадкавання Сусвету з хаоса, бескампраміснай барацьбы паміж багамі, культурнымі героямі і выключнымі асобамі. Увасабленне ў “нізкай міфалогіі” деманалагічных персанажаў.

Хрысціянская міфалогія беларусаў. Прыстасаванне міфалагічных вобразаў старажытнай міфалогіі у перыяд хрысціянізацыі беларускіх зямель. Пераасэнсаванне старажытных міфаў і ўключэнне перапрацаваных міфалагічных сюжэтаў у хрысціянскія тэксты, рэлігійныя абрады і рытуалы. Выкарыстанне міфалагічнай традыцыі хрысціянствам. Інтэрпрэтацыя асноўных катэгорый хрысціянства праз разнастайныя беларускія міфы.

Старажытнакітайская міфалогія і яе галоўныя персанажы (богі, духі, культурныя героі, першапродкі, міфічныя імператары і інш.).

Канфуцыянская міфалогія як вынік адаптацыі старажытных міфаў да сацыяльна-этычнага вучэння Канфуцыя.

Прысутнасць пераапрацаваных старажытных міфаў у даоіасіскай міфалогіі. Спраба даоіасістаў растлумачыць будову свету і з’яў прыроды сродкамі міфалогіі. Уключэнне міфалагічнага матэрыялу ў філасофію даоіасізма.

Фарміраванне сістэмы будыйскай міфалогіі ў Кітаі. Запозычэнне персанажаў з індыйскай культуры і злучэнне іх з героямі кітайскай міфалогіі. Позже буддисты стали соединять происхождение своих мифических персонажей с китайскими героями. Дэталізацыя будыстамі ўяўленняў аб падземным свеце і пякельных судзілішчах.

Тэма 5. Тыпалогія беларускіх і кітайскіх міфаў

Архаічныя міфы як форма паданняў. Іерархія беларускіх і кітайскіх міфаў.

Касмалагічныя міфы як аповяды пра ствартэнне Сусвету.

Акумуляіраванне пазітыўнай дзейнасці чалавека і ідэалізацыя культуратворчасці першапродкаў беларусаў і кітайцаў у гераічных міфах.

Тлумачэнне паходжання чалавека і першых сацыяльных супольнасцей ад татэмных жывёл і іншых арганічных істот і неарганічных рэчываў у антрапаганічных міфах.

Аповяды аб падзеях далёкага і блізкага мінулага, аб “апошніх” рэчах і гібелі свету ў эсхаталагічных міфах.

Цыклы каляндарных абрадаў, багі, духі, магія ў каляндарных міфах.

Тэма 6. Касмагонія і эсхаталогія і яе ўвасабленне ў міфах Беларусі і Кітая

Касмагонія – важнейшая частка міфатворчасці беларусаў і кітайцаў.

Пытанні ўзнікнення Сусвету, Зямлі, Неба, расліннага, жывельнага свету і чалавека ў беларускай і кітайскай міфалогіі. Касмаганічныя сюжэты ў хрысціянскай міфалогіі.

Род, Сотвар, Жажбог і Пярун как героі-деміургі, якія стварылі Сусвет с верхнім, сярэднім і ніжнімі мірамі. Регулятыўная і адаптацыйная функцыя ў стварэнні Зямлі міфалагічнага пресанажа Бая.

Тянь (Неба) – вярхоўны дух кітайскай міфалогіі, які стварыў усё існае. Узнікненне элементаў матэрыяльнага свету з духа і цела Паньгу.

Эсхаталагічныя міфы беларусаў і кітайцаў. Змаганне з патопам Гуня і Юя. Выратаванне Ноям чалавечага рода, жывельнага і расліннага відаў. Міфы аб пекле і дзіоце ў беларускай і кітайскай міфалогіі.

Тэма 7. Антрапаганічныя і гераічныя міфы беларускага і кітайскага этнасаў

Чалавек як вынік трансфармацыі татэмных жывёл. Мядведзь – татэм першапродкаў кітайцаў і беларусаў.

Дажбог, Род, Бай – родапачынальнікі беларускага этнаса. Міф аб Гаршэчніцы. Інтэрпрэтацыя праблемы з’яўлення першага чалавека ў хрысціянскай міфалогіі.

Нюйва і Паньгу як тварцы першапродкаў кітайцаў.

Трансляцыя культурнымі героямі артэфактаў культуры беларусаў і кітайцаў. Асноўныя культурныя героі беларускай і кітайскай міфалогіі.

Тэма 8. Міфалагічныя персанажы беларусаў і кітайцаў як першастваральнікі артефактаў матэрыяльнай і духоўнай культуры

Герой-дзяміург Бай – заснавальнік паляўніцтва на беларускіх землях. Апякунства міфічным персанажам Зосімам бортніцтва. Міфалагізацыя земляробства першапродкамі беларусаў. Богі і духі земляробства (Бялун, Жыцень, Палявік, Талака і інш.). Аўлас, Вазіла, Вялес, Хлеўнік – апякуны жывёлагадоўлі.

Ганчар, Дзямьян, Кузьма і Лаўр – першыя міфалагічныя рамеснікі.

Дзейнасць міфічных персанажаў па вытворчасці прылад працы (Лу Бань, Сяо Гунь, Хуан-ді і інш.). Вынаходніцтва культурнымі героямі прыстасаванняў для палявання і лоўлі рыбы (Фусі, І. Хоуі, Шу і інш.). Культурныя героі як заснавальнікі земляробства (Гуйгу-цзы, Тай-сі, Хоу-цзы, Цай-шэнь, Шэнь-нун і інш.).

Заснаванне міфічнымі персанажамі рамёсел і промыслаў (Дунфан Шо, Жу-Шоу, Іцзюнь, Хуан-ді, Чы-ю і інш.).

Тэма 9. Міфалагічныя вытокі беларускай і кітайскай славеснай творчасці

Персанажы беларускіх міфаў як заснавальнікі пісьменнасці і славеснай творчасці (Баян, Еўфрасія Полацкая, Ізяслаў, Кірыла і Мяфодзій). Міфічныя летапісцы і іх творы: “Полацкі летапіс”, “Аўраамскі летапіс”, “Летапісец вялікіх князёў літоўскіх” і інш. Агіяграфічная літаратура Старажытнай Беларусі. Эпіграфікі.

Вынаходніцтва пісьменнасці культурнымі героямі ў Старажытным Кітаі (Вэнічан, Мэн Тянь, Фусі, Цанцзе і інш.).

Першыя старажытныя творы і іх міфічныя аўтары: “Вёсны і Восені Люя”, Лагаграфіі (“Тао-у”, “Шан шу”, “Чун-цю”, “Кніга гор і мораў” і інш.). “Шы-цзы” (“Гістарычныя запіскі”) Сыма Цяна. “Шыцзін” (“Кніга песен і гімнаў”) – класічны канон старажытнай літаратуры Кітая. Міфічныя персанажы каля вытокаў кітайскай паэзіі: Сун Юй, Сыма-Сян-жу, Цюй Юань.

Тэма 10. Вобраз музыканта ў беларускай і кітайскай міфалогіі

Сінкрэтычны характар старажытнага беларускага і кітайскага мастацтваў.

Міфалагема *музыканта* як культурнага героя у вуснай народнай творчасці беларусаў. Вобраз музыкі ў беларускіх міфалагічных казках “Музыка і чэрці”, “Цыган-музыка”, “Гуслі”, “Шчаслівы пастух”, “Пятніца” і інш.

Дачыненне культурных герояў (Дзі-ку, Нюйва, Хуан-дзі, Ю-Шуй і інш.) да вырабу першых музычных інструментаў (барабана, гуслі, лютня, флейта, цытра, шэнхуан і інш.).

Разнастайнасць жанраў музычнага мастацтва ў архаічную эпоху. Стварэнне міфічнымі персанажамі першых вакальных і інструментальных твораў (Гу Соу, Куй, Удай Юаньшуй, Чжы і інш.).

Тэма 11. Міфы і абрады як крыніца беларускага і кітайскага тэатральнага мастацтва

Элементы музычна-сцэнічных відовішч у культавых абрадавых формах беларусаў і кітайцаў. Звязаныя і пераплеценыя паміж сабой міф і абрад як ядро архаічнай духоўнай культуры беларусаў. Выкарыстанне абрадам мовы міфа. Арадавыя містэрыі-шэсці і іх тлумачэнні ў міфах. Перадача метамоўнай семантыкі рознымі мастацкімі сродкамі. Структура і мова абрада ў беларускіх і кітайскіх міфах Міфы Кітая і Беларусі як своеасаблівая тэатральная інсцэніроўка міфічных сюжэтаў.

Міфалагічныя карані старажытнабеларускага тэатральнага мастацтва. Міфы і абрады як перадумовы народнага тэатра беларусаў. Абрады ў гонар міфічных персанажаў Лёлі, Пяруна, Талакі, Ярылы і інш.

Сюжэты і вобразы беларускай міфалогіі ў відовішчных рытуалах падчас каляндарных святаў Дзяды, Купалле, Каляды, Маслянка і інш. Узнаўленне персанажаў міфалагічнага свету у каляндарных містэрыях.

Тэма 12. Міфалагічныя асновы беларускага і кітайскага харэаграфічнага мастацтва

Рытуальныя танцы і пантамімы, заснаваныя на імітацыі татэмаў беларусаў і кітайцаў. Рытуальныя танцы першапродкаў кітайцаў падчас храмавых абрадаў і ваенных дзеянняў. Каляндарныя танцы. Магічны характар танцаў.

Рэлігіяная і містычная сутнасць архаічных танцаў. Адлюстраванне ў танцах рэгіянальных асаблівасцей кітайскіх этнасаў.

Танец як сродак пераадолення фізічных і псіхічных адхіленняў у старажытных кітайцаў. Міфічныя культурныя героі, якія маюць дачыненне да ўзнікнення танцавальнай культуры.

Сувязь беларускага народнага танца з міфамі і абрадамі. Калектыўныя танцы беларусаў у гонар багіні вясны Лёлі, лета – Талакі. Сувязь танца зрэліктавай прадуктыўнай магіяй.

Карагод як старажытны жанр фальклорна-гульнявой і абрадавай сферы традыцыйнай культуры беларусаў. Сінкрэтычны характар народнага танца беларусаў.

ВУЧЭБНА-МЕТАДЫЧНАЯ КАРТА ВУЧЭБНАЙ ДЫСЦЫПЛІНЫ

Назва тэмы	Колькасць аўдыторных гадзін		Колькасць гадзін КСР	Форма кантролю ведаў
	Лекцыі	Семінарскія заняткі		
Тэма 1. Уводзіны. Міфалогія як гістарычна першая форма духоўнай культуры беларускага і кітайскага этнасаў	2			
Тэма 2. Абагульненае адлюстраванне рэчаіснасці ў выглядзе пачуццёвых уяўленняў аб першасных якасцях рэчаў і з’яў прыроды ў міфах беларусаў і кітайцаў	1			
Тэма 3. Сістэмнае і комплекснае даследаванне міфаў у Беларусі і Кітаі	1			
Тэма 4. Віды беларускай і кітайскай міфалогіі	1	1	2	Праверка прэзентацый
Тэма 5. Тыпалогія беларускіх і кітайскіх міфаў	1	1		
Тэма 6. Касмагонія і эсхаталогія і яе ўвасабленне ў міфах Беларусі і Кітая	2	1		
Тэма 7. Антрапаганічныя і гераічныя міфы беларускага і кітайскага этнасаў	2	1		
Тэма 8. Міфалагічныя персанажы беларусаў і кітайцаў як першастваральнікі артефактаў матэрыяльнай і духоўнай	2		2	Індывідуальныя заданні

культуры				
Тэма 9. Міфалагічныя вытокі беларускай і кітайскай славеснай творчасці	2	1		
Тэма 10. Вобраз музыканта ў беларускай і кітайскай міфалогіі	2	1		
Тэма 11. Міфы і абрады як крыніца беларускага і кітайскага тэатральнага мастацтва	2	1		
Тэма 12. Міфалагічныя асновы беларускага і кітайскага харэаграфічнага мастацтва	2	1	2	Калоквіум
Разам...	20	8	6	

ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНАЯ ЧАСТКА

Літаратура

Асноўная

1. Барт, Р. Мифология / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 48–130.
2. Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. / . С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН – М.: Вост. лит. – [Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М. Л. Токарев и др. – 2-е изд. стереотипное. – 2011. – 869 с.: ил.
4. Китайская мифология: Энциклопедия / [Сост., общ. ред., предисл. К. Королева].— М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 416 с.
5. Клакхон, К. Мифы и обряды: общая теория / К. Клакхон // Обрядовая теория мифа : сб. науч. ст. / сост., пер. А. Ю. Рахманина. – СПб : АО «Норинт», 2003. – С. 157–176.
6. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. – М. : Наука, 1994. – С. 5 – 217.
7. Лю, Янь. Персонаж белорусской и китайской мифологии как первотворец и транслятор артефактов культуры : сравнительно-типологический аспект / Янь Лю. – Минск: А.Н. Вараксин, 2018 – 256 с.
8. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд.: Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 605 с.
9. Мифология : ил. энцикл. слов. / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – СПб.: Фонд «Ленингр. галерея» : Норинт, 1996. – 843 с.
10. Ненадавец, А. М. / А. М. Ненадавец. Нарысы беларускай міфалогіі – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 535 с.

11. Смолик, А. И. «Исторические записки» Сыма Цяна как источник по древнекитайской цивилизации / А. И. Смолик // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. VI. В 2 ч. Ч. I. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 273. – 280.

12. Смолик, А. И. Субкультурные молодежные формирования XXI века : учебное пособие / А. И. Смолик, Л. К. Кухто, О. Л. Гутько. – Минск : РИВШ, 2022. – 196 с. : ил.

13. Шамякіна, Т. І. Міфалогія Беларусі: нарысы: вучэб. дапам. / Т. І. Шамякіна. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 398 с.

14. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Юань Кэ; пер. с кит.: Е. И. Лубо-Лесниченко [и др.]; отв. ред. Б. Л. Рифтин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1987. – 526 с.

Дадатковая

1. Буслаев, Ф. И. Народный эпос и мифология / Ф. И. Буслаев ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Н. Азбелев. – М. : Высш. шк., 2003. – 398 с.

2. Вундт, В. Миф и религия / В. Вундт // Мюллер, М. От слова к вере / М. Мюллер. Миф и религия / В. Вундт. – М., СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 2002. – С. 245 – 827.

3. Калацэў, В. В. Параўнальная міфалогія / В. В. Калацэў. – Мінск : Зорны верасень, Паркус плюс, 2009. – 116 с.

4. Мартысюк, П. Г. Мифосемантические основания циклической парадигмы культуры / П. Г. Мартысюк. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 255 с.

5. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – 4-е изд., репр. – М. : Вост. лит., 2006. – 406 с.

6. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А.Токарев. – 2-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1987–1988. – Т. 1. – 1987. – 671 с.

7. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1987–1988. – Т. 2. – 1988. – 719 с.

8. Рифтин, Б.Л. От мифа к роману: эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. – М. : Наука, 1979. – 360 с.

9. Элиаде, М. Аспекты мифа / М.Элиаде; пер. с фр. В. Большакова; ст., коммент. Е. Строгановой. – М.: Инвест-ППИ, 1996. – 240 с.

10. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Метады (тэхналогіі) навучання

Да эфектыўных педагагічных метадык і тэхналогій, якія садзейнічаюць далучэнню студэнтаў да пошуку і выкарыстання ведаў, набыццю вопыту самастойнага вырашэння задач, адносяцца:

- тэхналогіі праблемна-модульнага навучання;
- тэхналогіі вучэбна-даследчай дзейнасці;
- праектныя тэхналогіі;
- камунікатыўныя тэхналогіі (дыскусіі, прэс-канферэнцыі, вучэбныя дэбаты і іншыя актыўныя формы і метады);
- метады аналізу канкрэтных сітуацый;
- гульнявыя тэхналогіі, у межах якіх студэнты ўдзельнічаюць у дзелавых, ролевых, імітацыйных гульнях, і інш.

Для кіравання вучэбным працэсам і арганізацыі кантрольна-ацэначнай дзейнасці выкладчыкам рэкамендуецца выкарыстоўваць рэйтынгавыя, крэдытна-модульныя сістэмы ацэнкі вучэбнай і даследчай дзейнасці студэнтаў, варыятыўныя мадэлі кіруемай самастойнай працы, вучэбна-метадычныя комплексы.

У мэтах фарміравання сучаснай сацыяльна-асобаснай і сацыяльна-прафесійнай кампетэнцыі выпускніка ВНУ ў практыку правядзення семінарскіх заняткаў мэтазгодна ўкараняць метадыкі актыўнага навучання, дыскусійныя формы.

Сродкі дыягностыкі вынікаў вучэбнай дзейнасці

Да эфектыўных педагогічных методык і тэхналогій, якія садзейнічаюць далучэнню студэнтаў да пошуку і выкарыстання ведаў, набыццю вопыту самастойнага вырашэння праблем сацыякультурнай практыкі, адносяцца:

- тэхналогіі праблемна-модульнага навучання;
- тэхналогіі вучэбна-даследчай дзейнасці;
- практычныя тэхналогіі;
- камунікатыўныя тэхналогіі;
- гульнявыя тэхналогіі;
- метады аналізу канкрэтных сітуацый.

Для кіравання вучэбным працэсам і арганізацыі кантрольна- ацэначнай дзейнасці выкладчыкам рэкамендуецца выкарыстоўваць рэйтынжавыя, крэдытна-модульныя сістэмы ацэнкі вучэбнай і даследчай дзейнасці студэнтаў, варыятыўныя мадэлі кіруемай самастойнай працы, вучэбна-метадычныя комплексы.

У мэтах фарміравання неабходнай сацыяльна-асобаснай і сацыяльна-прафесійнай кампетэнтнасці выпускніка УВА ў практыку правядзення семінарскіх заняткаў мэтазгодна ўкараняць метадыкі актыўнага навучання, дыскусійныя формы.

У якасці аднаго з элементаў выяўлення вучэбных дасягненняў студэнта магчыма выкарыстоўваць крытэрыяльна-арыентаваныя тэсты. Яны ўяўляюць сабой сукупнасць тэставых заданняў закрытай формы з адным альбо некалькімі варыянтамі правільных адказаў; заданняў на ўстанаўленне адпаведнасці паміж элементамі двух варыянтаў з адным альбо некалькімі

суадносінамі і роўнай альбо рознай колькасцю элементаў і варыянтаў;
заданняў адкрытай формы з фармалізаваным адказам; заданняў на
ўстанаўленне правільнай паслядоўнасці.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ